

Putin's Empire

STEFAN **BATORY**
FOUNDATION

Putin's Empire

Stefan Batory Foundation

Sapieżyńska 10a

00-215 Warsaw

tel. |48 22| 536 02 00

fax |48 22| 536 02 20

batory@batory.org.pl

www.batory.org.pl

Editor

Wojciech **Konończuk**

Language editing

Svetlana **Appenheimer**, Urszula **Pawlik**

Cover design by

Teresa **Oleszczuk**

Typesetting by:

TYRSA Sp. z o.o.

© Copyright by the **Stefan Batory Foundation**

Warsaw 2007

Contents

Aleksander Smolar, Introduction	7
Power in Russia	
Лилия Шевцова, Россия перед новым политическим циклом: парадоксы стабильности и Petro-State	13
Włodzimierz Marciniak, From Retrospection to a Prognosis.	
On the Difficulties in Prognosticating the Development of the Political Situation in Russia	29
Michael McFaul, Russian Liberalism is Retreat	43
Станислав Белковский, Бизнес Владимира Путина. Окончание	55
Authorities and society	
Игорь Клямкин, Негражданское общество	7
Арсений Рогинский, Право на самоопределение: правозащитники и власть в современной России	69
Александр Аузан, Общество в России: причины слабости и спрос на социальную силу	99
Imperial Russia?	
Arkady Moshes, Post-Imperial Russia: Emergence and Prospects of Regaining Influence in the Post-Soviet Space	113
Юрий Федоров, Российская сверхдержава: мифы и реальности	125
Marie Mendras, Back to the Besieged Fortress ?	137
Дмитрий Орешкин, Имперский проект в России.	
Печальные перспективы	153

Aleksander Smolar

Introduction

Russia is interesting, it is fascinating, it provokes fear. The myth of its mysteriousness has always been present in history. It is enough to mention Winston Churchill's classic phrase *the mystery inside the enigma*, which perfectly captures Russia's incomprehensibility, or Fyodor Tyutchev's famous remark, uttered one hundred years earlier, that *Rossiyu mozžno tolko verit*¹. Hence, Russia seems to be more of an object of faith and less of an object of cognition. Does the country really conceal such a great mystery?

Until recently, Russia used to be considered a country which no longer belonged to the group of the most influential countries in the world. There had been many reasons why this had happened. Russia retreated from Europe several hundred kilometers to the east and dissolved its external empire. Due to the catastrophic demographic situation – Russian population decreases by 700–800 thousand people every year – Russians are

* Aleksander Smolar – publicist, politologist, President of the Board of the Stefan Batory Foundation; studied sociology and economy at the Warsaw University. Between 1971 and 1989, a political émigré in Italy, Great Britain and France. In 1974–1990, founder and editor-in-chief of the 'Aneks' political quarterly; in 1989–1990, Political Advisor to Prime Minister Tadeusz Mazowiecki. In 1992–1993, Foreign Policy Advisor to Prime Minister Hanna Suchocka. Scholar at the French National Scientific Study Centre (CNRS). His publications include *La Grande Secousse. L'Europe de l'Est 1989–1990* (eds. with Peter Kende, Paris 1991), *Globalization, Power and Democracy* (eds. with Mark Plattner, Baltimore 2000), *De Kant a Kosovo* (eds. with Anne-Marie Gloanec, Paris 2003).

¹ "... in Russia you believe".

often referred to as a nation which dies out. As a result of the economic catastrophe of the nineties, symbolized by the Russian crisis of 1998, the standard of living of an ordinary Russian decreased drastically. The central authorities were completely unable to exert influence on the situation in the regions.

The first Chechen war and Moscow's concessions were interpreted as a sign of Russia's weakness, even if the decision to grant Chechnya broad autonomy was accepted due to moral reasons. Russia seemed to lose its former standing also in the military sphere. Its enormous nuclear power was no longer significant in a world, where the Cold War's balance of force principles no longer applied. Russia was ironically referred to as "Upper Volta with nuclear missiles".

Consequently, only several years ago it seemed that Russia as a state was a virtual being. One may quote many examples of Russia's weakness at that time. Today, the image of Russia in the press indicates that it is a completely different country. It is even difficult to understand what changed the way Russia is perceived in the world so drastically. There are various interpretations, some of them very simple.

Regardless of how the observers try to explain the change in the ways the situation in Russia is viewed, it is now a country which is once again believed to have regained its status of a world power. Russia is believed to have returned to the group of the few countries which are shaping and will shape the fate of the world. According to the most popular interpretations, Russia regained its integrity and strength, personified by President Vladimir Putin. Regardless of the controversy which Putin arouses in the world and of the negative emotions he evokes among the liberal elites of Russia, the Russian president is a very popular man in his country. If we were to measure democracy by the strength of public support, we might assume there were not many leaders who had such a strong political mandate. On the other hand, Russia is less and less democratic. Without doubt, it is less democratic than during Boris Yeltsin's presidency. At that time Russia, was a vanishing state, immersed in chaos, but it was also a vivid society, with

a truly pluralistic democracy. There were justified hopes that the country would follow the Western path of development. Today, Putin openly challenges the Western, democratic model of development.

It is also difficult to define the Russian political system, and therefore to describe what Russia really is. Is it a neo-patrimonial, surface democracy, an autocracy, an oligarchy, or a bureaucratic state capitalism? Perhaps it is a capitalism of the presidential administration? Is it a petro-economy, or a petro-state?

This is how contemporary Russia has recently been described by Russian and Western authors. The situation in the energy supplies market lies in the center of the Russian mystery. Vast natural resources suddenly turned out to be a factor which decisively changed not only the international position of Russia, but also its internal economic situation. Russia uses oil and gas to pursue its political objectives more boldly, which leaves the West worried and frightened. These are only some of the problems which contribute to the renewed interest in Russia which can be observed in the world and which results in the search for new interpretations to describe Russia's internal policy and international position.

The texts included in this compilation, written by outstanding experts on Russia from France, Poland, the United States and, first of all, from Russia itself, attempt to explain the Russian mystery. Their authors participated in the conference "Putin's Russia", organized by Stefan Batory Foundation in Warsaw, on 30 November 2006. The articles were written specifically for this publication.

Power in Russia

Лилия Шевцова

Россия перед новым политическим циклом: парадоксы стабильности и Petro-State

Президентство Владимира Путина стало периодом консолидации бюрократически-авторитарного режима и бюрократического капитализма. Сегодня есть основания сделать вывод относительно того, насколько стабилен этот режим и насколько российская система способна стать инструментом модернизации.

Стабильность, готовая обрушиться

Начнем с проблемы стабильности. Внешне особых угроз для стабильности России в ближайшем будущем не видно. Напротив, есть все доказательства того, что российская внутренняя ситуация устойчива, и власть ее контролирует. Давайте перечислим те факторы, которые обеспечивают в России спокойствие. Цена на нефть остается ключевым фактором стабильности. В стране продолжается экономическое оживление, которое поддерживает позитивный тонус части общества. Народ еще не преодолел усталости от ельцинских встрясок и не горит желанием выходить на улицы. Люди разочарованы в существующей

* Лилия Шевцова – политолог, ведущий эксперт Московского центра Карнеги. Профессор Московского государственного института международных отношений (МГИМО), эксперт Carnegie Endowment for International Peace (Вашингтон) и Королевского института международных отношений (Chatham House) в Лондоне. Окончила историю и журналистику в МГИМО. Автор множества книг, посвященных истории современной России, среди которых: *Режим Бориса Ельцина* (1999), *Yeltsin's Russia Myth and Reality* (2000), *Gorbachev, Yeltsin and Putin: Political Leadership in Russia's Transition* (вместе с А. Brown, Washington 2001), *Putin's Russia* (2003).

оппозиции, как слева, так и справа, и не спешат ее поддерживать, ожидая появления новых лиц. Сам факт сохранения в России старой оппозиции, которая заполняет протестные ниши, препятствует появлению новых оппозиционеров. Имеет значение и то, что Кремль успешно перехватывает у оппозиции привлекательные лозунги и идеи. Особо отмечу потерю интеллигенцией прежней оппозиционности – отныне в обществе нет того поддерживающего недовольство фермента, которым были советские интеллигенты и диссиденты. Имеет значение относительная мягкость режима, которая позволяет выживать несогласным, правда, загоняя их в своеобразные гетто и лишая возможности для контактов с обществом. Отдадим должное кремлевским технологам, которым удается заполнять политический вакуум искусственными клонами, ограничивая шансы для формирования живых социальных и политических движений. Клоны заполняют политическое пространство, не оставляя шансов для оппозиции. Наконец, российской власти повезло с фактором неизбежности, которая проявляется в том, что после революционных потрясений наступает этап стабилизации и даже реставрации.

Огромное значение для дремлющей сегодня России имеет институт лидерства. Когда все зыбко, надежда на лидера и его прагматизм оказывается важным фактором стабильности. Народ, видя коррупцию власти, тем не менее, выносит лидера за скобки, поднимает его над бюрократией, и, поддерживая его, тем самым говорит: «Мы пока тебе верим потому, что больше никому верить».

А теперь поговорим о том, почему все в российском развитии относительно. На поверхность выходят системные факторы, которые начнут постепенно подрывать безмятежность. Я перечислю три системных фактора подрыва, т. е. те факторы, которые порождены организацией общества и имеют долговременный характер. Первый – это конфликт между персонифицированной властью и ее демократической легитимацией. Стремление власти к гарантированному самовоспроизводству ведет к попыткам подкорректировать результаты выборов, что, в свою очередь, ослабляет легитимацию власти, а в конечном итоге вызывает разрыв между нею и обществом. Второй фактор – стремление власти обеспечить статус кво при одновременном перераспределении ресурсов, ко-

торое неизбежно порождает конфликты элит и напряженность. Третий фактор – неизбежность формирования антисистемного недовольства при чрезмерной централизации власти. Ведь если политические институты не создают условий для самопроявления разных сил и интересов, то эти интересы ищут пути проявления в обход системы.

Россия представляет все больше доказательств того, что власть, построенная по принципу «приводного ремня», может работать только при безупречной системе субординации. А последнее достигается, во-первых, за счет страха, во-вторых, за счет насилия, в третьих, за счет мобилизующей идеологии, которой в свое время был коммунизм. Если хоть одна из составляющих этой «триады» отсутствует, вертикаль власти перестает нормально работать. Что мы имеем в России? Механизм принуждения коррумпирован. Страх перед Кремлем испаряется, а мобилизующей идеологии и вовсе нет. Кроме того, при централизованной системе сбой в работе одного из ее отсеков вызывает нарушение ритма всей системы, коль скоро все ее элементы находятся в вертикально-подчиненной зависимости. Отсутствие самостоятельных институтов, которые бы разрешали столкновения между группами интересов, ведет к тому, что эти столкновения провоцируют напряженность. Кроме того, когда борьба переносится за кулисы, это повышает непредсказуемость политического процесса. Следует учесть и высвобождение населения из-под прямой зависимости от государства – уже 45% населения говорят, что они не зависят от государства. В любой момент, когда власть затронет их интересы, они начнут искать формы объединения и могут стать вызовом для Кремля. В России уже сейчас стихийно самоорганизуются слои недовольных – группы автомобилистов, обманутых вкладчиков, солдатских матерей, экологические группы. Это та нарождающаяся структура гражданского общества, которая вскоре создаст проблемы для неправового государства. Вряд ли может успокаивать и тот факт, что все политические институты фактически «висят» на президентском рейтинге популярности. Падение этого рейтинга угрожает стабильности всей системы.

Обратим внимание и на то, как работает закономерность непреднамеренных обстоятельств. Уже не раз бывало, что власть получает результаты, противоположные ожидаемым. Так было с реформой монетизации социальных льгот,

которая вывела на улицы сотни тысяч людей в 2004 г. Так было с вмешательством Кремля в украинские выборы с целью поддержать Януковича в 2004 г., которое в итоге лишь сыграло на руку Ющенко. Так было с газовым конфликтом с Киевом в 2005 г., который должен был усилить роль Газпрома как поставщика углеводородов, но в результате заставил Европу искать источники диверсификации поставщиков энергоресурсов. Где гарантия, что закономерность непреднамеренных обстоятельств вновь не даст о себе знать, когда Кремль, пытаясь укрепить свои позиции, начинает пилить под собой сук?!

Тот факт, что правящая команда так поглощена имитационными играми – созданием прокремлевских партий, движений, советов – означает обеспокоенность власти тем, что может произойти в обществе, которое власть все меньше понимает. Но чем активнее власть пытается лепить ручное гражданское общество, закрывая все отдушины для протестного пара, тем вероятнее выход части реального общества за пределы легального поля. Условием стабильности общества и государства является развитая, структурированная и включенная в систему оппозиция. И, напротив, оппозиция, вытесненная из политики, всегда антисистемна. Между тем 61% опрошенных россиян хотят иметь настоящую оппозицию (только 25% относятся к ней негативно) и 47% считают, что ее в обществе нет (30%, что есть). Это означает, что народ ждет появления влиятельных оппонентов власти.

Есть и еще одна тревожная тенденция – эволюция постсоветских режимов на Северном Кавказе, где они приняли кланово-тоталитарный характер и при этом держатся на федеральных штыках и дотациях. Фактически на Северном Кавказе возникает российская версия Ближнего Востока, но удаленная от сферы влияния западного сообщества, а потому обреченная на еще большую безысходность. Москва оказалась заложником местных диктаторов типа Рамзана Кадырова и других султанских режимов, которые она же сама и создала, пытаясь стабилизировать ситуацию, и которым отдала немалые полномочия. Северный Кавказ превращается в милитаризованную зону, напичканную оружием, паразитирующую на России, все больше скатывающуюся к исламскому фундаментализму, все больше угрожающему стабильности и целостности России.

Обратим внимание и на те ситуативные факторы, которые сегодня работают на стабильность, завтра могут заработать в ином направлении. Возьмем нефть. Власть совершенно не готовится к возможному падению цены на нефть, которое может обвалить экономику. Возьмем другой инструмент обеспечения стабильности в России – формирование кремлевских движений. Нет никакой гарантии, что с организованными Кремлем движениями молодежи – «Наши» либо «Молодая Гвардия» – не произойдет то, что произошло с националистической партией «Родиной», которая также была сформирована Кремлем, а потом из-за честолюбия ее лидера Дмитрия Рагозина превратилась в отвязавшуюся пушку на палубе. Обратим внимание и на противоречия президентского рейтинга, который пока работает на стабильность. Из тех 76% населения, которое поддерживает президента Путина, только 17% считают, что он является успешным лидером. А все остальные полагают, что он «завалил» те задачи, которые он должен был осуществить, за исключением одной – внешней политики. Этот парадокс с поддержкой лидера, который рассматривается как провальный, только подтверждает безнадежность в настроениях людей: они ищут опоры в лидере, хотя и понимают его возможности, ибо других опор у них нет.

Рост в обществе националистических настроений и ксенофобии вызывает особые опасения. Они нередко провоцируются самой властью, которая постоянно ищет врага и искусственно формирует в стране атмосферу подозрительности по отношению к мигрантам. Национализм и ксенофобия являются защитной реакцией российского населения в условиях трудного выживания, и эти настроения канализируются в самых простых и примитивных формах. Сегодня около 56% россиян готовы поддержать лозунг «Россия для Русских». Это стремление найти ответ на собственную ущемленность и свои комплексы говорит об отсутствии в обществе реальной стабильности.

Гадать о том, насколько удастся сохранить стабильность в закрытой системе, которая начала работать на себя, дело неблагодарное. Однако представим себе неожиданное наслоение нескольких событий: реформа жилищно-коммунального хозяйства, повышение энерготарифов, транспортные пробки в крупных городах, рост инфляции, недовольство студентов, которых начнут забирать в армию, технологическая катастрофа, подобная отключению электричества

в Москве в 2005 г., этнический конфликт с применением силы. Этого вполне достаточно для того, чтобы получить толчок, который может растолкать даже самое терпеливое и инертное общество. Вызывает, однако, опасения то, что напряженность в ситуации, когда в обществе нет влиятельных либерально-демократических сил и сама либеральная демократия ассоциируется с ухудшением жизни, может только еще больше усилить в обществе национал-популистский крен. В этом случае окажутся правы те кремлевские обитатели, которые предупреждают: нынешний российский режим – воплощение цивилизованности по сравнению с тем, что может возникнуть в случае его обвала. Но все дело в том, что именно нынешняя власть породила почву для национал-популистской стихии и сохранение этой власти лишь усиливает эту стихию.

Само же общество, глядя на суетливость власти, которая одновременно пытается и запугать его, и понравиться ему, по-видимому, ощущает, что власть в себе не уверена и неуверенность власти может породить в обществе искушение проверить ее устойчивость. А потому будем готовы к любым неожиданностям, в том числе и к тем, которые создает сама российская власть, когда пытается исключить нежелательное.

Российский Petro-State

Экономика, которую оставляет Путин России, выглядит впечатляюще. ВВП за годы путинского президентства увеличился с 200 млрд. долл. в 1999 г. до 920 млрд. в 2006 г.; золотовалютные резервы – с 12,7 в 1999 г. до 266 млрд. долл. Запасы Стабилизационного фонда достигли 70 млрд. долл. В 2006 г. торговый профицит составил более 120 млрд. долл.; профицит бюджета – 7,5% ВВП. Российская экономика стала 12-той по величине среди мировых экономик. Российский крупный бизнес доказал способность организовать производство в крупных масштабах, с успехом конкурируя с мировыми корпорациями и проявляя динамизм и глобальные устремления. Россия, которая в 90-е гг. униженно выпрашивала деньги займы, сумела досрочно погасить свой долг Парижскому клубу.

Однако экономика, как и все в России, имеет свое «двойное дно». Источники экономического подъема не дают оснований для оптимизма прежде всего потому, что этот подъем связан в основном с высокими ценами на нефть и отчасти достигается за счет секторов, защищенных от конкуренции с импортом. Начиная с 2005 г. экономический рост начал затухать – с 10% в 2000 до 6,3% в 2006 г. Любой обвал цены на нефть может ввергнуть российскую экономику в состояние падения. Нет сомнений в том, что экономика достигла предела своего экстенсивного развития и отныне может только стагнировать. Правительство никак не может сбить инфляцию ниже 10%. Банковская система не выполняет своей роли посредника – финансовые потоки, которые формируются в сырьевом секторе, не перетекают в другие сектора. Множество банков занимается тем, что уводят деньги в тень и обслуживают класс рантье, а подчас и криминальные группы. Правительство не имеет понятия, что делать с негативными последствиями лавины нефтедолларов, в первую очередь, с укреплением рубля. Россия сумела расплатиться с государственным долгом, но вырос корпоративный долг российских компаний – с 30 млрд. долл. в 1998 г. до 216 млрд. долл. в 2005 г.

За время правления Путина в стране завершено строительство государственного капитализма. Но так как само государство оказалось приватизировано бюрократией, есть основания говорить об утверждении особой формы государственного капитализма – бюрократического капитализма. Отличием его от олигархического капитализма является решающая роль бюрократии. Толчком к его формированию стало дело Юкоса, которое продемонстрировало, что чиновничество начало возвращать себе в экономике командные высоты. За 2004–2006 гг. доля государства в капитализации фондового рынка увеличилась в полтора раза – до 30% и составила 190 млрд. долларов. За государственными компаниями в 2006 г. было 50% внешних корпоративных заимствований. Доля частного капитала в российском ВВП снизилась с 70% в 2004 до 65% в 2005 и продолжает падать. Государство не только стало агрессивным фактором в экономике, но является еще и основным регулятором – судьей, который устанавливает правила игры – естественно, в свою пользу, что подрывает принципы рынка. Рост в российской экономике крупных акул означал и ослабление перспектив

для малого и среднего бизнеса. В расчете на 1000 человек населения страны приходится лишь 6 малых предприятий, тогда как в странах ЕС – не менее 30. В этом секторе экономики занято около 15 млн. человек, т. е. около 20% от общей численности занятого населения, что в 3–3,5 раза ниже европейского уровня. Монополизация экономики акулами означает и невозможность ее диверсификации, которая требует существования множества более мелкой рыбы и ее концентрацию вокруг сырья.

Есть своя логика в том, что монополия на власть в России дополнена государственным монополизмом в экономике. Традиция поглощения властью собственности в который раз взяла верх, что свидетельствует о том, что российская власть не выносит конкуренции в любой сфере и довлеет к полному контролю за окружением, даже в ущерб экономической целесообразности. Я не утверждаю, что любая экспансия государства есть зло – отнюдь! Речь идет о вмешательстве в экономику государства особого типа, которое функционирует на основе не верховенства закона, а теневых правил игры, которые само же государство не соблюдает. Экспансия неправового государства в экономику означает неизбежность коррупции, отсутствие твердых принципов и последовательности, уход бизнеса в «серую зону». И никакие экономические реформы не могут стимулировать деловую активность, пока само государство не заинтересовано в конкурентной экономике.

Когда государство занято возвращением в экономику, об экономических реформах никто не думает. Эти реформы в России закончились еще в начале первого путинского правления. И, кстати, этот факт является демонстрацией неспособности централизованной власти к созданию динамичной экономики. Такая власть стремится гарантировать свои позиции за счет пакта аппарата и части крупного бизнеса. Все, что угрожает этому пакту, – конкуренция, неизбежность частной собственности, открытые суды и транспарентность процесса принятия решений, корпоративная этика, свобода прессы – должно быть ограничено. Следовательно, закрывается доступ воздуха для развития нормального рынка. Персонифицированная власть, размышляющая о том, как сохраниться за пределами 2008 г., тем более не готова к реформам, которые могут нарушить стабильность перед выборами. Конечно, и цены на нефть тоже

играют свою роль – они позволяют расслабиться и забыть о реформах. Ведь реформы проводят от отчаяния, а не тогда, когда с неба валятся нефтедоллары и можно жить, как в советские времена, тратя деньги на потребление.

Последствия экспансии неправового государства в экономику стали очевидными очень быстро. Так в течение 1998–2004 гг. нефтяные кампании, которые контролировались государством, повысили свое производство на 75%, а частные нефтяные кампании – на 132%. В течение пяти лет с 1999 по 2004 г. рост нефтяного производства достигал 8,5% в год, а после национализации Юкоса снизился до 2,7%. Но еще более убедительным доказательством разрушительности государственного влияния является деятельность Газпрома, который за 1999–2005 гг. повысил свое производство на 2%, а в 2005 г. рост его производства составил 0,8%.

Но это не может остудить оптимизм сторонников дирижизма. Для того, чтобы найти аргументы в свою пользу, они любят обращаться к успеху государственного капитализма в Восточной Азии и Китае. Возможно, они просто не знают, что призывают Россию повторить путь, с которого «азиатские тигры» сошли после кризисов своего государственного капитализма. Что касается Китая, то российские дирижисты тоже предпочитают не знать, что в Китае в 10% экономический рост происходит не за счет государственного, а частного сектора. И вообще экономические успехи Китая являются, в первую очередь, следствием невысокого уровня развития общества, а также того, что государство не заботится о социальных проблемах своих граждан. Пытаясь повторить китайский сценарий, Россия не только рискует совершить откат на уровень доиндустриального общества, но и не предохраняет себя от потрясений. По существу, дав бюрократии свободу рук в экономике, Россия возвращается к той отметке, от которой развитый мир уже ушел.

Экономическая модель, возникшая в России, начинает напоминать Petro-State – «бензиновое государство». Такое государство характеризует в первую очередь сырьевая ориентация. По независимым источникам доля нефтегазового сектора составляет соответственно – 24,7%, 32,7% и 37,2% ВВП в 2003, 2004 и 2005 г. Газ и нефть дают 56% поступлений в бюджет, и на них приходится 60% экспорта. В «бензиновых государствах» есть вполне определенные родовые

признаки: смычка аппарата и бизнеса, появление класса рантье, который существует за счет дивидендов от продажи сырья, системная коррупция, господство крупных монополий под контролем бюрократии, зависимость экономики от внешних шоков, угроза «голландской болезни», государственное вмешательство в экономическую жизнь, разрыв между богатыми и бедными. Государство такого типа заинтересовано не в модернизации, а в воспроизводстве сырьевой экономики. Все эти родовые признаки все больше характерны для России.

Идея «сырьевой сверхдержавы», овладевшая умами российской элиты, означает одно: признание провала попыток диверсифицировать российскую экономику. Этот провал грозил России катастрофическими последствиями, если бы не неожиданная удача – повышение цены на нефть. Охватившая мир истерия по поводу энергетической безопасности, которая и подстегнула цену на нефть, дала Кремлю неожиданный повод считать свой провал преимуществом. Газ и нефть превратились в решающий инструмент российской внешней и внутренней политики – по существу, в опору российской государственности. Если взглянуть на зарубежные поездки президента Путина, то возникает впечатление, что он занимается исключительно «сырьевой дипломатией», преимущественно «газовой дипломатией». Кремль сделал проблему обеспечения «энергобезопасности» основной в повестке дня «Восьмерки» в 2006 г., попытавшись на этом саммите утвердить энергетический супер-статус России. В начале 2006 г. Москва предложила Западу и остальному нуждающемуся в углеводородах миру своего рода „Grand Bargain“. Вот суть этого предложения: «Мы гарантируем вам поставки энергетического ресурса, а вы гарантируете стабильные объемы закупок и стабильные цены на длительную перспективу, и мы все это фиксируем в долгосрочных контрактах. Мы пускаем ваш бизнес в наши добывающие кампании. А вы пускаете нас в ваши распределительные сети». Мотивацию Кремля можно понять, и в ней есть определенный резон. Вот как рассуждают кремлевские обитатели: «Сейчас Россия залезет в долги и потратит миллиарды долларов на разработку месторождений в Сибири и арктическом шельфе, построит трубопроводы для доставки углеводородов потребителю. Но ведь если вдруг потребность в них снизится либо падет цена на энергоресурсы, Россия, сделавшая ставку на углеводороды, станет банкротом. Причем обвал

может произойти в любой момент, и эта перспектива, видно, беспокоит по крайней мере часть правящей команды. Есть и конкретные расчеты, которые убеждают Москву в необходимости экспансии на западные, в первую очередь, европейские рынки. Так, именно европейские, а не российские потребители обеспечивают благополучие Газпрома, ибо стоимость газа в Западной Европе в пять раз выше, чем в России. Отсюда и его стремление обеспечить прямой доступ к конечным потребителям газа.

Жесткость требований России вряд ли могла понравиться западным партнерам. Тоже понятно почему: предлагаемая Кремлем сделка по планированию производства и потребления энергоресурсов на длительную перспективу не имеет ничего общего с принципами рынка. Немаловажно и то, что российские государственные кампании – далеко не идеальный партнер по бизнесу, и их экспансия может подорвать в западных экономиках корпоративные правила, которые создавались десятилетиями. Кроме того, российские кампании являются продолжением государства и могут использоваться Кремлем как политический инструмент. Тенденция к расширению контроля государства за энергетическими ресурсами тоже вызывала у западного капитала сомнения в прочности сделок с российскими партнерами. Шелл с партнерами на Сахалин-2, Тотал на Харьягинском нефтяном месторождении, ВР на газовом месторождении Ковыкта – все эти кампании на себе ощутили жесткое давление российских государственных кампаний и, в первую очередь, Газпрома, который везде пытался увеличить свою долю вопреки предыдущим соглашениям.

Правда, западные наблюдатели, видя одну тенденцию, не замечают возможность другой: чем больше российские кампании будут интегрироваться в западные системы, тем быстрее они будут усваивать новые правила игры. И еще: чем больше российских кампаний окажутся включенными в западные экономики, тем безопаснее станет западному бизнесу в России. Пока неясно, какая из этих тенденций окажется доминирующей, но нужно видеть наличие обеих.

Конечно, не все «сырьевые» государства превращаются в Петростейты. Этого удалось избежать Америке, Канаде, Великобритании, Австралии и Норвегии. Но испытание нефтью, газом и прочим сырьем выдерживали только те страны,

которые имели развитое гражданское общество и ответственные правительства. Показателен пример норвежцев, которые сделали ставку на сочетание нефтяных интересов и интересов других социальных групп, представлявших рыбную промышленность, высокие технологии, экологические группы, предпочитая диверсифицировать экономику. Более того, норвежцы пошли на неслыханный шаг – ограничили инвестиции в национальную нефтяную кампанию Statoil и добычу нефти, чтобы избежать сырьевого крена.

Российская власть не менее осознанно сделала ставку на сырье как фактор возрождения экономики. Такую же иллюзию питали все Петростейты, начиная с Венесуэлы и Нигера и кончая Индонезией и Алжиром. Их судьба незавидна – они все заканчивают загниванием, как Венесуэла, или обвалом, как это случилось в Индонезии. Один из западных экономистов сравнил «нефтяные деньги» с ураганом Катрина по тому эффекту, которые они имеют для общества. То, что сырье - не обязательно ключ к успеху, доказывает Япония, где отсутствие ресурсов заставило нацию шевелить мозгами и развивать новые технологии. Не меньшую зависть у богатых ресурсами государств должна вызывать бедная сырьем Индия с ее 8% экономическим ростом, с ее Бангалором – районом новых технологий и мировой экспансией. Да и возвышение Китая происходит при очень скромных сырьевых возможностях.

Впрочем, трудно избавиться от ощущения, что российская элита понимает, о чем идет речь, и идея «сырьевой сверхдержавы» призвана отвлечь внимание общества от стремления правящего слоя обогатиться за счет углеводородов. Как признался руководитель министерства по природным ресурсам Юрий Трутнев, 75% всех известных месторождений нефти и газа в России уже в производстве, а нефтяные резервы могут иссякнуть через 10 лет. Вряд ли российская элита не знает, что 89% нефтяного оборудования в России устарело, а половине трубопроводов уже более 25 лет. Сырьевые отрасли, обложенные непомерными налогами, развиваются все медленнее. Темпы роста добычи нефти снижаются – и это при такой мировой цене на нефть! – а добыча газа стагнирует (падает на 20 млрд. куб. м в год). Кроме того, страна теряет ежегодно около 70 млрд. куб. м газа, в частности, за счет того, что газ сжигается в факелах. Кремлевская команда не может не знать эти расчеты.

В таком случае напрашивается вывод, что мушкетирование идеи энергетической сверхдержавы для политического класса является прикрытием сиюминутной политики, нацеленной на получение сверхприбылей, большая часть которых приватизируется в виде ренты. «Мы используем сверхдоходы в сырьевых отраслях для инновационного прогресса», – успокаивают российские чиновники. Но обещания остаются обещаниями: доля товаров и услуг в российском экспорте всего лишь 1,7%, а сферы высоких технологий – 0,3%!! Словом, трудно удержаться от впечатления, что мантра об энергетической мощи, которую не уставая твердит российская элита, а также ее заверения о начале скачка России в эру новых технологий – не что иное, как блеф.

А тем временем на практике происходит снижение рентабельности нефтегазового сектора. При этом не ощущается и подъем других секторов экономики. У власти нет ни желания, ни умения заниматься созданием инвестиционного климата, который необходим для того, чтобы заработала экономика высоких технологий, и она перестала заниматься поисками источников внутреннего роста, не зависящих от сырьевой лихорадки. Учтем и то, что сама российская экономика исключительно энергоемка – Россия потребляет газа больше, чем Япония, Великобритания, Германия, Франция и Италия вместе взятые. Это означает, что чем выше в России экономический рост, тем больше она будет потреблять энергии и тем меньше будет экспортировать. Следовательно, нет гарантии, что Россия справится со своими растущими международными обязательствами. Кроме того, доходов от продажи этого сырья не хватает даже для обеспечения элементарных нужд населения. Где уж тут претендовать на роль «сырьевой сверхдержавы».

Конечно, в России многие понимают, что сырьевая экономика является тормозом в ее модернизации. Но для того, чтобы диверсифицировать экономику, нужно решиться на глубокие системные реформы, которые станут ударом по пакту бюрократии и сырьевого бизнеса и приведут к ликвидации природной ренты и паразитирующего на ней класса. Только в этом случае начнут появляться новые капиталисты, которые станут инвестировать в высокие технологии. Но это движение к предприимчивости и инициативе невозможно без отказа от традиционной власти, которая заинтересована в сохранении сырьевой

экономики. В свою очередь, сырьевая экономика является основой для воспроизводства персонифицированной власти. И разорвать этот замкнутый круг пока в России некому.

Ни растущая assertiveness Кремля в отношении Запада, ни ужесточение политики Кремля в отношении иностранных инвесторов не отпугнули мировые нефтяные кампании. Российский бюрократический пресс им кажется преодолимым барьером. Глобальные Oil Majors и другие кампании, работающие на сырьевых рынках, готовы потратить деньги на политические риски. Причем здесь играет свою роль и заразительный пример. Так, «Бритиш Петролеум», которая первой взялась вкладывать серьезные деньги в России, как бы говорит остальным, что в Россию можно идти, несмотря на все опасения. Западные инвесторы активно участвовали в IPO Роснефти, зная о неправомерном поглощении ею части Юкоса – Юганснефтегаза, в ходе которого пострадали западные миноритарии. Крупный западный бизнес не пугают ни неурегулированность российского налогового законодательства, ни коррупция, ни необходимость получения политического благословения Кремля. Инвестор готов вкладываться, и в этом нет ничего удивительного – бизнес всегда циничен и готов играть по предложенным ему правилам.

Осторожно намекая о своем недовольстве «сырьевым диктатом» Москвы, западные правительства, тем не менее, стараются ее не раздражать. Более того, некоторые западные лидеры, в частности, бывший немецкий канцлер Шредер согласился стать председателем Совета акционеров «дочки» Газпрома. Это свидетельствует о том, что не только западный бизнес, но и западные политики не только соглашаются играть по правилам, которые предлагает Россия, но и становятся лоббистами бюрократического капитализма. А это дает российской элите новые аргументы для самоуверенности и убежденности в том, что Запад всегда можно либо шантажировать, либо коррумпировать.

Российское государство будет продолжать привлекать западных партнеров для осуществления своих проектов. Однако не должно быть иллюзий: иностранные компании рассматриваются в России лишь в качестве миноритарных инвесторов. Пример «Бритиш Петролеум», который создал joint venture с российским капиталом (ТНК-БП), продолжения не получил и так и останется памятником

личных отношений между Путиным и Блэром, впрочем, оказавшихся далеко не идеальными. Чего иностранному бизнесу ожидать от российской власти? Этот вопрос уже стал риторическим. Опыт Eххон Mobile, которая потеряла свои инвестиции на Сахалине и была вынуждена опять участвовать в тендере на месторождение, которое считала своим, свидетельствует о том, что Кремль будет и дальше играть по своим правилам, который сам будет устанавливать и сам же будет нарушать. Если интересы правящего класса потребуют отнять собственность у западного инвестора, ее отнимут. Если политическая ситуация в России потребует сделать из западного инвестора врага – он им станет, и никакая дружба президентов тому не помеха. Кремль по мере возможностей попытается не доводить дело до крайностей, которые могут отпугнуть западный бизнес. Но и легкой жизни этому бизнесу в России не будет, особенно если продолжится стратегия консолидации России на антизападной основе.

А тем временем приход в Россию в основном мировых нефтяных игроков еще больше укрепляет тенденцию развития страны в направлении Petro-State, реформировать которое будет все труднее. Возникает парадоксальная ситуация: западные монополии своим присутствием легитимируют и используют в своих интересах российское сырьевое государство (так же, как они легитимировали и использовали Petro-States в 60–70-е гг.). Однако это государство при первых признаках кризиса будет пытаться сделать из Запада своего Врага Номер Один. Вопрос лишь в том, кто успеет получить больше дивидендов из этого неустойчивого партнерства – западный бизнес или российская элита.

Нет ничего неожиданного в том, что, чем сильнее сырьевая направленность российской экономики, тем быстрее Россия превращается в сырьевой придаток Запада. Но, чем больше Россия становится сырьевым придатком Запада, тем активнее российская элита компенсирует свою неполноценность за счет усиления державнических амбиций. Ядерная держава с сырьевой ориентацией – это новый мировой феномен. Причем российские державники могут получить еще один повод для замешательства, если Россия превратится в сырьевой придаток Китая, страны, которая вскоре может стать одним из ведущих потребителей российских углеводородов. Думаю, однако, что в энергетическом крене России есть, по крайней мере, один позитив: российский политический класс больше

не заморожен ядерной мощью и не считает ядерный ресурс основным инструментом своей внешней политики. «Политика углеводородов», хотя и может использоваться как молоток, все же не имеет столь смертоносных последствий, как ядерная бомба. Но пока существует потребность мира в углеводородах, Россия будет продолжать их использовать в политических целях, и в этом мы видим, как экономика используется в геополитических целях. Но наученная опытом газового конфликта с Украиной в 2005 г. Москва, по крайней мере, будет пытаться избегать откровенных конфликтов вокруг газа и нефти. Однако замечу, что и Запад, и Китай здесь отнюдь не беспомощны и уже хорошо овладели искусством политической игры вокруг углеводородов, о чем свидетельствуют завораживающие интриги вокруг Каспия и в Средней Азии.

Проблема, которая меня беспокоит, в другом: как Россия будет справляться со своими амбициями, когда уже не будет сомнений в том, что углеводороды – весьма предательское оружие, и в любой момент они могут оказаться оружием самоубийства – если произойдет то, чего Россия так опасается – падение цены на нефть.

Włodzimierz Marciniak

From Retrospection to a Prognosis. On the Difficulties in Prognosticating the Development of the Political Situation in Russia

Prognoses are very unreliable. At the turn of the 19th and 20th centuries, Dmitri Mendeleev prepared a statistical prognosis, according to which at the end of the previous century at least 350 million people should have been living in the Russian Empire¹. In reality, the population of the Soviet Union in 1990 amounted to 288 million, and the population of Russian Soviet Federative Socialist Republic to 148 million. In 2000, the Russian Federation had 145 million inhabitants. Mendeleev's prognosis was based on the assumption that demographic modernization would cause explosive growth of population in Russia, just like it did in Europe in the second half of the 19th century. Russia, however, did not seize its chance, and instead of a demographic explosion the 20th century was a series of demographic catastrophes, caused by military operations, hunger, epidemics, terror and political repressions, emigration, widespread use of death penalty, deporta-

* Włodzimierz Marciniak – professor of political science at the Institute of Political Studies of the Polish Academy of Science, lecturer in the Centre for East European Studies of Warsaw University and Warsaw School of Economics. He served as a counselor in Polish Embassy in Moscow (1992–1997). Specializes in internal situation and cultural aspects of political transformation in contemporary Russia. Author of, among others, a monograph: *Rozgrabione imperium. Upadek Związku Sowieckiego i powstanie Federacji Rosyjskiej* (Kraków 2001) [*The Plundered Empire: The Collapse of the Soviet Union and the Emergence of the Russian Federation*, Arcana, Krakow 2001].

¹ See: D. Mendeleev, *K poznaniyu Rossii*, Syris-press, Moscow 2002.

tions and a system of labor camps². Although a “great Russian revolution” was expected as inevitable in Europe since 1830, a statistical prognosis could not have predicted the results of the two world wars, the two revolutions and the rule of the communist party, which spanned seventy years.

Retrospection

In the peak and yet critical moment of the *perestroika*, Yuriy Baturin analyzed the possibility of prognosticating the development of a political process using systemic theories of power. “The attempts to model power relations had a very practical aim”, future advisor to Boris Yeltsin wrote. “It was to create the possibility to ‘present’ the development of political situation in the direction opposite to the flow of time, that is, from a result to its cause. It allowed us to reveal those factors and actions which favored the emergence of political crises”³. Baturin believed that an analysis of past experiences would allow revealing the mistakes in how power was exercised, thus making it possible to avoid political crises. His intention was to build an operational model of power, a model which would describe also the methods of exercising power, and not only its premises and results. Having analyzed various systemic theories of power, Baturin reached the conclusion that the best model to fit his requirements was the model of power as “control over considerable resources limited by other entities”⁴.

According to this concept, the power of an entity, that is its control over resources, results from the position it holds in a network of interchangeable

² The notion of “demographic catastrophe” was introduced by authors of the study on demographic modernization of Russia. According to their calculations, contemporary Russia should have a population of 258 to 282 million. Hence, total demographic losses in the 20th century amounted to 112 to 136 million people. See: *Demograficheskiye katastrofy XX veka* (in:) A. Vishnevsky (ed.), *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000*. Novoe izdatelstvo, Moscow 2006. Internet edition: <http://www.polit.ru/research/2006/01/16/demography.html>, printout, p. 37.

³ Y. Baturin, *Vlast i mera (“tochnye metody” v anglo-amerikanskoy politologii)* (in:) W. Mshvenradzhe (ed.), *Vlast. Ocherki sovremennoy politicheskoy filosofii Zapada*, Nauka, Moscow 1989, p. 128.

⁴ *Ibid.*, p. 145.

relations. Entities react, actually, not to the fact that resources are used, but to the manipulation of networks of interchangeable relations. That is why a conceptualization of power that reflects the multi-facetedness of structural relations between the entities is best suited to predict the effectiveness of realization of a given entity's interest against the resistance of other entities. When discussing the proposed model of power, one must take into account the observer, and in the case of a prognosis, its author⁵. Baturin, who in the declining years of the Soviet Union described the requirements of a hypothetical model of power, formulated the main question of the Russian political science: indeterminacy of political subjects. It is difficult to forecast the development of the political situation if we know that all the actors are highly undetermined and they only "come into being" within a "network of interchangeable relations". "Perhaps we must assume in our hypothetical theory", Baturin wrote, "that every entity has its own 'point of view', and that every entity's participation in shaping the other entities influences this entity in a way, triggering off some changes in it. Probably only by following this path can we overcome the 'curse' of systemic analysis of politics in general, and of systemic analysis of power in particular"⁶.

From retrospection to a prognosis

There were so many hardly predictable events in Russia in the 20th century that statistical prognoses – like the one prepared by Mendeleev – can be currently used only to demonstrate how Russia would have looked like if all that had happened had not happened. In order to understand the problem appropriately, one must recall the method of retrospection, postulated by Baturin, which was used by a group of political scientists working under the direction of Aleksey Salmin. In 2002, Salmin's group prepared a 10-year

⁵ Yuriy Baturin worked in 1991 in the team of G. Shakhnarazov, assistant to President M. Gorbachev. Since 1993 he also was the legal and security matters assistant of the President of the Russian Federation B. Yeltsin. He was the only political scientist to participate in a space flight.

⁶ Y. Baturin, *Vlast...*, p. 146.

prognosis of the political system's development in Russia. They analyzed the history of Russia in the 20th century by dividing it into segments spanning 10 years, from 2002 backwards. The Russian Federation existed in 2002 and 1992, the Soviet Union in 1982, 1972, 1962, 1952, 1942 and 1932, the Russian Soviet Federative Socialist Republic in 1922, and the Russian Empire in 1912 and 1902: four different political organisms within one century. From the point of view of ordinary people, particular decades were separated if not by revolutionary shocks, then at least by abrupt changes in the social life and in the method of exercising power. The Soviet Union in 1932 was different than the Soviet Union in 1942 or than the Russian Soviet Federative Socialist Republic in 1992. In 1982, Leonid Brezhnev was Secretary General of the Communist Party of the Soviet Union, whereas in 1992, Boris Yeltsin was the President of the Russian Federation. The period of Mikhail Gorbachev's rule was so short that it was not included in the retrospection. Experience shows that important changes can take place in Russia in a short perspective. The agenda of the year 1998 was very different from the actual agenda of the years 1999/2000. The agenda of the year 2008 may be considerably different from the agenda of the years 2006/2007.

The difference between a prognosis and political clairvoyance is that the first must be based on methods considered scientific by the academic community. That is why a prognosis cannot include, as the Russian analysts wrote, "events and processes not so much impossible, as not very obvious for an ideal analytic community, and therefore – publicly unverifiable"⁷. It is to be assumed, on the other hand, that these facts – eliminated from the prognosis – may turn out to exert decisive influence on the course of events.

Developments in the situation in Russia in the last two decades have been described as systemic transformation. According to this approach, there is transition – or lack of transition – from a symbolic point "A" to

⁷ A. Salmin (project leader), *Politicheskaya sistema Rossii cherez desyat let* (in:) *Obshchyy arshyn. Eksperty o budushchem Rossii*, Komitet „Rossiya v obedinionnoy Evrope“, Fond Rossiyskiy Obshchestvenno-politicheskiy centr, Moscow 2002, p. 42.

a symbolic point “B.” A similar way of perceiving the events is characteristic for a vast majority of the society, regardless of the great differences in how the transformation is assessed. The international community also perceives Russia through the paradigm of “transformation”. Apart from the objective criteria of a successful or failed transformation, the subjective assessment of the social and political metamorphosis – the feeling of satisfaction from the implemented changes, as reflected in sociological research – is also important. Regardless of the high support for the president, the increasing satisfaction of Russian citizens with the situation of their families and their country, and significant increase of the number of people professing the philosophy of inner “independence”, sociological research not only does not indicate a general growth of satisfaction arising from the metamorphosis, but even points to massive social discontent. This subjective massive social discontent observed by the sociologists should be treated not only as a “background” of all the political processes in Russia, but also as a proof that the Russian transformation is “unfinished”. “Indeed”, Yuri Levada writes, “scattered and hopeless mass discontent is a means for neutralizing the protest and making it pointless, and in a wider perspective – for justifying the system of the state’s lawlessness and the dependence of the nation. The discontented have to turn to the people in power and their dependence on the bureaucracy becomes deeper”⁸.

If mass discontent does not open a possibility to proceed to the next stage of transformation, and even makes it possible to reject its basic values and institutions⁹, then a general assumption must be adopted that Russia has not yet passed the “junction” which is crucial for its development. This is why Salmin’s group proposes to perceive the averaged “inertia scenario” as a series of potential “junctions”, and the whole decade to 2012 as a period of bifurcation. The situation will develop inertly and will remain highly

⁸ See: Y. Levada, *Chelovek nedovolnyj*, *Vestnik obshchestvennogo mneniya* 2006 No 5, Internet edition: <http://www.polit.ru/research/2006/11/20/dishuman.html>, printout, p. 7.

⁹ On the indeterminateness of the aims and results of the Russian transformation see: A. Melvil, *Politicheskie cennosti i orentatsii i politicheskiye instituty* (in:) L. Shevcova (ed.), *Rossiia politicheskaya*, Moscow Carnegie Center, Moscow 1998, p. 136–194.

undetermined, just like “an organism getting better after a serious illness in the initial stage of recovery”¹⁰. The inertia scenario means that most probably the communist party will not return to power, Russia will not fall apart, there will be no economic crisis comparable to the one in 1998, and chaos will not dominate the whole political process.

The probability of emergence of a non-communist authoritarian regime should theoretically become lower with every legal transfer of power. The transfer of power to the opposition is the crucial question. The inertia scenario is deeply self contradictory, because the communists are the strongest opposition party. Russia is the only European postcommunist country where no rotation of power has happened since 1991. The fundamental contradiction between the reforming presidency and the communist opposition resulted in the lack of a political alternative. Dmitri Furman believes that the probability of a constitutional rotation of power is steadily decreasing. According to Furman, “in 2000, a possibility of rotation was much more distant than in 1996 and in 1996 it was much more distant than in 1993 and 1991. It is clear that the difference is deep and that the logic of the system’s development is by no means the logic of ‘transition,’ i.e. gradual overcoming of the communist past and adjusting to the Western model of society”¹¹. Furman then proves that the lack of an alternative for the political system will become graver and graver, until the system fully loses its legitimization, due to the inability to combine the need to organize elections and their illusoriness¹². As this will happen in a rather indefinite future, one should assume that the situation will develop inertly in the next decade. Attention ought to be focused on critical moments, which cannot be prognosticated

¹⁰ A. Salmin (project leader), *Politicheskaya...*, p. 48.

¹¹ D. Furman, *Politicheskaya sistema sovremennoy Rossii i ee zhiznennyi cykl*, *Svobodnaya mysl* 2003 NO 11, p.1.

¹² See: *ibid.*, p. 20. The crisis of the hybrid regime may result from the inability to reconcile the two factors of stabilization – legal use of force and external support. This is what happened in 1991 in Moscow and in the autumn of 2004 in Kiev. See. A. Shcherbak, A. Etkind, *Prizraki Maydana brodiat po Rossii: Preventivnaya kontrrevolutsiya w rossiyskoy politike, Neprikosnovennyj zapas* 2005 No 43. Internet edition: <http://www.polit.ru/research/2005/11/16/tsherbetkind.html>, printout, p. 3.

currently and which may result from the “indeterminateness of the entities ‘coming into being’ in the interchangeable networks of relations”.

The most important factor of instability

The most important factor of political instability is the undefined mechanism of power transfer. It would be logical if this process, crucial to the stability of the whole political system, was performed in a controlled way, especially since this is how it was already done after the grave financial crisis. From this point of view, the “adoption” scenario seemed to be most probable – an analogy to the transfer of the presidency from Boris Yeltsin to Vladimir Putin. The “adoption” scenario may involve, for the purpose of increasing the manageability of the whole process, a shorter or longer period of diarchy, and even the shortening of the new president’s term of office and Vladimir Putin’s return to power. The “adoption” scenario, unlike the 1999 scenario, does not solve the “problem of guarantee” for the president who would be giving up power, especially since Putin can still run for president in the next elections. “The problem of guarantee” makes the Russian special services an independent political player. This is why “Putin’s third term in office” scenario cannot be ruled out, as it may comply with the interests of the current collaborators of the president, who will want to avoid an internal struggle for power. The fact that most of Putin’s collaborators come from the special services may result in “chechnization” of the Russian political system and leaving the full power in the hands of Putin (an analogy to Ramzan Kadyrov), while the presidency will be limited to an only ceremonial position.

From a purely theoretical point of view, it is possible to prepare a new president within the structure of the “party of power”, just like the Mexican Institutional-Revolutionary Party used to do. One should however not forget that the idea of „parliamentary majority government”, which emerged in the spring 2003 within the then “party of power”, was rejected in the course of the political crisis, during which the presidential chief of staff and prime

minister were replaced, and the director of the biggest oil company was arrested. The “president of one party” scenario would be possible only if a strong oligarchic opposition emerged in Russia, just like it did in Ukraine. However, it is the aftermath of the “Orange Revolution” that the development of the Russian political system no longer follows its own path, but a path dictated by a “foreign revolution”, which is treated like Russia’s own one¹³. The aim of this systemic counter-revolution in Russia is not to prevent a possible revolution, but to eliminate the political consequences of the Ukrainian revolution in Russia. This is why it is impossible for some form of oligarchic pluralism to emerge in Russia¹⁴.

The scenarios presented above are not alternative to one another; they can be implemented together or separately. They are also intended to provide an alternative to chaos. What is problematic is that they can also become a source of chaos. The main starting point of instability of the political system in Russia is the need to have a power-broker, as the political system can only operate effectively if orders are continuously and efficiently sent out from the center of power. In these circumstances, the process of transferring power is by definition a potential disaster. It is a permanent feature of the political process in Russia, which could be observed in the Russian Empire, in the Soviet Union and in the Russian Federation. There are at least three reasons for this phenomenon. Firstly, as there is no separation between power and property, every election of the head of state involves a redistribution of property and granting anew the authority to control the property. Secondly, the oligarchic (*nomeklatura*) character of the political class transforms the election of president into a choice concerning the personal future, and sometimes even the choice between life and death. Thirdly, as the conviction that Russia’s foreign environment is hostile is an important part of the dominant ideology and Russia’s identity, the change

¹³ See: A. Shcherbak, A. Etkind, *Prizraki...*, p. 2.

¹⁴ Andrey Ryabov is of different opinion; he believes that a “cautious parliamentarization of the political system” can reconcile most interest groups. See: A. Ryabov, *Energeticheskie aspekty parlamentarizatsii*, Internet edition: http://www.gazeta.ru/comments/2006/10/18_a_942554.shtml, printout, p. 1.

of government is accompanied by a mobilization of the society against domestic and foreign enemies.

The method of transferring power depends at least on three factors. If the economic situation is favorable, it is possible to reconcile the interests of most of the groups comprising the Russian elites without conflicts. However, if there is a deficit of resources, some of them may have to be forfeited. At least since the times of Stalin, “collective leadership” has been considered a protection against an excessive “voluntarism” of the most powerful political player in the country. This is why the process of shaping the head of state within interchangeable relations with other entities is important. It is also crucial to what extent he or she is forced to respect the interests of others. Thirdly, general political views of the political class are significant. Does it strive to modernize the country or is stabilization the most important for it? One should remember that in the Soviet and post-Soviet period, the new leadership – while maintaining the appearance of continuity – very often broke with the past, but did not express this rupture ideologically. Excessive “voluntarism” was characteristic of Nikita Khrushchev’s policy, and in the case of Mikhail Gorbachev it was the reason of the break up of the Soviet Union. “Collective leadership” may often be an advocate of stability, while an autocrat can be a proponent of reforms. On the other hand, the case of Russia may confirm the thesis of James MacDonald that public debt helps to increase democratic control over the state¹⁵. Petrodollars and “responsible budget policy” of the last decade not only did not produce a profiting budget, but also resulted in restrictions being put on the Russian democracy and freedom of speech.

Alexander Akhizezer traces back the emergence of mechanisms for transferring power – the authoritative one and the collective one – to the division of the traditional pre-state political community according to two culture ideals – the authoritarian one and the “sobor” one. The authoritarian ideal was an extrapolation of the patriarchal power on the whole society

¹⁵ See: James Macdonald, *A Free Nation Deep in Debt: The Financial Roots of Democracy*, Princeton: Princeton University Press, 2006, 564 pp.

(state), while the “sobor” ideal tried to imitate family relations between brothers¹⁶. Akhiyezer believes that a prolonged crisis of tradition in a mass society, which is the case of Russia, makes the country return to an archaic political culture (Zemsky Sobor, Congress of People’s Deputies), but Igor Klyamkin is critical of these views and claims that the breakup of the Soviet Union resulted from rationalization of the social relations. He considers the fact that it is impossible to omit electoral procedures in the process of power transfer a proof of his thesis¹⁷. The authoritarian government still takes the form of a totemic opposition: “clan leader – the whole community”. The Russian authoritarianism does not allow for intermediary links of power to exist, which is why it becomes transparent, just like the old absolutism, to observers who view it from the bottom and from the top. However, the power of the true policymakers remains invisible. Following the tracks of Foucault, Alexander Etkind wrote “Only the peak and the base of the political-semiotic pyramid are set. The peak is inhabited by the monarch, the universal determiner of an absolutist system, whereas the base is inhabited by the *narod*, the universal determinee”¹⁸. According to this colonial logic, a direct relation with the president is always more important than an anonymous authority of institutions and procedures.

Usually, authoritarianism and collectivism are connected diachronically, as the transfer of power requires a collective approval of the “brothers”, which, however, does not rule out the possibility of a further transformation of power into a “paternal” authoritarian government. During his first three years in power, Putin governed Russia together with the representatives of the “family” – the prime minister and the chief of the presidential administra-

¹⁶ See: A. Akhiyezer, *Hozaystvenno-ekonomicheskiye reformy w Rossii: kak priblizitsia k ponimaniyu ih prirody*, *Pro et Contra* volume 4, summer 1999, p. 45–46.

¹⁷ “Russia will have to learn to live in the world of mundane rationality, where national goals and methods of achieving them can no longer have the lost sacral status. But to learn it, after many centuries of a different life, is not so easy”. I. Klyamkin, L. Timofeev, *Tenevaya Rossiya. Ekonomiko-sociologicheskoe issledovanie*, RGGU, Moscow 2000, p. 285.

¹⁸ A. Etkind, *Fuko i tezis vnutrenney kolonizatsii: postkolonialnyj vzglad na sovietskoe proshloe*, *Novoe literaturnoe obozrenie* 2001 volume 49, Internet edition: <http://www.nlo.magazine.ru/philosoph/sootech/main21.htm>, printout, p. 3.

tion, whom he “inherited” from his predecessor. The connection between authoritarianism and collectivism consists in the existence of hidden players behind the transparent pyramid of the authoritarian government who are difficult to describe and who struggle intensively among themselves. Most probably this is not a return to the past, but a transformation of the political culture which Alain Blum refers to as “sovietism”¹⁹. This transformation is promoted by officials and officers who were shaped by the Soviet institutions of power (e.g. in the KGB and in the army) and adopted the way of perceiving the reality which was characteristic for these institutions. The political ideas of the post-Stalinist period have the most profound influence on the reality. The society has been transformed deeper than state institutions, but power is based on the profound aversion of a significant part of the society against social injustice and the increasing autonomy of the economy from the politics. Current tensions within the hierarchical system of power can be interpreted as the next stage of transformation of post-Stalinist political ideas, exploiting this dissonance between the society and the politics.

Other factors of instability

Taking into account the above analysis one may assume that the change of power in the years 2007–2008 will take place within a favorable economic situation and the political class will strive to form a “collective leadership” and to maintain stabilization. Nevertheless, all the three questions – economic situation, political class and stabilization – are still undetermined.

The current economic situation seems to be very favorable. Owing to vast resources, interests of various groups are being satisfied and political consensus is achieved. The problem consists in the fact that inert development of the economy is impossible. The sources of economic growth which allowed

¹⁹ See: A. Blum, *Otvet na voprosy* (in:) *Politicheskaya sistema Rossii posle putinskih reform. Neprikosnovennyj zapas*, 2005, No 38, Internet edition: <http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid=25011226>, printout, pp. 15–16.

for a relatively high GDP growth rate during Putin's term in office are now exhausted. Since 2005, the processing industry has been in stagnation. Large investments in output and transport of energy supplies, power industry and modernization of the industry will be necessary to improve the situation. Anxiety is growing among the Russian technocrats that Russia wastes time necessary to modernize its economy²⁰, implementing an outdated concept of an "energy superpower". Further concentration of capital and merging of the state and business into one corporation cannot solve the problem of investments that are necessary to develop modern technologies. It seems unclear how and whether the problem can be solved.

According to the opinion of Salmin's group, the main factor which shapes the internal political situation in Russia is the "atrophy of the will of the political class". Whether this atrophy will continue or will be overcome is the main political variable, purely subjective and therefore impossible to prognosticate. This is the crucial moment of the "shaping of political entities" Baturin wrote about. The development potential of Russia is considerable, but whether it will be utilized depends on the political will, which must be equipped with a comprehensible "national idea" and adequate instruments. The debate on the Russian "national idea" has continued for many years, and the political will necessary to complete the transformation has still not turned into a political consensus²¹.

The concentration of capital, which currently takes place, is aimed at stabilizing the present, very conservative social system, and not at modernizing the country. The problem is that what is necessary in order to concentrate the resources is an ideology. In the Russian economy, control over resources is always temporary. It is the stake of the game in the administrative market and of the struggle for access to the border, as only after crossing the border "resources" can be transformed into capital. The current wave of Russian investments in countries which protect private property

²⁰ See: G. Nekhoroshev, *Opasnosti energeticheskoi sverhderzhavy'. Rossiya poka ne gotova k padeniyu cen na neft*, *Politicheskij zhurnal*, 20 November 2006, No 43–44.

²¹ See: A. Salmin (project leader), *Politicheskaja...*, pp. 49–50.

may indirectly exacerbate the problem of property legitimization in Russia, and consequently the problem of legitimization of power. Legalization of private property and legitimization of the authority of the state require effective mechanisms of political communication, which are necessary when the “authority of the state is weak and legitimization is looming”²². The only question is whether the above is possible within the colonial discourse of “bringing up the people” that are considered to be incapable to independently express their own needs.

The lack of effective mechanisms of political communication results in the source of legitimization of property and power shifting to the outside of the political system. Uninterrupted transfer of power within the “system of government with no alternative” necessitates the creation of favorable external economic conditions. The project of the northern gas pipeline (“legitimization pipeline”) is an example of such an initiative.

Increasing social inequality, in terms of class, geography and wealth distribution, which has created the so called “new poor”, will be a source of grave tensions affecting strongly the political system. While the whole society will remain passive and apathetic, small groups will be increasingly active politically. It is inevitable that new players will emerge; their identity, however, is still undetermined. Most probably it will be built around two questions: social justice and attitude towards foreigners. Increasing aversion against foreigners (hatred towards immigrants and xenophobia) in the recent years has resulted in many previously unthinkable slogans becoming banal. At the same time, given the decreasing voter turnout²³

²² See: *Kontrol za resursami i spros na “bolshie idei”*. Otkrytyj seminar “Polit. ru”. Reziyue obsuzhdeniya. Osnovnoy dokladchik S. Kordonsky. Internet edition: <http://www.polit.ru/author/2006/10/23/tez5.html>, printout, p. 5. Vitaly Nayshul considers the need of discourse conceptualization of the country’s “self identification” one of the “terminal” problems of Russia. Without the conceptualization, only dysfunctional parodies will be possible. However, he assumes that a conceptualization is ready in the “history of archetypes”. See: *Tretiy Rim ili vtoroj Suslov*. Otkrytyj seminar “Polit. ru”. Reziyue obsuzhdeniya. Osnovnoy dokladchik V. Nayshul. Internet edition: <http://www.polit.ru/author/2006/09/21/tez.html>, printout, p. 4.

²³ The voter turnover in the parliamentary elections in December 2007 may amount to less than 50%.

(due to the lack of an alternative to the current government), the “party of power” cannot be based only on activists with no political values. Hence, a temptation is born to build the “extreme” into the political system. As an expert put it: “The skinheads will not meet the authorities halfway, but the authorities will meet the skinheads halfway”²⁴. From the political point of view, contemporary Russia consists of two unequal parts – the passive majority suffering from a decline of moral values and the minority whose choices are guided by its individual interests. The course of events depends on which of these two trends will prevail through the ruling camp. The problem is that the variables determining the behavior of these groups are not political.

The Russian political system has small autonomy due to low legitimization and institutionalization, and is therefore susceptible to strong external influence, including foreign influence. In many countries (e.g. in Turkey), nationalism was an important precondition of post imperial modernization, based on the principle “Forget about the empire!”. However, in Russia patriotism combined with imperial revanchism has resulted in a unique phenomenon – nationalism without a nation. Memories of the empire have become the main obstacle on the road to modernization.

²⁴ Quoted after: A. Salmin (project leader), *Politicheskaya...*, p. 52.

Michael McFaul

Russian Liberalism is Retreat

Liberalism in Russia is on its last legs. Most people agree on this observation. As to why, however, a real debate remains. Some blame Russian history. Others blame Russian society and its thirst for social democracy and order. A third school places the fault on the actions of Russia's liberals in power in the 1990s. A fourth group hones in on Russian President Putin and his illiberal policies. As in all countries, the Russian story is a complex mix of socio-economic forces, institutions and individuals: in other words, structure and agency. Distinguishing between that which was bound to happen in Russia in the wake of the Soviet collapse and that which occurred as a result of individual decisions is crucial both for understanding the current Russian condition and for mapping paths along which it might change.

* Michael McFaul is professor of political science at Stanford University, senior fellow at the Hoover Institution and a non-resident fellow at the Carnegie Endowment for International Peace. He specializes in Russian domestic and foreign policy and democratization in the post-communist world. Author and editor of several monographs including: *Between Dictatorship and Democracy: Russian Post-Communist Political Reform* (with Nikolai Petrov and Andrei Ryabov, CEIP, 2004); *Power and Purpose: American Policy toward Russia after the Cold War* (with James Goldgeier, Brookings Institution Press, 2003); *Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin* (Cornell University Press, 2001).

Revolutionary change and Thermidor

The end of communism in Europe triggered a level of economic and political dislocation, rivaled only by what transpired in France after 1789 or Russia in 1917. In addition to trying to create new political and economic institutions in the wake of communism's collapse, most of the countries in the region faced a third challenge of defining new borders. In several countries in the region, this triple transformation is still ongoing.

On the eve of this transformational experiment, many, like the political scientist Adam Przeworski, predicted that market "reforms" (an exceedingly small and technical term that did not capture the scale of change needed to dismantle communism and build capitalism) and democratization could not take place at the same time¹. If newly elected reformers tried to pursue the painful macroeconomic and structural reforms needed to transform communism into capitalism, then the masses, especially workers and pensioners, would revolt, reject their neo-liberal leaders and embrace (again) social democratic politicians. This analysis predicted one of two outcomes: either democracy would be preserved and neoliberalism undermined, or democracy would have to wait until the necessary liberal economic reforms were completed.

In the first post-communist decade, however, economic liberalism and democracy instead proved mutually reinforcing. Those countries most successful in consolidating democracy, such as Poland and Mongolia, were also the most successful in implementing liberal economic reforms and the fastest to jumpstart economic growth. Conversely, those countries slower to consolidate democracy, like Slovakia and Tajikistan, experienced partial economic reforms and slower growth rates. It is true that the pursuit of neoliberal economic reforms in the wake of communist collapse did produce tremendous economic dislocation throughout the region, one even deeper than the Great Depression in the West, but workers and pensioners did not

¹ Adam Przeworski, *Democracy and the Market: Political and Economics Reforms in Eastern Europe and Latin America* (Cambridge University Press, 1991).

use their newly acquired access to democratic institutions to thwart economic liberalism. Instead, democratic institutions offered a mechanism to keep these social groups engaged in and acquiescent to the reform process, however painful. In countries where implementing neoliberalism was less successful, it was not workers but the rent-seekers – that is, “business” elites who profited from the rents generated by partial reform – who impeded reform and growth.

Russia was a paradigmatic case of rent-seeking. Russian business elites with close ties to the state profited immensely from partial economic reforms, pocketing their first big rents from their access to subsidized government credits at the time of soaring inflation. The most successful of these rent-seekers (euphemistically called “bankers”) then leveraged their initial capital accumulation and their personal relations with officials in charge of privatization to acquire control over Russia’s most prized assets in the oil, gas and minerals sectors. These so-called oligarchs had an added advantage in that their government friends were called “liberals”. For instance, the loans-for-shares program, a corrupt, insider scheme that resulted in the greatest transfer of state assets into private hands ever undertaken in history, was overseen by a Russian “liberal” Anatoly Chubais. Whatever Chubais’ personal beliefs about capitalism and democracy may be, labeling loans-for-shares a “liberal” policy was a grotesque malapropism. In fact, the illiberal and corrupt manner in which former state companies were given to cronies of Yeltsin’s Kremlin readily facilitated the extraordinary re-appropriation of these assets by a new illiberal crowd in Putin’s Kremlin. Former KGB officials, bitter that they had acquired virtually nothing in the first wave of privatization, now have control of some of Russia’s most prized commercial assets in the oil, gas, transport, aerospace and communications sectors.

Economic liberalism in Russia has faltered and been discredited, then, not because of the Mongol empire, the rule of the Romanovs, the principles of the Orthodox Church, the social democratic preferences of the Russian people, or the 1993 constitution. It has faltered as a consequence of concrete policy decisions taken by specific flesh-and-blood individuals. And many

other flesh-and-blood individuals have been harmed in the process. The same chaotic economic transformation that created the billionaire oligarchs traumatized the vast majority of Russians. Whatever else they may involve, all revolutions are abrupt dramas surrounding the redistribution of property rights in the absence of shared rules of the game. And all revolutions ultimately prove exhausting. “Thermidor” is the term first coined during the French – and made famous by Crane Brinton’s 1938 classic, *Anatomy of Revolution* – to describe the period in which rules, certainty and stability begin to be restored. By the end of the 1990s, especially after the August 1998 financial crash, Russians desperately wanted Thermidor, and the task of any leader coming after Yeltsin would have been to supply it.

Putin's agency

For purely accidental reasons, and specifically because of the personal preferences of Russian tycoon Boris Berezovsky and his Kremlin pal Valentin Yumashev (Yeltsin’s chief of administration and now his son-in-law), the task of implementing Thermidor fell to Vladimir Putin. Once Putin was chosen, the Kremlin and Berezovsky mobilized their full arsenals of private and public resources, including their national television networks, to produce a Putin electoral victory. Putin’s previous work experiences, skills as a candidate, or ideological orientation had little to do with his victory. The Kremlin, not the people, chose Putin to become Yeltsin’s successor. Had Putin decided to run as an independent candidate, he would have stood no chance. Once selected, however, Putin did respond to societal demands for stability. Had Berezovsky, Yumashev and Yeltsin chosen another successor with a different background and ideological orientation – say, liberal Vladimir Ryzhkov or nationalist Vladimir Zhirinovskiy – the task of restoring stability would have still remained the central focus of their administrations.

In meeting the society’s demands for stability, Putin benefited tremendously from structural forces not of his own making. First and foremost, the 1998 financial crash compelled tight fiscal policy and responsible monetary

policy, which, in combination with a devalued ruble, finally generated positive economic growth in Russia for the first time since independence. Putin had nothing to do with these policies. Instead, ironically, it was Prime Minister Evgeny Primakov and his communist minister of economy who presided over Russia when tight “neoliberal” fiscal and monetary policies helped to spur Russia’s first post-communist growth. Second, Putin came to power at precisely the moment when world energy prices began to soar. Again, he had nothing to do with this, but the Russian economy and government budget most certainly benefited. Any other leader in Putin’s place – liberal, nationalist or communist – would have enjoyed the same up-ticks in economic growth, political stability and popular support from these exogenous factors.

Putin inherited one more asset from Russia’s recent past, the 1993 constitution, which endowed him with super-presidential powers. Without this constitution, Putin would have been either more constrained in pursuing subsequent autocratic policies or more aggressive in transgressing the political rules of the game.

At the beginning of this decade, then, the sources of Russian stability and economic growth – it is not easy to determine which was cause and which was effect – had little to do with presidential policy. Putin, however, took advantage of a positive economic environment and his enormous presidential powers to implement some of his own initiatives, both for good and for ill.

As to economic policy, Putin initially pursued several sweeping liberal reforms, including a 13 percent flat tax, a major reduction in the corporate tax and the creation of a stabilization fund in which to park much of the windfall revenues from soaring energy prices. Crafted in the late 1990s in think-tanks by liberal economists, some of whom eventually joined Putin’s government, these bold liberal reforms cut against the will of Russian society. Russian attitudes about markets and the social role of the state correlate closely with European social democratic proclivities. It would be unthinkable to enact a 13 percent flat tax in Germany, and it has proven impossible

(so far) to legislate one into existence even in the far more liberal United States. Likewise, keeping billions of rubles sealed away in a stabilization fund in the name of sound fiscal practice is not a policy that an American president could follow for long. In poor, “social democratic” Russia, the successful pursuit of this policy for several years now is the most profound evidence that social forces do not neatly dictate their governments’ actions, especially when governments enjoy the institutional autonomy provided by a super-presidential constitution. Paradoxically, Russia’s politically illiberal regime helped to implement liberal economic reforms.

As to political reforms, Putin took advantage of the same constellation of empowering economic trends and institutional powers to pursue illiberal, anti-democratic changes. Putin did not inherit a consolidated democracy when he became president in 2000, and he has not radically violated the 1993 constitution, cancelled elections or arrested hundreds of political opponents². Russia today remains much freer and more democratic than the Soviet Union ever was. Yet the actual democratic content of the formal institutions of Russian democracy has eroded considerably in the past six years. Putin has systematically weakened or destroyed every check on his power, while at the same time strengthening the state’s ability to violate the constitutional rights of citizens. He has undermined the power of Russia’s regional leaders, the independent media, big business, both houses of the parliament, the Russian prime minister and his government (as opposed to the presidential administration), independent political parties, and genuine civil society. At the same time, he has increased the role of the Federal Security Service (the FSB, the successor to the KGB) in governing Russia and arbitrarily wielded the power of state institutions such as the courts, the tax inspectors and the police for political ends. Moreover, throughout his time in office, Putin has waged a brutal war in Chechnya against citizens of his own country. The Russian polity evinces considerably

² On the illiberal elements of Russian democracy before Putin, see Michael McFaul, *Russia’s Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin* (Cornell University Press, 2001), Chapter nine.

less pluralism today than it did in 2000, and the human rights of individual Russian citizens are less secure.

Like Putin's liberal economic reforms, none of these political changes were the inevitable result of Russian history or a reflection of society's demands. (Indeed, a majority of Russians have embraced democratic values for several years, even if the defense of democratic institutions is not a priority for most.) Rather, they were a direct result of Putin's decisions. A different leader – that is, a more democratically inclined leader – could have come to power by the same accidental means that Putin did, been as lucky with devaluation and rising energy prices, and nonetheless pursued policies to strengthen democracy. Agency matters.

Autocracy, stability and growth

Would the strengthening of democracy earlier in the decade have undermined Russia's economic boom? Or, put another way, has growing autocracy in Russia stimulated economic growth? Despite many claims to the contrary, the causal links between these correlated developments are not easy to discern.

Political stability generally does encourage economic development, but authoritarian rule only sometimes produces long-term stability³. For every China, there is an Angola. Democracy is a much more stable regime type over the long run. In Putin's Russia, the authoritarian contributions to political stability, and therefore economic growth, are very difficult to isolate from the more general stabilizing effects of skyrocketing energy revenues, sound macroeconomic policy and the retirement of an erratic, unhealthy Boris Yeltsin. Would the Russian economy have grown more slowly had NTV been allowed to operate as an independent television network? Has Putin's appointment of governors (as opposed to their election) produced any positive effect on regional investment patterns? And most

³ Robert Barro, *Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study*, Development Discussion Paper No. 579 (Harvard Institute for International Development, April 1997).

absurdly, how do the harassment of civil society groups and the occasional murder of investigative journalists contribute to either political stability or economic growth?

In fact, if the correlation between growing authoritarianism and economic growth may have been innocuous in the first part of the decade, there are now signs that a causal relationship does exist and that it is negative. Most strikingly, Putin and his Kremlin associates have used their unconstrained political powers to redistribute some of Russia's most valuable properties. The seizure and then reselling of Yukos assets to state-owned Rosneft was the most egregious act of state-led redistribution, which not only destroyed value in Russia's most profitable oil company, but slowed investment (foreign and domestic) and spurred capital flight. State pressure also compelled the owners of the private Russian oil company, Sibneft, to sell their stakes to the state-owned Gazprom in 2005. Royal Dutch Shell, too, was pressured to sell to Gazprom a majority share in its Sakhalin-2 project in Siberia. In parallel with other sales, these assets transfers have transformed a once private and thriving energy sector into a state-dominated and less efficient part of the Russian economy⁴. The remaining three private oil producers – LUKoil, TNK-BP and Surgut – all face varying degrees of pressure to sell out to Putin loyalists. Under the banner of a program called “national champions”, Putin's autocratic regime has also directed the redistribution of major assets in banking, aerospace, automobile and heavy machinery industries in a way that reasserts state control. Ownership is also becoming much more concentrated.

This unconstrained Russian state has also destroyed Western wealth and discouraged investment by arbitrarily enforcing environmental regulations against foreign oil investors, shutting out foreign partners in the development of the Shtockman gas field, and denying a visa to the largest portfolio investor in Russia, British citizen William Browder. During this same period,

⁴ The chair of Gazprom's board is Dmitry Medvedev, Putin's friend from St. Petersburg and the current deputy prime minister. Gazprom's president is another Putin crony, Aleksei Miller. The chair of Rosneft's board is Igor Sechin, Putin's long-time aide and KGB comrade.

according to the Russian think tank INDEM, corruption has increased ten-fold, from \$31 billion in 2001 to \$319 billion in 2005. Russia's rankings on economic competitiveness, business friendliness and transparency have all fallen in parallel to the rise of autocracy.

Even despite the rise of this predatory state and the subsequent decline of secure property rights, the Russian economy has continued to grow, but mainly because of high world energy prices. And strikingly, even with Russia's resource advantages, Russian growth rates under Putin hover well below the region's average. In 2000, the year Putin was elected president, Russia had the second-fastest growing economy in the post-Soviet space, behind only gas-rich Turkmenistan. In 2005, Russia fell to 13th in the region, outpacing only Ukraine and Kyrgyzstan, both of which were recovering from "color" revolutions. During Putin's second term, the government has all but abandoned the pursuit of liberal economic reforms not because of social resistance, but because, as Lilia Shevtsova rightly argued, oil revenues have undermined the government's will for reform. Putin's liberal economic advisor Andrei Illarionov resigned in protest, becoming one of the regime's most vocal critics.

The assumed positive relationship between growing Russian autocracy and stability is also not so clear. Decision-making within the Russian state has become more centralized and the size of the state, measured as the number of federal employees, has nearly doubled. But it is not obvious that the Russian state has become any more effective in providing basic public goods as a result⁵. As to security – the most basic good that the state should provide – the number of terrorist attacks in Russia has increased substantially in this decade compared to the Yeltsin era. The second Chechen war is now in its seventh year, with no end in sight, but signs instead that the conflict is spreading beyond Chechnya's borders. The murder rate in Putin's Russia has also advanced: between the "anarchic" years of 1995–1999, the average annual number of murders was 30,200, while during the "orderly"

⁵ On Russia's weak and corrupt state, see the late Anna Politkovskaya's *Putin's Russia: Life in a Failing Democracy* (Metropolitan Books, 2004).

years of 2000–2004, the number was 32,200. In this decade, Reporters Without Borders has counted 21 journalists murdered in Russia, including most recently Anna Politkovskaya, Russia's most courageous investigative journalist, who was assassinated in the elevator just outside her apartment in October. Another Kremlin critic, former KGB officer Alexander Litvinenko, was killed in London in November in a most mysterious poisoning with radioactive Polonium-210.

Of course, just as giving Putin credit for Russia's growing economy is silly, blaming Putin personally for these negative governance trends is also unfair. However, if Putin is trying to build a more effective state, he has yet to make serious progress toward this goal.

Nevertheless it is still the case that Russians are wealthier today than ever before, while most still enjoy recently introduced individual freedoms that are unique in Russian history, prodding some to conclude that Putin's regime is the best that can be hoped for. Compared to the past, Putin may look good. But another kind of leader and another kind of political system – a liberal democratic regime – could do much better. Neither Russia's history, nor its culture, or its geography, would prevent a different leader from speeding and deepening Russia's economic rebound while simultaneously rekindling democratic development and accelerating Russia's integration into the international system. Moreover, the strengthening of institutions of horizontal accountability, such as a real opposition party, a genuinely independent media or a court system not beholden to Kremlin control, would help to tame corruption, secure property rights, and thereby encourage investment and even more substantial economic growth.

The domestic-international nexus

Putin's Russia is better than Stalin's Russia, but Western leaders should still want and expect better of Russia. To date, the pernicious effects of Russia's new autocratic regime on Western national interests have been limited, but not trivial. Not unlike his Soviet predecessors, Putin understands the

world primarily in zero-sum terms, especially when dealing with the United States. Because Putin and his entourage do not embrace democratic values, they cannot be counted on to act internationally according to norms that help coordinate the behavior of Western democracies. Common interests, such as the fight against terrorism, do still unite Russia and the West, but the depth of this unity has receded in recent years as the number and severity of disputes have grown.

A democratic Russia, or even one with a liberal in the Kremlin, would act differently. A democrat in the Kremlin would have celebrated the Orange Revolution in Ukraine, worked with Europe to weaken the Belarusian dictator, Alexander Lukashenko, and cooperated more closely with the United States in pressuring Tehran to accept a deal on nuclear fuel. And all of these policies would have advanced Russian national interests. It is also hard to imagine someone like Ryzhkov, Boris Nemtsov or Grigory Yavlinsky encouraging Uzbek leader Islam Karimov to close down the American base in Uzbekistan, selling anti-aircraft weapons to Iran, threatening war with Georgia, or rounding up and expelling Georgian immigrants. There should be no question that the West has obvious interests in who rules Russia.

Whether the West can do anything about political trends inside Russia at this moment is another matter. Given the Kremlin's newly acquired riches and the failures of the Bush Administration to respect human rights in its own behavior, the West, and especially Washington, has little influence over Russian domestic developments. But even the West's limited capacity should be used whenever possible, whether to encourage the Kremlin to register political parties and NGOs, to press Moscow police authorities to seriously investigate the murder of Politkovskaya, to help subsidize the monitoring of elections and the development of independent media, or to provide scholarships for Russians to study in the West.

U.S. policies of democracy assistance will not undermine Putin, and they most certainly will not produce a more rabid nationalist as Putin's successor. Putin's own actions – whether the creation of neo-fascist youth groups and nationalist political parties, the crude use of racist language in

reference to people from the Caucasus, or beating the drums of war with Georgia – are doing infinitely more to stimulate the emergence of Russian fascism than any Western policy. Ignoring these internal developments and pretending that Putin is our best bet is exactly what Putin's team seeks and the West must reject.

Russians are neither destined to be ruled by despots nor damned forever to be in conflict with the West. Individual leaders, not historical, societal or cultural structures, make history, even in Russia. Just as a leader with autocratic proclivities like Putin has pushed Russia toward greater autocracy, a new leader with democratic proclivities can push Russia again toward democratization and eventually greater integration with the Western community of democracies.

At the margins, external actors can also make history. Even while working closely with Putin on matters of mutual interest, Western leaders must recommit to the objective of creating the conditions for a democratic leader to emerge in the long term. Such a strategy does not constitute interference in the sovereign affairs of another country, nor is it a fool's errand that will counterproductively usher in Russian fascism. Rather, the promotion of democracy and human rights in Russia affirms the West's commitment to universal values – values that most Russians already embrace.

Станислав Белковский

Бизнес Владимира Путина.

Окончание

Президент России Владимир Путин в очередной раз ярко и убедительно возразил тем недоброжелателям, кто упрекает его в геополитических амбициях и подозревает в неосоветском империализме. Он назначил экс-заведующего секцией магазина N 3 Ленмебельторга Анатолия Эдуардовича Сердюкова министром обороны.

Бесспорно, фельдмаршал Сердюков – человек в путинской системе власти отнюдь и далеко не случайный. Как не случайно вообще все, связанное с рукотворной мебелью: ее глубоко очищенные (во избежание экстремизма не будем употреблять прилагательное «контрабандные») поставки из Финляндии были заметной частью бизнеса некоторых руководителей мэрии Санкт-Петербурга в первой голодной половине 1990-х годов. Новый же министр обороны уже в те годы стал зятем Виктора Зубкова – человека столь же незаменимого, сколь и умеющего быть незаметным. А ведь бывший первый секретарь Приозерского райкома КПСС Ленинградской области т. Зубков может считаться одним из учителей Владимира Путина: в 1992–1993 гг., работая зампредом комитета по внешним связям все той же питерской мэрии, он преподавал своему непосредственному начальнику, будущему общенародному президенту РФ, некоторые

* Станислав Белковский – политолог, политтехнолог, основатель Института национальной стратегии, Совета национальной стратегии, Агентства политических новостей (АПН). Учился в Государственной академии управления им. Орджоникидзе. До 1999 года сотрудничал с Борисом Березовским. Автор (вместе с Й. Дискиным) доклада «Государство и олигархия», после публикации которого началось «дело ЮКОСа».

основы бюрократических искусств. А чуть позже – использовал старые номенклатурные связи для создания в автохтонном Приозерском районе дачного кооператива «Озеро», где поселилась половина последующих властителей России. Не случайно на исходе 1993 года Виктор Зубков стал главным налоговым инспектором северной столицы – и оставался им почти восемь лет, рекордный по тем смутноватым временам срок. Правда, летом 1999-го учитель Путина немного отвлекся на публичную политику – решил выиграть пост губернатора Ленинградской области, причем начальником штаба взял себе теперешнего спикера Госдумы Бориса Грызлова. Впрочем, в отсутствие вертикали власти штурм губернаторской высоты закончился для Зубкова восьмью с небольшим процентами голосов и почетным четвертым местом.

А в переломном 2000 году, когда эпоха мягкой мебели уступила историческое место периоду жестких национальных решений, тесть призвал зятя к государеву служению: Анатолий Сердюков стал сначала заместителем Зубкова, а год спустя, когда близкородственный покровитель отправился в Москву командовать финансовой разведкой (Росфинмониторингом) – возглавил налоговую службу Санкт-Петербурга. На этом посту рыночные таланты грядущего полководцагодились в достаточной мере. Сердюков быстро наладил систему целенаправленных проверок предприятий и организаций с последующим истребованием компенсаций, а в некоторых случаях – переделом всего того, что плохо или небрежно лежит. Потому весной 2004-го, вскоре после замены витиеватого Михаила Касьянова на прозрачного, как последняя правда, Михаила Фрадкова, воинственный зять брошен был на федеральное налоговое ведомство. Приоритетная задача его оказалась недвусмысленной – создать гигантские налоговые долги «Юганснефтегаза» и ЮКОСа. Создал. А потом, когда «Юганскнефтегазом» завладели правильные пацаны, львиную долю долгов – списал. Никакой частной коррупции, чистые казенные интересы.

Совершенно очевидно, что именно такой специалист сейчас и нужен отечественному Министерству обороны. Сергей Иванов был всем хорош – и даже тем, что унтер-рядовой Сычев сам себя изнасиловал. Но одним нюансом все же оказался плох: будучи слаботелым интеллигентом в 117-м поколении, так и не

сумел поставить под строгий контроль финансовые потоки военной системы. И, что не лучше, – не научился использовать министерство как инструмент передела военно-промышленной собственности. В результате с барского стола в чьи-то неведомо алчные рты валились неучтенные миллиарды, чего главно-верх допустить, разумеется, никак не мог. Сердюков исправит ошибки и залечит раны. Нервные миллиарды обретут свой нужный, свой последний приют.

Очевидно и другое, не менее трудное: никакие геостратегические или военно-модернизационные задачи мебельштурмбанфюрер решать в принципе не в состоянии. Никто перед ним таких задач и не поставит. Так что сентиментальные созерцатели, принявшие слишком близко к сердцу Мюнхенскую речь Путина, могут расслабленно закрыть воспаленные влагой счастья и гнева глаза. Тревоги не будет. В логове русского медведя – летейский перекур. После грозного гомеопата Иванова в бывшую советскую армию явился финансовый патологоанатом Сердюков. Лечение больного скоропостижно заканчивается естественным летательным исходом, пора описывать остатки имущества (ущевшего после затяжных гомеопатических процедур).

А Мюнхенская речь? Да полноте вам – обычное собрание небольших новорусских обид. Помните посткуршевельскую речь никелированного подвижника Прохорова: мы-то к вам со всей душой, деньгами и лучшими благонамеренными девицами, а вы... Вот перестанем девиц возить, тогда попляшете с собственными пенсионерами на их последние три сантима!

Так и Путин. Мы вам – буквально всё: и Камрань, и Лурдес, и станцию «Мир», и базы в Средней Азии, и вообще всё постсоветское пространство, и Северную Корею, да вот тут, кстати, еще и Иран на подходе. А вы нам даже газораспределительные сети отдать не хотите. Да к чему-то все время напоминаете про какие-то демократические ценности, которых, как мы точно знаем, в реальности не существует – один PR сплошной! На себя лучше посмотрите, демократы недоделанные!

Вот что хотел сказать Путин. Никакой холодной войны. Никакой политики, даже бизнеса. Просто немного личного. Накопилось, понимаешь. Наболело.

Солдат и его армия

Не только фельдмаршалами жива Россия, но и всяким солдатом Божиим. Например, бронзовым Воином-освободителем на таллинской горе Тынисмяги, которого в своем провинциальном безумии хочет снести эстонское путинское большинство.

15 февраля 2007 года эстонский парламент (рийгикогу) принял во третьем и последнем чтении закон «О сносе запрещенных сооружений», направленный прямо против Памятника, и заодно объявил вчерашний день освобождения Эстонии от гитлеровцев Днем поминовения тех, кто боролся за «независимость» (преимущественно тех же гитлеровцев). Не понял этого жеста даже Совет Европы, который хоть и обожает малые постсоветские народы, но в прямой реабилитации гитлеризма как-то не очень заинтересован. После брюссельского окрика Томас Хендрик Ильвес, эстонский президент шведско-американского происхождения, подписывать скандальный закон отказался: дескать, всё это дело их конституции противоречит.

Кое-какое подвывание раздавалось и в московском Охотном ряду, в масленичных стенах полномочной Государственной Думы. И даже глава МИД РФ Сергей Лавров, уже почерневший от необходимости по три раза в день колебаться вместе с размытой линией кремлегазпромовской партии, пробормотал что-то про «катастрофическое» ухудшение отношений и туды её, эстонскую нимфу, в качель. И только Кремль ответил на эстонские выкрутасы – темным античным молчанием.

Не услышали мы путинского скрежета зубовного, как в лучшие дни грузиноцида. Никто не отозвал из Таллина русского посла. Не закрылись мановением полосатой волшебной палочки эстонские казино. Не остановилось земноводное сообщение с братской Эстонией. Ничего, совсем ничего. И даже трубадуры нефтегазового патриотизма не получали, похоже, внятных команд громко лаять на восходящую нацистскую луну.

В чем же дело? Почто оставил вождь всех российских народов солдата-освободителя своего?! Ответ прост. Освободитель – освободителем, это просто

конический объект из цветного металла. А существуют другие объекты. Гораздо важнее. Ибо не для истории они, а для бизнеса.

Есть такая компания «Северстальтранс», в силу неясного состава собственников считающаяся почему-то «придворной». Уже несколько лет она контролирует значительную часть российских транзитных поставок через Эстонию. В частности, почти 90% нефтяного транзита. Один из крупнейших клиентов этой транспортной корпорации – гигантский «Сургутнефтегаз», традиционно экспортирующий свою продукцию через оффшорные компании Gunvor International Ltd (Британские Виргинские острова) и IPP Ltd. (кантон Цуг, Швейцария). Эти оффшоры часто упоминаются неподалеку от имени так называемого Геннадия Тимченко, гражданина Финляндии, который уже много крылатых лет рассматривается в роли ключевого бизнес-партнера Владимира Путина.

Эстония как транзитная страна оказалась весьма важна для «Северстальтранса» и его высоких клиентов: придворный перевозчик отважился на масштабные инвестиции в недружественную экономику, например, приобрел эстонского железнодорожного оператора Srascom и топливный терминал E.O.S. Хотели купить еще эстонские железные дороги, но не смогли: местная крикливая общественность помешала. Но интерес к Эстонии нисколько не угас. Министерство транспорта РФ и ОАО РЖД с помощью гибкой тарифной политики сделали все возможное, чтобы максимальное число российских хозяйствующих субъектов экспортировали своё добро именно через Эстонию и с помощью «Северстальтранса».

И российский бизнес возлюбил прохладную балтийскую страну. Взять хотя бы концерн «ЕвроХим», который прекратил строить свой терминал в Усть-Луге (РФ, Ленинградская область) и переориентировался на братский порт Силламяэ (понятно где расположенный). И Сергей Матвиенко, сын питерского губернатора, в прошлом году занялся строительством коттеджного поселка для русской национально ориентированной элиты на пустынном балтийском острове, вполне принадлежащем Эстонии. И даже, как сообщалось, получил по этому поводу эстонский вид на жительство. Но, мы слышали, Воина-освободителя еще могут спасти Евросоюз и русские таллинские таксисты. Дай-то Бог.

Бизнес-балканизация

Впрочем, за отчетный период путинский Кремль добился значительных бизнес-успехов не только в Прибалтике и Арбатском военном округе. Но и, например, на Балканах. Последние 150 лет Россия считалась другом-заступником славянских балканских народов. И даже в проклятые годы ельцинщины Евгений Примаков все ещё разворачивал свой самолет над Атлантикой, услышав о бомбардировках Югославии, а измученный нарзаном президент, тот самый Ельцин, считал своим долгом отправить русских десантников дерзостным маршброском в Приштину. И, конечно же, официальная Москва, невзирая на позицию старших товарищей по Вселенной, всегда выступала против независимости Косово и делала почти всё, чтобы братьев-сербов убедительно приободрить.

Но времена меняются. Там, где нельзя было договориться по истории, можно стало договориться по деньгам. В декабре 2006 года в ту самую официальную Москву, изнывавшую от нестерпимо зимнего тепла, прибыл не кто иной, как косовский премьер-министр, бывший полевой командир Освободительной армии Косово (ОАК), матерый соорганизатор геноцида сербов Агим Чеку. Супербоевик, которого дважды арестовывали – в 2002 году в Любляне и в 2004-м в Будапеште – по обвинению в военных преступлениях. И освобождали только под давлением миссии ООН в Косово. Российская же столица явилась Агиму Чеку всецело гостеприимной и безопасной. Его приняли – в хорошем смысле – на Смоленской площади, в МИДе, на достаточно высоком уровне. Причем визит Чеку сопровождался серией прямо-таки антисербских публикаций в кремлевских СМИ: дескать, сосут братья-славяне вымя великой России, а взамен-то ничего не дают, паразиты они, и больше никто, пора перестать делать за сербов их грязную национальную работу.

Предмет переговоров с боевым премьером Чеку тоже не был великой тайной. Холдинг «Базовый элемент», подконтрольный очень крупному бизнесмену патристического вида Олегу Дерипаске, недавно купил алюминиевый завод в Подгорице (Черногория). И теперь этому заводу очень нужна дешевая электроэнергия, которая производится как раз на территории Косово. Потому

на повестке дня – редкостно выгодная сделка: Россия не помогает Сербии, Агим Чеку отдает Дерипаске косовскую электрогенерацию.

И процесс, кажется, пошел. Незадолго до оглашения плана Марти Ахтисаари абсолютно анонимный источник в МИД РФ заявил: *мы не можем быть более сербами, чем сами сербы...* В общем, понимайте, как можете. Все-таки жаль, что Григорий Ефимович Распутин не занимался алюминиевым бизнесом. А то, может быть, и удержал бы Россию от вступления в I мировую войну.

«Газпрому» хорошо, русскому – смерть

Хотя, разумеется, разнообразные металлургические достижения меркнут по сравнению с победами на главном путинском бизнес-фронте – газовом. Вторая половина 2006-го и самое начало 2007 гг. не могли не повергнуть читателей путинских бизнес-танталов в глубокое, как хранилища Центробанка, удовлетворение.

За отчетный период объединенная управляющая компания (ОУК) «Кремльгаз» имени В. В. Путина провела большую работу по обеспечению роста капитализации ОАО «Газпром» (известного также как общество с ограниченной ответственностью «Национальное достояние»). Основные результаты этой работы, как известно, таковы:

- Грузия и Азербайджан почти полностью отказались от закупок российского газа и сформировали антироссийский энергетический картель, у которого на руках теперь все козыри, чтобы давить на последнего условного союзника России в Закавказье – Армению; на фоне стремительного и бесплатного вывода наших постсоветских войск из Грузии можно констатировать, что двухсотлетний период доминирования России в Закавказье самым газовым образом завершён;

- де-факто ликвидировано Союзное государство России и Белоруссии; Минск из союзника и форпоста Москвы превратился в ее жесткого оппонента; президент Лукашенко заявил о готовности создать антироссийский альянс потребителей сырья вместе с Украиной и Азербайджаном, а заодно пересмотреть условия сотрудничества с РФ в военной сфере; Евросоюз приободрился и на-

мекнул на готовность смягчить свою позицию в отношении эксцентричного белорусского лидера; непримиримая оппозиция выразила желание протянуть ненавистному «бадьке» руку сотрудничества в общенациональном деле борьбы против Путина и «Газпрома».

Тут классический член фан-клуб ОАО «Газпром», судорожно пытаясь нащупать где-то в области талии виртуальный газовый пистолет, должен истерически возопить: *Но ведь «Газпром»-то – это мы и есть... Ведь от ихней капитализации нам всем, простым россиянам, обламывается!.. Что хорошо для «Газпрома» – хорошо для России, а всё остальное-то – от лукавого.*

Нет, увы. Современная история учит нас обратному: что для «Газпрома» здорово – то русскому смерть. Вот лишь несколько простых доказательств, произошедших в 2006 году.

- Российская газовая монополия, эксплуатирующая российскую территорию как свое приусадебное хозяйство, а российскую власть – как собственный PR-департамент и службу безопасности одновременно, отказалась заниматься газификацией России. Отныне «Газпром» берет на себя лишь 20% газификационных расходов – на подведение трубы к населенному пункту. Остальное должны оплачивать регионы, в чьих бюджетах необходимых средств не было, нет и не будет. Но отвечать за провал будут как раз субъекты Российской Федерации. С 2007 года, как заявил председатель совета директоров «Газпрома», бывший лучший преемник Владимира Путина Дмитрий Медведев, нерадивые регионы будут просто вычеркиваться из программы газификации. Что позволит «Газпрому» уже официально поставить крест на этой обременительной низкодходной программе. Внутренняя логика ООО «Национальное достояние», разумеется, вполне понятна: газ нужен для высокоприбыльного экспорта, способствующего росту капитализации, тут уж размениваться на население никак не приходится. Just business.

- «Газпром» – причем устами самого Владимира Путина, формально не имеющего к корпорации никакого отношения – провозгласил в 2006 году курс на существенное сокращение поставок газа российской промышленности и энергетике. Президент призвал промышленных потребителей переходить на уголь и мазут – т. е. на менее эффективные виды топлива – а также при-

готовиться к повышению цен на «голубое топливо» до европейского уровня. Так, поставки газа энергетикам сокращены в 2007 г. на 10 млрд. кубометров, хотя структуры РАО «ЕЭС России» готовы были платить \$185 за каждую тысячу кубометров дополнительного газа (Украина, напомним, платит по \$130). Как мы видим, «Газпром» активно способствует архаизации и деградации отечественной промышленности.

- Газовая монополия анонсировала постепенное, но немилосердное повышение цен на газ для населения. Через 4 года (в 2011) простой россиянин будет платить 70% от европейской цены, т. е. втрое больше, чем сегодня. Если, конечно, у россиянина от таких расходов карман окончательно не треснет. Естественные преимущества России в виде собственного газа (себестоимость добычи которого не превышает \$35 за тысячу кубометров) – уже не в счет. Это когда нужно брать у страны, «Газпром» – национальное достояние. А когда нужно хоть что-то отдать, «Газпром» немедленно превращается в коммерческую структуру, главная цель которой – получение большой, очень большой прибыли. И нет такой России, которой «Газпром» не пожертвовал бы ради главной цели.

Развеселая наука

Ну что все так привязались к мебельщику Сердюкову, честное слово? Ну да, очень логичное (с точки зрения путинской бизнес-машины) назначение. Но ведь не единственное же такое!

Почему никто не говорит, что еще в позапрошлом году Михаил Ковальчук, инкогнито из Петербурга, родной старший брат Юрия Ковальчука (который тоже считается одним из кошельков своего политического начальства), возглавил не что-нибудь, а легендарный Курчатowski институт. И очень хорошо, что г-н Ковальчук никогда не занимался ядерной физикой. Это позволит ему легко трансформировать некоторые избыточные помещения состарившегося «Курчатника» в автосалоны и другие нужные массовому потребителю культурные места.

Но, кажется, и на этом ядерном посту Мих. Ковальчук надолго не задержится. Вскоре, как ожидается, он будет назначен финансовым директором

Российской академии наук (РАН). И, подобно сверхновому министру обороны, развернет северные реки академического финансирования в единственно верном лазерном направлении. А заодно – избавит научную общественность от совершенно лишних, обременяющих ее коллективный фаустовский ум двух миллионов квадратных метров недвижимости. Если наука стоит на пути у большого бизнеса – тем хуже для науки.

А на излете 2007 года Анатолий Сердюков и Михаил Ковальчук могли бы провести совместную пресс-конференцию, чтобы поведать заинтригованному миру, как они собираются создавать новейшее супероружие. То самое, способное проткнуть американскую ПРО, словно тростинка – лист папиросной бумаги. Главное, чтобы в ходе пресс-конференции эти перспективные руководители не погибли от собственного смеха.

У двойной черты

Теоретики т. наз. «путинского большинства» учат нас, что президент Путин если и не останется на третий срок, то уж во всяком случае от политического тления убежит и станет российским Дэн Сяо Пином, бодрым, подтянутым и архимудрым – не по годам.

Смысл этой пропагандистской кампании вполне понятен: В. В. очень не хочет, чтобы его прежде срока посчитали «хромой уткой». И грозит всем из теплого ново-огаревского подполья: не торопитесь меня списывать, я еще ко всем вам приду в капиталистическое далеко и спрошу, что вы там делаете и чем живете! Путин понимает: в ту секунду, когда олигархо-бюрократическая элита окончательно уверует в его полный уход, элитные тормоза откажут на все сто. И всеобщая война всех против всех за остатки национальных ресурсов, прошлых, настоящих и будущих, превратится в кровавую мясорубку, из гущи которой будут лишь изредка доноситься хамски сдавленное: «Президент? Какой президент? Какой Владим Владимыч? Позвоните завтра, а то сейчас мы заняты – война, понимаешь...». И – пулеметная очередь гудков – самых коротких, какие только бывают на свете. В общем, зачем лукавый Путин пытается отдэнсаяпинизировать публику, ясно. Но дела его, лежащие за строгими рамками

уполномоченной пропаганды, говорят о прямо противоположном: В. В. уходит насовсем. Бесповоротно и безвозвратно.

Разве лидер (мягче – большой начальник), который собирается хоть в каком-то качестве / количестве оставаться, обрушил бы с такой небесной легкостью постсоветский мир? Уничтожил бы столь популярную в русском народе дружбу с Белоруссией? Оставил бы промышленность и народ свой без газа? Плюнул бы в армейскую душу столь откровенно мебельным назначением? Порешил бы на корню фундаментальную Академию наук? Испортил бы, наконец, свой родной город многоэтажным кукурузным початком?

Нет – самому себе такого наследства не оставляют. Мы наблюдаем решительное окончание эпохи под названием «Бизнес Владимира Путина». Расхлебывать сладкую деловую кашу, заваренную в процессе окончания, придется смелым преемникам, сколько бы их ни случилось. И Дэн Сяо-Пина рядом тогда уже не будет.

Путин никогда никому не обещал проводить модернизацию. Строить новое государство. Брать приступом небывалые горизонты. Он вообще не хотел президентской власти и дважды отказывался от неё. Путина в 1999-м уговорили, потому что только он, тихий, праведный и надежный, суверенно понимающий астрономическую разницу между риторикой (для доверчивого народа) и большим бизнесом (для мнительного себя), мог исполнить триединую сверхзадачу нынешней российской элиты: 1) закрепление итогов приватизации; 2) обналичивание властесобственности; 3) легализация обналиченного на Западе.

Он это и делал. Четко, почти безукоризненно. Не больше, но и не меньше, чем должен был. Учебник русской истории будет к Владимиру Владимировичу и его бизнесу совершенно и основательно добр.

Authorities and society

Игорь Клямкин

Негражданское общество

По данным всех без исключения социологических опросов, проведенных в посткоммунистической России, среди ее населения доминируют ценности частной жизни, причем в сугубо материальном их измерении. Постматериалистические ценности по сравнению с развитыми странами распространены незначительно. Это стало настолько очевидным, что от публичных апелляций к особой духовности русского народа, якобы отличающей его в лучшую сторону от «потребительских» народов Запада, постепенно отказываются даже самые консервативные политики.

Российские либералы и демократы конца 1980 – начала 1990 годов возлагали большие надежды на население, имея в виду именно его ориентации на частную жизнь и семейное благополучие. Они усматривали в этом отщепление общества от советского государства и массовое неприятие тотального коммунистического огосударствления. И, констатируя это, были правы. Но они явно переоценили исторический потенциал российского социума, его готовность и способность сознательно перестраивать государственное и общественное бытие на принципиально новых началах. А помочь ему обрести такую готов-

* Игорь Клямкин – доктор философских наук, профессор, директор Института социологического анализа, вице-президент Фонда «Либеральная миссия». Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Руководитель аналитического центра Фонда «Общественное мнение» (1992–1996). Автор и соавтор многих книг, среди которых: *Внесистемный режим Бориса Ельцина* (вместе с Л. Шевцовой, 1999), *Теневая Россия. Экономико-социологические исследования* (вместе с Л. Тимофеевым, 2000), *История России: конец или новое начало?* (вместе с А. Ахиезерым и И. Яковенко, 2005).

ность и такую способность реформаторы не смогли. Более того, таких задач они перед собой и не ставили. Апеллируя к массовым антикоммунистическим настроениям, они оставляли людей в границах тех жизненных установок, которые сложились в позднесоветскую эпоху.

Отщепление людей от государства и их переориентация на ценности частной жизни начались еще в СССР, причем задолго до горбачевской перестройки. Почти сразу после смерти Сталина, когда советская власть начала отпускать государственные обручи и допускать дозированные свободы, предписанные режимом ценности стали подвергаться массовым сознанием сомнению. Советские люди медленно и поначалу осторожно стали обустривать свою частную жизнь. Коммунистическое «светлое будущее» для всех, которому следовало самоотверженно и бескорыстно служить, таяло в повседневных заботах о настоящем и постепенно претворялось в построение коммунизма в отдельно взятых квартирах. В результате формировался оригинальный исторический персонаж – *«частный» человек в обществе без частной собственности*. Приоритет семьи и ее благосостояния, который из года в год фиксируется в постсоветской России всеми социологическими службами, – это отсюда, из той эпохи.

Реформаторы 1990 годов не ошибались, полагая, что при таких жизненных ценностях населения, при таком отщеплении людей от государства и его идеологии убежденных защитников у него не найдется. Но реформаторы ошиблись, полагая, что «частный» человек станет для них надежной опорой в преобразовании государственной экономики в рыночную без глубокой реформы самого государства и изменения традиционного для России типа взаимоотношений государства и общества. А такая реформа и такое изменение осуществлены не были. Освобождение от коммунистической идеологической и политической оболочки не сопровождалось преобразованием находившейся под этой оболочкой бюрократическо-коррупционной системы. Созданием правовых механизмов, способных поставить бюрократию под контроль общества, постсоветская политическая элита не озаботилась.

Я сейчас не хочу обсуждать вопрос о том, насколько обстоятельства, в которых она оказалась, позволяли ей это сделать. Я говорю лишь о том, что несделанность этого предопределила весь ход дальнейшего развития

и постсоветского российского государства, не получившего никаких импульсов для превращения в демократическо-правовое, и постсоветского российского общества, не получившего стимулов для превращения в гражданское. А само оно к такому превращению предрасположено не было.

Постсоветский человек не мог унаследовать от советского прошлого опыт гражданской самоорганизации. Такого опыта в этом прошлом у него не было, как не было и у его предков в истории досоветской. Более того, у россиян за долгие столетия так и не сформировалось понятие об *общем (государственном) интересе* – он осознавался только в периоды больших войн. Поэтому, кстати, сталинская система смогла утвердиться в стране лишь благодаря тому, что общий интерес был представлен в ней как военный. Или, что то же самое, благодаря милитаризации жизненного уклада, выстраивания повседневной мирной жизни по армейскому образцу.

Но поэтому же российские мыслители славянофильского направления, еще в XIX веке провозгласившие русский народ неполитическим, имели на то серьезные основания. Поэтому он мог склеиваться в государственную целостность только неограниченной самодержавной властью в разных ее формах и с разными источниками легитимности. Что могла означать при такой исторической биографии народа апелляция первых постсоветских реформаторов к частным интересам? Она могла способствовать разрушению прежней государственности, но не могла способствовать становлению новой, демократическо-правовой. Тем более, что рыночные реформы 1990 годов для большинства людей сопровождались тем, что именно их частные интересы оказались ущемленными.

Эти годы не были использованы для стимулирования общества к осознанию себя субъектом политики. «Частный» человек, освобожденный от идеологического диктата, остался все тем же «частным» человеком. Учитывая же, что прежние социальные связи в значительной степени распались, общество оказалось еще более атомизированным, чем было при советской власти.

Это не значит, что в стране не возникали новые общности людей. Они возникали, но при слабом и коррумпированном государстве были нелегальными, призванными *заменять* государство, компенсировать его недееспособность.

Образовалась густая сеть горизонтально-вертикальных неформальных связей чиновников, работников правоохранительных органов и людей, нуждающихся в их теневых услугах. Но это квазигражданское общество, сращенное с теневым государством, обслуживало частные и групповые интересы лишь относительно небольшой части населения – как правило, связанной с бизнесом. Большинство же россиян было предоставлено самим себе. Организоваться для отстаивания своих интересов они не могли – таких навыков и такой потребности у них не было, а их жизненные ценности в этом отношении их не стимулировали. Поэтому в их среде нарастал запрос на реставрацию патерналистского типа государства, но не в прежнем коммунистическом, а в обновленном виде. На волне этого запроса и был приведен к власти Владимир Путин.

Авторитарные тенденции, которыми отмечено его правление, и его сохраняющуюся несмотря на это высокую популярность многие российские либералы склонны объяснять состоянием российского общества, доминированием в нем недемократической политической культуры. Но такое объяснение верно лишь отчасти.

Оно верно в том смысле, что понятие об общем интересе в массовом сознании размыто, его связь с интересами частными этим сознанием фиксируется слабо. Поэтому люди не вникают, как правило, в конкретное содержание предлагаемых им политических программ, попустительствуя тем самым безответственному популизму политиков и их нежеланию заранее информировать избирателей о своих действиях в случае победы на выборах. Поэтому же население в массе своей не обеспокоено нарушением выборных процедур, неравенством условий политической конкуренции, монополизацией Кремлем административных, финансовых и информационных ресурсов. Поэтому его участие в формировании общего интереса на избирательных участках не сопровождается утверждением демократическо-правовой государственности и уживается с прежним делегированием этого плохо осознаваемого интереса персонифицированному государственному институту, опирающемуся на неподконтрольную обществу бюрократическую «вертикаль власти».

Все это так. Но отсюда вовсе не следует, что российское общество *отторгает* модернистскую политическую культуру в силу своей приверженности

традиционалистским ценностям. Потому что такой приверженности оно как раз и не обнаруживает. Достаточно вспомнить, что на свой второй президентский срок Владимир Путин шел с откровенно либеральной политической платформой. И его избирателей это не отпугнуло. Постсоветский «частный» человек не готов *отстаивать* ценности демократическо-правовой культуры, поскольку его *ценностями* они не стали. И не могли стать: ведь он даже не знает, что такое демократическое и правовое государство, в котором он никогда не жил. Но, повторю, его культурными ценностями оно и не отторгается. Его сознание достаточно пластично, чтобы принять модернистский политический проект, будь он ему предложен.

Об этом можно судить по политико-идеологическим и экономическим *представлениям* россиян. Речь идет не о ценностях, а именно о представлениях людей о желательном общественном и государственном устройстве. Согласно данным социологических опросов, примерно треть населения России готова поддержать либерально-демократический проект, другая треть относится к нему скорее негативно, а третья колеблется между «модернистами» и «традиционалистами». Но даже та часть людей, представления которой можно считать традиционалистскими, по отдельным вопросам ориентирована модернистски. «Чистых» традиционалистов в стране сегодня не более 5–7 процентов, и это, как правило, люди, чей деятельный возраст уже в прошлом. Поэтому правомерно утверждать, что представления постсоветского массового человека о желательном политическом и социально-экономическом устройстве радикально отличаются от представлений человека досоветского.

В начале XX века в России не было никаких предпосылок для реализации либерально-демократического политического проекта. Свыше 80 процентов населения страны составляли крестьяне, а большинство жителей городов были горожанами в первом поколении, сохранявшими тесные связи с деревней. Доминировавший в ней общинный жизненный уклад с его уравнительными земельными переделами и глубокими традициями обычного права, отторгавшими универсализм законодательных норм, блокировал либерально-демократическую модернизацию страны. Политические партии, которые воодушевлялись идеей такой модернизации и представители которых стали

после Февральской революции 1917 года министрами Временного правительства, исторически пришли слишком рано. Для крестьянской России они и их политические идеалы были чужими.

Напомню, что большевики пришли к власти, заимствовав аграрную программу у партии социалистов-революционеров (эсеров), которые, в свою очередь, опирались на наказаы, составленные самими крестьянами. И первый пункт этих наказов гласил: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда». Напомню также о том, что на выборах в Учредительное собрание большевики с большим преимуществом победили в крупных городах, причем в Москве и Санкт-Петербурге за них проголосовала почти половина избирателей. Горожанам, сохранившим деревенские корни, был близок анти-собственнический пафос большевиков, направленный против «помещиков и капиталистов». Не было чуждо большинству горожан и сельских жителей и большевистское отрицание «буржуазной законности» – с их доправовым сознанием оно сочеталось достаточно органично.

В постсоветской России социокультурная ситуация принципиально иная. Изменилась структура населения, в котором три четверти составляют теперь горожане. Нет былого массового предубеждения против частной собственности – поэтому отвергать ее не решаются сегодня даже коммунисты. Вместе с крестьянской общиной ушла в прошлое и традиция обычного права, противостоявшая идее юридической законности, – идея эта осела в массовом сознании и пустила в нем корни. Иными словами, каких-либо серьезные препятствия для реализации либерально-демократического политического проекта в стране не существуют. Правомерно говорить о том, что российское общество не готово само инициировать такой проект, стать его субъектом. Хотя бы потому, что общество как таковое в России отсутствует, а есть лишь совокупность атомизированных «частных» индивидов. Но нет никаких оснований утверждать, что модернистский политический проект россиянам и сегодня так же культурно чужд, как был он им чужд сто лет назад. О какой чуждости и каком отторжении может идти речь, если он им до сих пор так и не был предложен?

Политическая система 1991–1993 годов, сохранившаяся с позднесоветских времен, критериям современной демократии не соответствовала. Не

соответствует им и нынешняя система, узаконенная Конституцией 1993 года, в которой все реальные властные полномочия сдвинуты в сторону одного политического института (президента), доминирующего над всеми остальными. Но та и другая системы – продукты политического творчества российских элит, стремившихся использовать население как инструмент для утверждения своей монопольной власти и сохранить его в объектном положении, не дать ему стать самостоятельным субъектом политики, заблокировать его превращение в гражданское общество.

При президенте Ельцине (1991–1999 гг.) такая задача, правда, еще не ставилась. В пору острейшей конкуренции различных политических и финансовых групп она не могла быть даже ясно осознана. То был период борьбы за властную монополию между фракциями элиты, в которую население вовлекалось через СМИ в качестве пассивного электорального ресурса. Но в условиях сохранявшейся политической конкуренции оно все же ощущало и свою причастность к определению исторического вектора развития страны. Постсоветский «частный» человек хотя бы отчасти приобщался к формированию общего интереса, представительство которого еще не было монополизировано. Однако после прихода к власти президента Путина ситуация принципиально изменилась.

Был взят курс на свертывание политической конкуренции элит и превращение населения в пассивный электоральный ресурс единоличной президентской власти и подконтрольной ей привластной партии, каковой стала «Единая Россия». Задача была поэтапно решена посредством подчинения Кремлю всех федеральных телевизионных каналов и лишения политической субъектности бизнеса и руководителей регионов. «Зачистка» политического поля осуществлялась с помощью Генеральной прокуратуры, избирательно применявшей закон против политических оппонентов Кремля, и встроенной в «вертикаль власти» судебной системы. А после украинской «оранжевой революции» был нанесен упреждающий удар по неправительственным гражданским организациям – новый закон о них фактически поставил их деятельность под жесткий контроль бюрократии.

Замысел состоял в том, чтобы вмонтировать еще только зарождающееся гражданское общество в патерналистскую модель властвования и сделать его

управляемым. И проявилось это не только в ужесточении законодательства, но и в административном насаждении прокремлевских общественных организаций (вроде молодежного движения «Наши») и создании Общественной палаты, сформированной из отобранных Кремлем людей и призванной олицетворять российское гражданское общество.

Недовольства населения ни одна из этих мер не вызвала. Постсоветский «частный» человек не испытал особого дискомфорта от того, что его оставляют в атомизированном состоянии и воспроизводят привычную для него опеку патерналистской власти. Тем более, что высокие мировые цены на сырье сказываются на зарплатах и пенсиях – оставаясь у большинства людей чрезвычайно низкими, они, тем не менее, все же повышаются и, в отличие от ельцинских времен, выплачиваются своевременно. Однако для утверждения и упрочения персоналистского режима и его устойчивой легитимации всего этого было бы недостаточно, если бы он выглядел в глазах людей лишь обслуживающим худобно их частные интересы и не выглядел представителем отчужденного от них интереса общего. И в какой-то степени эту задачу Кремлю до сих пор тоже удавалось решать благодаря использованию инерции милитаристского («оборонного») сознания. Но со временем делать это становится все труднее.

Приходу Путина к власти предшествовали такие события, как вторжение чеченских боевиков в Дагестан и взрывы жилых домов в Москве и некоторых других городах, унесшие сотни человеческих жизней. «Частный» человек реально ощутил угрозу своей безопасности, что реанимировало в его сознании единственно доступное ему представление об общем интересе, характерное для *военного времени*. На это представление и пытается опираться режим Владимира Путина, применяя самые разнообразные методы и приемы.

Во-первых, он постоянно апеллирует к исторической памяти народа о войне с нацистской Германией и победе в ней. Используется любой повод, чтобы о ней напомнить не только в День Победы 9 Мая. Например, в ноябре 2006 года на Красной площади в Москве был воспроизведен военный парад 1941-го, состоявшийся в честь годовщины октябрьской революции в ситуации, когда германские войска находились на подступах к советской столице.

Во-вторых, целенаправленно создавался полководческий имидж президента – его полетами на военных самолетах, визитами на военные корабли, подводные лодки и другие военные объекты, равно как и использованием военной риторики. Так, трагедия в североосетинском городе Беслане интерпретировалась Путиным как «объявление России войны», причем достаточно прозрачно намекалось на то, что за террористическим актом боевиков в бесланской школе стоят определенные круги Запада. Показательно и то, что грандиозный митинг, организованный тогда властями в центре Москвы, сопровождался трансляцией песни «Вставай, страна огромная!», бывшей и остающейся в народном сознании музыкальным символом противостояния нацизму.

В-третьих, официальная пропаганда внушает населению мысль о том, что нынешняя власть возрождает Россию как великую военную державу. При этом патриотические чувства подпитываются постоянным педалированием угроз, исходящих от того же Запада (прежде всего, от США), который якобы боится усиления России и делает все, чтобы ему воспрепятствовать. Достаточно напомнить, что наступление властей на российские гражданские организации сопровождалось шумным «разоблачением» их связей с британскими спецслужбами.

Насколько результативны такая политика и такая пропаганда? Если судить об этом с точки зрения того, насколько блокируется тем самым развитие гражданского общества, то результативность можно считать достаточно высокой. Если же говорить о патриотическом эффекте, т. е. о том, насколько предпринимаемые воспитательные меры способствуют превращению «частного» человека в «государственного» и «державного», насколько содействуют они подчинению личных интересов интересу общему в желаемом властями духе, то успехи более скромные. В подтверждение приведу несколько цифр.

В 2001 году на вопрос: «Какая Россия вам нужна?» лишь 24 процента респондентов отвечали: «Могучая военная держава, где во главе угла стоят интересы государства, его престиж и место в мире». А 76 процентов опрошенных отдавали предпочтение «комфортной, удобной для жизни стране, в которой на первом месте стоят интересы человека, его благосостояние и возможности развития». Спустя пять лет, в конце 2006 года доля сторонников первой по-

зиции возросла до 36 процентов, а доля приверженцев второй уменьшилась до 62-х. Определенный сдвиг налицо, но если сопоставить его с огромными пропагандистскими усилиями по обработке мозгов, то впечатляющим он не покажется. Постсоветский «частный» человек готов принимать патерналистскую модель государства, если ощущает от него хоть какую-то для себя пользу, но и жертвовать чем-то во имя возрождения былой державности явно не спешит. Он не претендует на общественную субъектность, удовлетворяясь субъектностью частной, а также тем, что нынешнее государство, в отличие от советского, на нее пока покушается не часто.

Каковы же при таких обстоятельствах перспективы становления в России гражданского общества? На сегодня можно говорить лишь об определенных, причем весьма слабых его ростках.

В последние два года в стране наблюдается развитие стихийного протестного движения различных групп населения против ущемления властями их конкретных интересов. В начале 2005 года Россия стала свидетелем (даже подконтрольные СМИ не сочли возможным это скрывать) довольно массового уличного протеста пенсионеров, выступавших против лишения их прежних льгот. В 2006 году на улицы и площади выходили люди, авансировавшие строительство новых домов и не получившие в результате ни квартир, ни денег. В том же году их примеру последовали жители подмосковного поселка Южное Бутово, принудительно выселявшиеся властями из их домов ради освобождения места для новой застройки без достаточной компенсации. И на все эти акции власти в той или иной степени вынуждены были реагировать.

Можно ли, однако, рассматривать такого рода протестные движения как шаги по пути формирования в России независимого гражданского общества? Можно, но с существенными оговорками. В случаях, когда грубо ущемляются непосредственные интересы людей, они демонстрируют способность к преодолению атомизации и спонтанной самоорганизации, что для России, соответствующих традиций не имеющей, чрезвычайно важно. Но речь идет о самоорганизации ситуативной, не предполагающей создания постоянно действующих гражданских институтов. К тому же подобные протестные движения не распространяются на сферу политики: их участники не осознают связи между

ущемлением своих частных интересов бюрократией и устройством государства, в котором монопольно властвует одна политическая группировка, именно на бюрократию и опирающаяся.

Политические задачи, предполагающие не интеграцию в сложившуюся государственную систему и не упование на ее патерналистскую опеку, а ее демократическую трансформацию, выдвигаются сегодня лишь маргинальными организациями (партийными, правозащитными, молодежными и др.). Население к их акциям интереса не проявляет. Существенно и то, что организации эти идеологически разнородны: наряду с либерально-демократическими в них представлены и националистические, причем последние вербуют сторонников и сочувствующих с большим успехом, чем первые.

Русский национализм, в том числе и радикальный, распространяется среди населения как стихийная реакция этнического большинства на отстранение общества от политики, на попытки властей законсервировать его в объектном положении. Бессилие перед властью компенсируется стремлением к получению преимуществ по отношению к этническим меньшинствам. Но такое понимание общего интереса ведет не к преодолению политического монополизма и становлению гражданского общества, а к установлению еще более жесткого авторитарного режима националистического толка.

Как и в каком направлении будет развиваться Россия, в значительной, если не решающей степени зависит от ее политической элиты. Чтобы ответить на современные внешние и внутренние вызовы, стране нужна элита, готовая оставить в прошлом образ народа-объекта, воспроизводившийся из века в век элитами прежними – дворянской и советской. Те элиты, попадая на исторические развилки, находили свои ответы на мировые вызовы, хотя это и не спасало их от последующей деградации и краха. Нынешней же российской элите деградация может быть уготована без предшествующих достижений, но с тем же конечным результатом. Потому что сегодня, в отличие от досоветских и советских времен, без *субъектности общества*, его свободной и сознательной самоорганизации на решение стоящих перед страной новых проблем никакой правящий класс их не решит.

Соответственно Россия нуждается в такой элите, которая оставит в прошлом и традиционный для нее принцип политической монополии как несостоятельный и для России сегодня пагубный. В элите, осознавшей необходимость политической конкуренции, причем не как средства борьбы за монополию, а как безальтернативный способ государственного существования, обеспечивающего сменяемость власти.

Пока российская элита признать это не готова, оправдывая свою неготовность «незрелостью народа». В каком-то смысле она права: российское атомизированное население не испытывает жизненной потребности превращаться в гражданское общество, формируя понятие об общем интересе, до сих пор у него отсутствующее. Но в его сознании, в отличие от времен столетней давности, нет и барьеров такому превращению и такому формированию препятствующих.

Население России изменилось, оно открыто для принятия модернистских установок. Качество же российской элиты осталось прежним, если не ухудшилось. Она по-прежнему способна управлять лишь обществом-объектом. Поэтому она блокирует его становление как политического субъекта. И тем самым блокирует развитие страны.

Арсений Рогинский

Право на самоопределение: правозащитники и власть в современной России

Сегодняшнее состояние правозащитного движения в России – тема популярная и даже в некоторой степени модная. О правозащитных организациях с охотой вспоминают оппозиционные политики. О них регулярно высказываются высшие государственные чиновники, включая Президента. О них то и дело высказываются журналисты и обозреватели – как прокремлевские, так и антикремлевские; известные политологи выступают по телевидению, чтобы рассказать населению, какое у нас сейчас правозащитное движение и чем оно занимается (и на чьи деньги?!) и чем на самом деле заниматься должно. Правда, в печати и на телевидении почти не слышен голос самих активистов правозащитных организаций – причины этого очевидны. Однако на своих собственных семинарах, конференциях, съездах, на некоторых Интернет-форумах они активно обсуждают свои проблемы, и не только конкретные, но и весьма общие. В этом смысле современная эпоха резко отличается от 1990-х годов, когда правозащитная тематика оставалась на дальней периферии общественного внимания (за исключением, пожалуй, первой чеченской войны 1995–1996 гг.

* Арсений Рогинский – историк, правозащитник, один из основателей, а с 1998 г. председатель правления Общества «Мемориал». Окончил историко-филологический факультет Тартуского университета. Занимается историей России XX века, в частности, политическими репрессиями. Составил и редактировал самиздатские сборники исторических работ «Память» (1975–1981). В 1981 г. арестован, приговорен к 4 годам лишения свободы. В 1992 г. реабилитирован. Автор: *Звенья* (т. 1. с Н. Охотиным, 1990; т. 2 с А. Добкиным, 1992), *Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960* (с Н. Добкиным, 1988).

– но тогда речь шла не столько о правозащитном движении, сколько о порожденном им движении антивоенном).

При всем разнообразии суждений – от резко негативных вплоть до обвинений в предательстве национальных интересов и прямой государственной измене до высказываний вполне апологетических – можно выделить одну общую позицию: сегодня правозащитное движение в России находится в кризисе. Причем, если внешние наблюдатели видят причины этого кризиса в конфронтации между правозащитным сообществом и государственной властью (объяснение причин этой конфронтации, равно как и выбор эпитетов, применяемых для ее характеристики, всецело зависит от политической ориентации и личного темперамента публициста), то внутри самого сообщества чаще говорят о кризисе внутреннем, мировоззренческом. Однако сам факт кризиса – или, в более мягкой интерпретации, «обострения проблематики» – констатируют практически все.

Так ли это? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сравнить нынешнее состояние правозащитного движения с предыдущей эпохой и понять, в чем состоят основные различия.

* * *

Сегодняшнее правозащитное движение – прямой наследник правозащитной активности советских диссидентов 1960–1980-х гг. Эта преемственность – не «кадровая» (правозащитников советской эпохи осталось совсем немного, и в большинстве своем они уже очень немолоды), а, скорее, «идейная»: современные правозащитники все еще воспринимают себя – и отчасти воспринимаются страной – на фоне героической эпопеи советских диссидентов. Правозащитное сообщество (во всяком случае, значительная его часть) непрерывно сравнивает себя, свои задачи, свои ценности с задачами и ценностями ушедшей эпохи. Кто-то при этом настойчиво провозглашает преемственность этих задач, кто-то, напротив, ставит акцент на различиях – но точка отсчета в обоих случаях одна и та же: последние десятилетия существования СССР.

Не пытаюсь дать здесь развернутую характеристику советского правозащитного движения, назовем лишь три его сущностные, родовые особенности; для понимания сегодняшнего дня эти особенности принципиально важны.

Первое. Начиная с 1968 правозащитное движение играло роль авангарда всей независимой, т. е. диссидентской активности в Советском Союзе – политической, культурной, национальной, религиозной и пр. В сущности, вся эта активность в 1970–1980-е гг. приняла правозащитные формы. Похоже, что современное соотношение между сообществом правозащитных организаций и гражданским обществом в целом осталось таким же, если не в реальности, то в общественном сознании.

Второе. В советскую эпоху правозащитная деятельность не была и не могла быть ориентирована на достижение практических результатов. Основным продуктом этой деятельности становились символические протестные декларации; позднее к ним прибавился мониторинг ситуации, предъявляемый обществу, но ни в коей мере не рассчитанный на реальное изменение ситуации. Поэтому основное содержание истории правозащитного движения советского периода – это не то, что делали правозащитники, а то, что делали с ними. Сюжетике этой истории составляет острая конфронтация между правозащитным движением и государственной властью, причем сочувствие очень многих в мыслящей части советского общества в течение всего периода оставалось на стороне правозащитников.

Третье. С самого начала большинство правозащитников (за немногими, хотя и принципиально важными – например, Сахаров – исключениями) дискантировалось от политической и идеологической проблематики.

* * *

Ситуация в корне изменилась с началом горбачевской перестройки. Государственная власть перестала рассматривать правозащитные ассоциации как врага, на любые проявления активности которого необходимо принимать немедленные и жесткие репрессивные меры. Нельзя сказать, что при Горбачеве отношение власти к правозащитникам стало благосклонным, а о конструктив-

ном сотрудничестве и вовсе не было речи; скорее всего, они воспринимались как неизбежное зло, по отношению к которому, однако, следует вести себя аккуратно и даже демонстрировать определенную лояльность. Это был, конечно, колоссальный прорыв в отношениях между обществом и государством.

Позднее, в последние горбачевские и в ранние годы ельцинского правления, происходила даже определенная институционализация правозащитных структур, в частности, создание государственных правозащитных институтов: Комитета по правам человека Верховного Совета России (с 1990), после разгона Верховного Совета в октябре 1993 – Комиссии по правам человека при президенте, наконец, в январе 1994 г. – службы омбудсмена. Характерно, что возглавлять все эти учреждения президент Ельцин пригласил известного правозащитника советских времен Сергея Ковалева. Правда, этот роман правозащитного движения с высшей государственной властью длился недолго. Уже в марте 1995, через три месяца после начала первой чеченской войны, жестким критиком которой выступил Ковалев, Государственная Дума при полном невмешательстве (а, быть может, и скрытом одобрении) президента, отрешила его от должности, а с поста председателя президентской комиссии он подал в отставку сам несколько месяцев спустя. Уход с государственных постов Ковалева – признанного лидера российских правозащитников после смерти Сахарова – означал разрыв недолгого альянса правозащитников с верховной властью, которую они вновь перестали воспринимать как «свою».

И, тем не менее, хотя в 1989–1999 правозащитное движение в России не пользовалось ни особым благоволением государства, ни особой популярностью у широкой публики, оно все-таки было на подъеме. Значительная часть населения, не очень-то зная и понимая, кто такие правозащитники, все-таки смутно ассоциировала их с «чем-то хорошим»: «правозащитники против начальства и за простых людей»; «когда начальство простых людей обижает, правозащитники за них заступаются».

* * *

На рубеже 1990-х и 2000-х настроение резко изменилось. На самом деле вялая симпатия населения к правозащитному движению пошла на убыль еще раньше, в середине 1990-х. Что естественно: концепция прав человека прочно связалась в общественном сознании с либеральной системой ценностей, а массовое разочарование в этих ценностях – один из наиболее впечатляющих и бросающихся в глаза итогов ельцинского правления (причины этого разочарования выходят за рамки данной статьи). Появление Путина (в сущности, такое же порождение ельцинской эпохи, как обстрел парламента из танковых орудий в октябре 1993-го, чеченская война, дефолт 1998-го) и невероятный электоральный успех, сопутствовавший ему, были лишь симптомами этой смены настроений. Новое, враждебно-настороженное отношение значительной части населения к либеральному мировоззрению вообще и к правозащитникам, в частности, получило свое политическое оформление. Не вдаваясь в детальное изложение этапов развития и становления этого отношения, опишем его следующим образом: правозащитники работают против России. Да, они заступаются за людей – но за кого? За чеченцев, цыган, гомосексуалистов, беженцев, Ходорковского, Свидетелей Иеговы, преступников – в общем, «за чужих», на простых людей им наплевать. Они против возрождения величия России; они жалуются на нашу страну в Европейский суд, который все время выносит анти-российские решения, потому что за границей все настроены против нас. Они хотят, чтобы все опять стало, как при Ельцине, когда мы были бедны и унижены. За все за это зарубежные враги России платят им гранты.

Конечно, сегодня этот демонизированный и одновременно карикатурный образ правозащитника является отчасти результатом массированного и настойчивого семилетнего промывания мозгов публике. Здесь постарались телевидение и пресса (не только желтая, но и солидная), политики и журналисты, аналитики-политологи и сочинители бульварных романов, выпускающихся массовыми тиражами. Особенно масштабно и яростно эта кампания развернулась с начала 2005, после серии «цветных революций» в нескольких сопредельных России странах: Украине, Грузии, Киргизии. Кремлевские политологи нашли

этим событиям изумительно простое объяснение: двигателями этих революций были оппозиционные гражданские организации, которые действовали по заказу своих западных спонсоров. Иногда кажется, что не только политические лидеры страны, но и сами политологи в конце концов поверили в это объяснение; во всяком случае, в концепции «превентивной контрреволюции», разработанной одним из таких политологов, одно из ключевых мест занимают меры по установлению жесткого государственного контроля над НПО, а также приручение тех, кого удастся приручить. Все последовавшие государственные инициативы (закон об НПО, усиление давления со стороны регистрационных и налоговых органов), равно как и образование новой государственной институции – Общественной палаты, вполне укладываются в эту концепцию. Что касается кампании в масс-медиа против правозащитных организаций, то в некоторых случаях и здесь просматривается непосредственный заказ Кремля; впрочем, нам кажется, что чаще всего российские творцы общественного мнения работают на опережение, пытаясь (небезуспешно) формировать заодно с общественным мнением и саму кремлевскую политику.

Однако, повторим еще раз, самое главное в другом: даже если считать причиной этого черного пиара прямой заказ президентской администрации, сам этот заказ – лишь оформление предшествовавших ему настроений значительной, если не большей части российских обывателей.

Самое скверное состоит в том, что общественное мнение (мы имеем в виду не суждения «политического класса», а именно мнение широкого обывателя) охотно соглашается и с тем, что в России нарушаются права человека, и с тем, что значительную долю ответственности за эти нарушения несет политическое руководство страны. И в то же время заметная часть населения как минимум не возражает против этой политики, а по многим вопросам одобряет и поддерживает ее.

«Зачистки», похищения и пытки на Северном Кавказе? А как еще бороться с террористами?

Непрофессионализм спецслужб, оборачивающийся сотнями лишних жертв в ходе операций по спасению заложников? Что ж, лес рубят – щепки летят. А то, что представители этих спецслужб пытаются скрыть детали этих операций,

дабы спасти лицо, – это тоже объяснимо и правильно: незачем нам перед всем миром ронять репутацию нашей державы.

Фактическая цензура на телевидении и в периодической печати? Да и черт с ним, все равно журналисты все врут. При Ельцине ввали за деньги, по заказу «олигархов», теперь – врут по заказу Кремля, из страха перед начальством; какая нам разница?

Зажимают независимые гражданские организации? Правильно зажимают – ведь они живут на западные гранты, а, значит, пляшут под западную дудку и пропагандируют чуждые нам ценности.

И так далее.

(Разумеется, такое отношение обывателя к нарушениям прав человека сохраняется лишь до тех пор, пока нарушения не затронут его лично. После принятия закона о социальных льготах, ущемившего экономические интересы пенсионеров, многие тысячи их вышли на улицы под знаменами социального протеста. Более трагический пример: стихийно возникшая в Северной Осетии правозащитная организация «Матери Беслана», до сих пор безуспешно пытающаяся добиться правды о том, как и по чьей вине – помимо очевидной вины террористов – погибли их дети).

Интересно, что именно в последние годы правозащитные НПО развернули, особенно в провинции, гигантскую по российским масштабам сеть общественных приемных, ориентированных, в первую очередь, именно на конкретную помощь конкретным людям в решении их повседневных проблем. Правозащитники патронируют детские дома и школы-интернаты, защищают людей от избиений в милиции и произвола местных чиновников, консультируют их в связи с разнообразными конфликтными ситуациями – трудовыми и жилищными спорами, проблемами социального обеспечения и т. п. Для России это абсолютно новый фактор. Неслыханное дело: люди стали приходить со своими проблемами не в государственные ведомства, а в общественные организации – и эти организации научились эффективно им помогать! Клиенты правозащитных НПО искренне благодарны за эту помощь – но на общую оценку правозащитной идеологии эта благодарность, как правило, не влияет. Чаще всего они просто не понимают, что то, с чем они столкнулись, называется защитой прав

человека, а конкретные «хорошие ребята», которые им помогли – это и есть пресловутые правозащитники.

Эта двойственная позиция общественного отношения к правам человека и их защитникам, на наш взгляд, показывает, что основная проблема российского правозащитного движения состоит не во взаимоотношениях правозащитников с правительством (нынешним, прошлым или будущим), а в отношении населения к мировоззренческим концепциям, на которых это движение основано.

Впервые за всю историю правозащитного движения в нашей стране это движение перестало пользоваться широкой общественной поддержкой. Строго говоря, нигде не доказано, что в советские времена эта поддержка была такой уж широкой; но в ту эпоху для диссидентов была практически и эмоционально важна поддержка лишь их собственного «социального контекста», свободомыслящей интеллигенции – а интеллигенция в массе своей была, уж во всяком случае, не на стороне власти. Сегодня в понятие «общество» уже (или еще?) нельзя вкладывать то же содержание, что когда-то; это слово обозначает уже не «круг единомышленников» и даже не «образованный класс». Как бы мы ни уверяли друг друга в том, что в стране отсутствует демократия, честность требует признать: сегодня политическая элита уже не так независима от массовых настроений, как при советском режиме. В этом, конечно, очень узком и архаическом смысле мы имеем в России политическую демократию, а в качестве довеска к ней – известный еще Платону «парадокс демократии» («как быть, если сам народ настроен против демократических институтов и предпочитает им авторитарное управление?»).

Таковы проблемы, возникшие во взаимоотношениях между правозащитным сообществом и населением.

* * *

Вторым фактором, заметно повлиявшим за последнее время на самоопределение правозащитников, стало создание в стране фактически нового политического режима, по Путину – «управляемой демократии». В Европе,

кажется, часто представляют себе значение этого фактора упрощенно, сводя его к неким гонениям на оппозиционных политиков и правозащитников со стороны реакционной и авторитарной кремлевской администрации. Спору нет, сегодняшнюю кремлевскую власть можно назвать и авторитарной, и реакционной. Однако дело совсем не в гонениях. Для нашего сюжета важнее другое: успешное строительство путинской «управляемой демократии» привело к очередному изменению в позиционировании независимых гражданских (т. е., в первую очередь, правозащитных) организаций в общественном пространстве.

В самом деле: чем обеспечивался сравнительно высокий уровень политической свободы при Ельцине? Увы, не столько гражданским самосознанием масс, сколько наличием нескольких относительно независимых друг от друга и конкурировавших друг с другом «центров силы», обладавших примерно одинаковыми возможностями. Таких реальных центров силы в ельцинские времена было несколько: федеральная исполнительная власть, т. е., президент; Государственная Дума, резко оппозирующая президенту с консервативных прокоммунистических позиций; Совет Федерации – средоточие влияния на федеральную политику региональных элит, возглавляемых губернаторами, наконец, пресловутые «олигархи» (время от времени к тому же вступавшие в смертельные схватки между собою). Эта ситуация создавала вариативность политической жизни, а вместе с нею возникало и некое подобие общественной свободы. Масс-медиа очень быстро были распределены между политическими игроками, что автоматически обеспечивало определенное разнообразие политических суждений – в известных пределах, конечно. Гражданское общество развивалось в тени этих борющихся между собою гигантов и, придерживаясь старого диссидентского принципа, фактически не делало заявки на участие в традиционной политике (за исключением, пожалуй, периода первой чеченской войны 1995–1996). Правда, в отличие от диссидентских времен, гражданские организации пытались – иногда бессознательно, а иногда вполне осознанно – сформулировать и выстроить собственную «гражданскую политику», не столько оппозиционную и конкурентную по отношению к какой-нибудь из борющихся за власть сторон, сколько независимую от них. Смысл этой гражданской политики состоял не в обеспечении себе или каким-либо

дружественным политическим группировкам места у руля, а совершенно в ином: попытке модернизации общества силами самого общества.

Путинская революция (или – «контрреволюция») 2003–2005 гг. последовательно покончила с вариативностью политической жизни, приведя к повиновению большой бизнес, превратив губернаторов в кремлевских назначенцев, сформировав полностью контролируемый парламент, послушно отштамповывающий присылаемые ему из президентской администрации или правительства законодательные акты. Абсолютный контроль над телевидением и почти полный контроль над бумажной прессой довершили дело. Значение и влияние партий демократического толка, оказавшихся в итоге выборов 2003 года вне парламента, фактически сведены почти к нулю. Таким образом, политической жизни, политической конкуренции в стране нет.

В этих условиях гражданские неправительственные организации становятся единственной зоной общественного пространства, где все еще сохраняется свобода поступков и суждений. Дальнейшая судьба этого островка, оказавшегося в одночасье в авторитарном окружении, враждебном самой идее свободы и независимости, будет зависеть, конечно, от общего направления политической эволюции страны. Заметим лишь, что «выстроить» гражданские организации, подобно политическим партиям или бизнесу, невозможно. И не потому вовсе, что активисты этих организаций – публика более героическая и негибкая, чем бизнесмены или политики, а в силу природы неполитической общественной активности: она бывает либо независимая, либо никакая. Соответственно, гражданские организации либо в полном объеме сохраняют свою независимость от государственной власти, либо превращаются в ее инструменты «с ограниченной ответственностью», как это было с официальными общественными организациями в СССР (Комитет защиты мира, Комитет советских женщин и т. п.). Конечно, есть еще и третий вариант – их попросту уничтожают путем административного, финансового или уголовного давления; подобное развитие событий тоже вовсе не исключено в современной России. Исключено лишь одно – «приручение» гражданского общества: эту операцию над ним невозможно проделать, не разрушив полностью его структуры.

В данном очерке нас интересует другое: самоощущение активистов гражданских организаций, оказавшихся единственными реальными носителями и хранителями общественной свободы. Проблема состоит в том, что во внешнем восприятии на эти организации немедленно автоматически переносится функция отсутствующей политической оппозиции.

Так смотрит на них общество. Этот взгляд может выражаться словами: «ребята, теперь единственная надежда на вас». Или противоположной по знаку, но аналогичной по содержанию формулой: «как и следовало ожидать, эти правозащитники вновь стали рассадником антигосударственных и антинациональных (т. е. попросту антиправительственных – А. Р.) настроений».

Так смотрит на них и власть. Естественно, во властных структурах преобладает второй вариант отношения к независимым НПО.

Все это не может не сказываться на умонастроениях самих активистов, в особенности активистов правозащитных организаций. Грань между защитой прав человека, критикой отдельных аспектов государственной политики и системным оппонированием этой политике всегда была достаточно неопределенной – такова уж специфика правозащитной деятельности, а в нынешней ситуации стала и вовсе условной. Ситуация и сама по себе складывается так, что об «отдельных аспектах» нет уже и речи, и правозащитники вынуждены заниматься именно системным оппонированием путинской политике в целом. Но сегодня общественные ожидания устроены так, что от правозащитников ждут большего – не оппонирования режиму, а участия в чисто политической работе, направленной на отстранение этого режима от власти. Иными словами: не «ваша политика плоха, и вам следует ее изменить», а «вы плохи, и вы должны уйти». Возражения правозащитников относительно неполитического характера их миссии обществом не принимаются: «а кто же еще сегодня в состоянии выдвинуть подобное требование?». Не верит правозащитникам и власть, смертельно (и, на наш взгляд, чрезмерно) напуганная оранжевыми сполохами на юго-западной части горизонта.

Пойти навстречу подобным ожиданиям? Это было бы уже серьезным разрывом с диссидентской традицией «неполитического противостояния», грозящим правозащитному движению потерей исторической идентичности.

Игнорировать их? Но возможно ли игнорировать всеобщие – и друзей, и врагов – ожидания? Что же касается нашей миссии... Ну да, мы защищаем конкретные права конкретных людей от конкретных нарушений – но не пытаемся ли мы тем самым лечить симптомы, оставляя без внимания источник болезни?

Таковы в общих чертах основные проблемы, стоящие сегодня перед российским правозащитным движением. Суть их сводится к необходимости найти решения двух задач: как вновь обрести широкую общественную поддержку и как по-новому определить свое место в изменившемся до неузнаваемости общественном пейзаже, оставаясь при этом самими собой.

* * *

Как же реагирует правозащитное сообщество на новые вызовы эпохи?

Российское правозащитное движение, к счастью, склонно к рефлексии, к постоянной ревизии своих концепций. Это позволяет ему время от времени достигать серьезных интеллектуальных прорывов (собственно, движение это и началось в 1965 с интеллектуального прорыва – концепция защиты прав человека оказалась ключом к совмещению представления о гражданской ответственности с исторически обусловленной острой идииосинক্রазией советской интеллигенции к «политике») и развиваться в меняющемся мире, оставаясь в основе своей самими собой. И в данном случае правозащитники отреагировали вполне традиционно: обострением полемики в собственной среде.

Так вновь оживилась дискуссия, впрочем, никогда полностью не утихавшая, вокруг вопроса о взаимодействии с государством, об условиях и формах этого сотрудничества, его границах. Выявились три взгляда на этот вопрос. Один (назовем его условно «радикальным») предельно прост: поскольку у власти в стране находятся реакционные силы, враждебные свободе и демократии, никакого сотрудничества с властью быть не может: это было бы предательством идеалов и послужило бы укреплению режима. Противоположная точка зрения: поскольку смысл правозащитной деятельности состоит не в смене политического режима, а в конкретной помощи конкретным людям, сотрудничество с властью необходимо, а все, что подрывает такое сотрудничество –

в первую очередь, откровенные антикремлевские декларации – должно быть отброшено. Третья позиция состоит в том, что правозащитные организации имеют дело не с абстрактным «режимом», а с самыми разными органами власти, государственными учреждениями и ведомствами, а также с разнообразными и разнонаправленными тенденциями внутри этих учреждений и ведомств, как и внутри государственного аппарата в целом. Проблема, говорят сторонники этой точки зрения, не в том, чтобы отказываться от диалога с властью, а в том, чтобы этот диалог протекал на равноправной и принципиальной основе. В одних случаях он может принимать формы жесткого публичного оппонирования решениям и действиям власти (в том числе и верховной), в других – двусторонней дискуссии, нацеленной на выработку взаимоприемлемых решений, в третьих – сотрудничества. Важно лишь, чтобы при всех вариантах правозащитники сохраняли свою независимость и не позволяли манипулировать собой. Вопрос о том, является ли системное оппонирование режиму и, в частности, антикремлевские декларации помехой такому диалогу – это проблема не правозащитников, а власти.

Другая проблема, тесно связанная с предыдущей: многих правозащитников уже не устраивают символические протесты против нарушений прав человека. Они хотят видеть реальные практические результаты своей работы. Экзистенциальный, «знаковый» характер диссидентского протеста и диссидентских обличений советского режима был нравственно оправдан не в последнюю очередь потому, что был оплачен судьбами самих протестующих и обличающих. Сегодня правозащитники лишены и этого сомнительного утешения: государственная власть изменилась и то ли поумнела, то ли просто не решается развязывать сколько-нибудь серьезные репрессии против активистов правозащитных организаций (есть исключения, но они все же, слава Богу, единичны). Пламенные же инвективы против «преступного режима», произносимые с трибун правозащитных съездов и конференций в промежутке между ланчем и фуршетом, не могут вдохновить ни слушателей, ни самих ораторов.

«Радикалы» усматривают в таком подходе возвращение к теории «малых дел», которой придерживалась в советскую эпоху значительная часть интел-

лигенции, не примкнувшей к диссиденту. В советскую эпоху этот подход часто противопоставлялся «бесполезной» практике диссидентских обличений.

Наконец, дискуссии возникают по поводу принципиально новых проблем, в которых отсутствует главная составляющая традиционной диссидентской коллизии – злая воля государственной власти. Раньше, в условиях советского суперэтатизма и сверхцентрализации, власть воспринималась как единственный источник угрозы правам и свободам граждан (а, может быть, мы, поглощенные защитой людей от политических преследований, не замечали других угроз). Сегодня правительство уже не контролирует все на свете сверху донизу. Мы, например, не можем сказать, являются ли пытки, похищения людей, бессудные расстрелы и другие ужасающие преступления, совершаемые в Чечне российскими военными и в особенности вооруженными отрядами местных «сторонников порядка», результатом прямых распоряжений верховной власти, ее попустительства или ее беспомощности – хотя политическую ответственность за эти преступления верховная власть, конечно, несет. Но в любом случае жертвы этой политики трудно назвать объектами политических преследований федерального правительства.

Другой пример, выходящий за рамки традиционных диссидентских парадигм: это работа с социальными и экономическими правами граждан, которая занимает все большее место в практике многих правозащитных организаций, особенно тех, которые действуют в провинции: проблемы, связанные с начислением пенсий, качеством медицинского обслуживания населения, нарушением жилищных прав, положением в детских домах, правами военнослужащих, потребительскими правами и т. д. Эта проблематика также не укладывается в рамки диссидентского опыта. В 90-е годы эти новации также вызывали серьезные споры. Многие сомневались, может ли данная деятельность считаться правозащитной, коль скоро виновником ущемлений прав и интересов граждан является не государство как таковое, а «всего лишь» произвол местных чиновников или криминальные действия частных коммерческих структур. Сейчас споры поутихли: всем стало ясно, что как бы ни называть работу организаций, специализирующихся на «социально-экономической правозащите», работа эта – чрезвычайно нужная и полезная. Проблема же со-

стоит в том, что «социальщики» склонны считать, что втягиваться в политику им ни к чему – и нередко ссылаются при этом как раз на то, что правозащитное движение в СССР началось как форма гражданской активности, альтернативная чисто политической оппозиции Советской власти (существовавшей, например, в виде подпольных марксистских кружков). А те правозащитники, которых меньше занимают конкретные социально-экономические проблемы и больше – гражданские и политические свободы, иногда воспринимают это нежелание «заниматься политикой» как уход от главных, основных вопросов общественной жизни в область «малых свершений» и опять-таки ссылаются на опыт советских диссидентов, неизменно видевших средоточие всего зла в верхних эшелонах власти.

* * *

Кто прав? На самом деле, и те и другие мучительно осмысливают разные стороны одного и того же опыта – диссидентского. Как бы советские правозащитники не относились к Советской власти, они, за редкими исключениями, не занимались ни провозглашением проклятий по адресу этой власти как таковой, ни, тем более, подготовкой революции какого бы то ни было цвета. Они открыто и последовательно противостояли существовавшему тогда политическому режиму – но исключительно в его конкретных антиправовых действиях и поступках. В этой старой парадигме диссидентского поведения присутствует и бескомпромиссная принципиальность сегодняшних «радикалов», и отчуждение от политической злобы дня сегодняшних «умеренных».

Однако главным наследием диссидентского опыта нам представляется не «бескомпромиссность» и не «умеренность». Главным нам представляется, во-первых, интеллектуальная смелость диссидентов и их готовность к постоянному осмыслению и переосмыслению самих себя и своих задач и, во-вторых, их умение сохранять единство в разномыслии. В наши дни жестко держаться какой бы то ни было традиции чревато серьезным риском. Дело не в политических преследованиях: сегодня правозащитники в гораздо меньшей степени рискуют навлечь на себя преследования, чем, например, экологи или

просто независимые журналисты. Риск в другом: связав себя любой жесткой концепцией, поведенческой или политической, правозащитное движение неизбежно потеряло бы всякий нравственный авторитет, «закуклилось» внутри собственной догматики и полностью утратило бы связь с живой общественной жизнью. Конечная точка такого развития – превращение в закрытое сообщество с собственной субкультурой, замкнутое исключительно на самое себя. Проще говоря – в секту.

Что могут противопоставить правозащитники сегодняшнему массовому неприятию либерального и демократического мировоззрения? Как должны они реагировать на всеобщее – и друзей, и врагов – желание запихнуть их в нишу «политической оппозиции»?

Просветительская работа? Да, конечно, и множество правозащитных организаций тратит свои (весьма ограниченные) силы и средства на то, чтобы донести до как можно большего числа людей свой взгляд на то, как, по их мнению, должно быть разумно устроено общество и государство. И эта работа далеко не бессмысленна; успехи ее, правда, заведомо ограничены определенным кругом слушателей, которые в принципе согласны с тем, что общество и государство должны быть устроены разумно, и не склонны к сакрализации государства, власти и других публичных общественных институтов.

Практическая деятельность, направленная на достижение конкретных результатов во благо конкретных людей? Несомненно, и сегодня уже невозможно представить себе, что правозащитное сообщество в целом откажется от этого типа деятельности во имя каких-то отвлеченных теоретических принципов, во имя чистоты жанра.

Постоянное демонстративное декларирование своего неприятия нынешнего политического режима, как отдельных его действий, так и тех мировоззренческих концепций, на которых этот режим строится? Что ж, вероятно, и эти декларации можно рассматривать как часть правозащитной работы, пусть в несколько расширительном понимании – как защиту идеи демократического общества, основанного на праве, защиту гражданской и политической свободы. В условиях зрелой политической демократии этот род общественной активности вовсе не обязательно должен привести к конфронтации с государственной

властью – конфронтации, ненужной правозащитному движению и вредной для самой власти. К сожалению, мы имеем дело не со зрелой демократией, а с популистским политическим режимом, откровенно тяготеющим к авторитарным недемократическим методам управления и склонным к инфантильным реакциям на критику. Но ведь, если бы правозащитники ограничили свою деятельность только теми проблемами, которые не провоцируют конфронтации, они потеряли бы свою нравственную и культурную идентичность, перестали быть правозащитниками в том смысле, в каком этот термин употреблялся в нашей стране в течение последних сорока лет.

Что такое «гражданская политика» – термин, который все чаще звучит в последние годы в дискуссиях и публикациях, посвященных судьбе гражданского общества? Этот термин (по-видимому, близкий к формуле «неполитическая политика», предложенной в 1970-е чешским философом-диссидентом Яном Паточкой) возник как ответ на вызовы эпохи, общее представление о которых мы попытались дать выше. Понятно, чем НЕ является гражданская политика. Она, прежде всего, не является борьбой за власть и в этом смысле находится вне русла традиционно понимаемого политического процесса; не является она и подсобным инструментом традиционной политической борьбы. Но каково ее положительное содержание? В чем ее цели? В чем вообще общественный смысл правозащитной деятельности, коль скоро он не сводится исключительно к помощи конкретным людям, чьи права оказались нарушены? В сохранении памяти о некоем идеале гражданской жизни в сегодняшних условиях, когда внутривнутриполитические, да, пожалуй, и глобальные исторические процессы явно работают в противоположном направлении? И что такое этот идеал: всего лишь ностальгическое воспоминание или все-таки залог будущего?

А, может быть, гражданская политика правозащитного сообщества должна не только позиционировать правозащитное движение в меняющемся мире, но и пытаться вносить коррективы в направления этих изменений?

На все эти вопросы у российских правозащитников пока нет ответов. Надо надеяться, что вскоре какие-то ответы появятся. Новые подходы к старым вопросам, новый язык, на котором они могут быть адекватно описаны, уже понемногу появляются.

Александр Аузан

Общество в России: причины слабости и спрос на социальную силу

Общество сейчас слабее, чем когда-либо за последние двадцать лет. Но слабость и сила – понятия относительные, поэтому пассивность количественно растущего бизнеса или ограниченная дееспособность формально разросшегося государства могут создавать спрос на общество...

Начну с проблемы, которую считаю главной для нынешнего общества. Я утверждаю, что мы сейчас находимся на минимуме социального капитала, на абсолютном минимуме доверия. Все атомизировано из-за недоверия, и не только недоверия к государству, которое не позволяет, например, хорошо капитализировать российские компании, потому что непонятно, как власть поступит с ними через три года. Не только недоверия к бизнесу, которое не позволяет населению нести деньги из матрасов в коммерческие банки, а бизнесу выдавать сколько-нибудь долгие кредиты без гарантии той самой власти, которая неизвестно, как с ними поступит. Но главным признаком является недоверие людей друг к другу.

У этого недоверия очень простой образ. Вокруг уже многих российских городов появились пояса особняков, и это не просто новорусские «дома пионеров», как раньше, а вполне узнаваемые европейские особняки. Но они

* Александр Аузан – социолог, экономист, политолог, президент Института национального проекта «Общественный договор». Профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Член совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Автор многих публикаций, среди которых: *Три публичные лекции о гражданском обществе* (2006), *Где мы живем?* (2005).

отличаются от своих европейских собратьев одним признаком – заборами. Заборы сплошные, высокие, причем не только на внешней улице, но и между соседями. И в доме такое можно увидеть. Железная дверь закрывает не только множество российских подъездов, но и внутри подъезда железные двери отделяют одного человека от другого.

Вообще, это не новая проблема, и она не специфически российская. 40 лет тому назад в теории игр была сформулирована так называемая дилемма заключенных. Придумана она была, конечно, для военных целей, ее разработали два исследователя, которые работали в Rand Corporation и пытались дилеммой заключенных описать ситуацию холодной войны и взаимную угрозу, которую СССР и США создают друг другу. Но эту модель увидел экономист Альберт Такер, который сказал: «Вы знаете, это применимо в таком количестве областей!» Ему сказали: «Ну, неудобно, военная разработка...». Он ответил: «Я переделаю».

И он сформулировал дилемму о двух заключенных, когда в соседних камерах сидят по одному делу двое обвиняемых и размышляют, сознаться или не сознаться. Если не сознаваться, то у обоих есть шанс выйти. Но если один сознался, а второй не сознался, то первый, скорее всего, получит маленький срок, а второй – большой. Наверное, эта дилемма хороша для американской экономики. Но она потрясающе хорошо подходит и к экономике российской. У врачей есть такое выражение, что нет здоровых людей, а есть люди недоисследованные. Я бы сказал, что нет невиновных людей, а есть люди недорасследованные. В этом смысле непрерывно решается дилемма заключенного: верить или не верить, доверять или не доверять, идти на кооперативное взаимодействие или не идти. Причем, если следовать логике модели, то при одноходовой игре надо сознаваться и закладывать, даже если не совершал преступления. А если игра многоходовая, тогда правильнее кооперативная стратегия.

Жизнь, к счастью, – игра многоходовая. Поэтому я утверждаю, что дефицит социального капитала неизбежно будет преодолен. Даже если мы ничего не будем делать, он будет преодолен, доверие будет нарастать. В конце 80-х – начале 90-х гг. социальный капитал был в довольно хорошем состоянии, распространение норм доверия и честности в поздних фазах авторитарного режима (вопреки тому, что считает Френсис Фукуяма) – весьма серьезное

явление. Потому что в дефицитной советской экономике при не таком уж жестком авторитарном строе невозможно было прожить, не входя в сеть, не имея знакомого мясника, парикмахершу и людей, которым можно на кухне рассказать политический анекдот. Поэтому мы вошли в преобразования с высокими запасами социального капитала. Это наблюдалось по невиданным для сегодняшнего дня многотысячным протестным демонстрациям конца 80-х – начала 90-х гг., когда люди не боялись выходить на улицы, верили тем, кто их на эти улицы звал, верили людям, которые стояли рядом. Доверяли.

Потом это было размыто – реформами, расслоением. И теперь два друга детства, один из которых по современным понятиям преуспел, другой – нет, оба не доверяют друг другу. Потому что один не верит, что можно честно преуспеть, а другой не верит в то, что можно отказаться от какой-то активности и проклинать жизнь, считая при этом, что человек живет правильно. Это все пройдет. Потому что общности образовались, внутри идет определенное взаимодействие, будут наработаны обычаи, возникнет доверие.

Но социальный капитал может двигаться по-разному. Я бы подождал радоваться тому, что доверие восстановится. Потому что любая мафиозная группировка – это тоже пример высокой концентрации социального капитала. Там внутри люди очень неплохо доверяют друг другу. Они друг другу спину прикрывают. Поэтому, когда говорят, что социальный капитал обладает характеристиками плотности, радиуса доверия, я бы сказал, что он обладает еще одной характеристикой – вектором.

Выяснение направленности вектора накопления социального капитала важно для ответа на вопрос: А с кем придется договариваться? С криминальными, этническими группировками, землячествами, профессиональными корпорациями, широкими ассоциациями? С кем? Кто станет реальным фактором правил?

Когда можно сказать, что накопление социального капитала началось? Когда повысилась плотность. Что такое плотность? Приведу пример. Вот закончилось собрание гаражного кооператива. Люди решали какие-то проблемы, вносили деньги или с кем-нибудь воевали за свои права. Решили вопрос. Что происходит потом? Если они разбежались и не хотят больше видеть друг друга до следую-

щего собрания, значит, плотность низкая. А если у них возникает идея «пойти по пиву» или сделать любительский спектакль, это означает, что плотность высокая, и можно ожидать, что начнется накопление социального капитала. Дальше встает вопрос о радиусах доверия, о том, насколько широки будут те группы, внутри которых восстанавливается и растет доверие.

Есть довольно старое положение Олсона из теории коллективных действий о том, что малые группы могут сами по себе установить кооперацию, а широкие группы не могут. Для этого нужны стимулы, либо положительные, либо отрицательные – так называемые селективные. К сожалению, положительные стимулы найти трудно. А негативные – принуждение, угроза применения принуждения или угроза войны с какой-то другой группой – всегда под рукой. Поэтому при прочих равных условиях скорее начнут возникать объединения вокруг криминала, и они возникают. Мы все знаем историю с ОПГ «Уралмаш» в Екатеринбурге. Игорь Аверкиев, известный гражданский деятель и мыслитель, рассказывает, что аналогичные истории происходят в некоторых местных сообществах Перми, объединяемых «авторитетом».

Чтобы было легче найти какой-то положительный стимул, нужно, чтобы были невысокие издержки легального взаимодействия, разнообразные схемы некоммерческой жизни, разные способы финансирования.

Есть, однако, и другие факторы. Дело в том, что социальный капитал бывает разным. Бывает социальный капитал *bonding* и социальный капитал *bridging*. Социальный капитал *bonding* – «огораживание». Это то, что внутри группы, это вовсе не всегда плохо, на этом стоят многие полезные вещи, скажем, общества взаимного страхования, кредитные союзы, разные способы сотрудничества, где люди легко сотрудничают, потому что знают друг друга.

Но, конечно, для того, чтобы понять, куда пойдет накопление социального капитала, важнее социальный капитал *bridging*, т.е. связанный со строительством мостов. И я осмелюсь утверждать, что мосты можно строить как поперек реки, так и вдоль. Причем вдоль реки, заметьте, их строить легче: не надо ноги мочить, опоры ставить, водолазов вызывать. В жизни точно так же. Гораздо легче объединить интересы инвалидов Челябинска, Пскова, еще каких-то городов и создать организацию инвалидов на национальном уровне, которая будет

о чем-то говорить в Москве, чем построить мост между инвалидами Челябинска, бизнес-сообществом Челябинска, экспертным сообществом Челябинска, так как они разные, на разном языке говорят.

Мосты построены вдоль реки. В итоге Москва не только порт пяти морей, Москва – это еще и город единственного моста, который, естественно, контролируется федеральной властью. То есть группы связаны между собой единственным мостом, на котором стоит охрана.

Можно ли каким-то образом способствовать тому, чтобы мосты строили не вдоль реки, а поперек? Я думаю, да. Потому что есть такая вещь, как институализация недоверия.

Что это такое? Один бизнесмен хорошо сказал: «Ничто так не укрепляет веру в человека, как стопроцентная предоплата». Это правда. Если бы не было стопроцентной предоплаты, мы бы не имели сколько-нибудь сносной экономики 90-х гг., и ничего страшного в этом нет – в том, что существуют залоговые, страховые, предоплаты. Вопрос лишь в том, что от 100% нужно переходить к 80%, к 50%. Это и есть способ строительства мостов поперек реки. Способ институализации недоверия, которое заявляется и получает инструменты гарантии, потом такая гарантия начинает снижаться, и начинается строительство моста. Сначала нужно хотя бы перекинуть понтон в виде стопроцентной предоплаты.

Наконец, есть еще один фактор, который влияет на вектор накопления социального капитала. Давайте вспомним про недорасследованных. Очень сложно доверять чужим, когда можешь оказаться субъектом дополнительного расследования. Поэтому, если в стране удастся гармонизировать законодательство и те реальные правила, по которым живет страна, то, конечно, облегчается строительство мостов. Разумеется, в этом случае радиусы доверия могут расшириться.

Я утверждаю, что в ближайшее десятилетие наступит оптимальный момент для решения этого вопроса. Знаете, почему? Потому что первое поколение собственников разного рода имущества, которое обрело это имущество в конце 80-х – начале 90-х гг., в ближайшее десятилетие будет решать вопрос наследования. Что они отдадут в наследство? У них есть реальный интерес,

чтобы в наследство передать максимально легализованную собственность, потому что иначе многое потеряется по дороге.

К примеру, малый бизнес. Человек имеет пекарню и хочет отдать ее сыну. Но сын не хочет заниматься благородным делом хлебопечения, хочет быть брокером на бирже. Казалось бы, продай пекарню, а он на бирже сделает фирму. Но понимаете, какая штука, работа в этой пекарне тесно связана с персонифицированными отношениями: с санитарным врачом, милиционером, пожарным - а вот это-то как продать? В пакете? Говорят, менеджера можно поставить. Но тогда очень скоро менеджер будет контролировать собственность, а роль собственника будет падать и падать.

Разумеется, это проблема не только малого бизнеса. Она касается и криминальных элементов. Потому что криминал начала 90-х гг., который потом пытался выйти в другие сферы жизни и легализоваться, что будет передавать в наследство своему сыну? Автомат 1992 г. выпуска? «На, сынок, иди, начинай все сначала!» Разве нам это нужно?

Я утверждаю, что в это десятилетие возникнет широкий интерес разных групп. Заметьте, я могу говорить и о квартирах, и о дачах, и о многом другом. Возникнет интерес этих групп для того, чтобы договориться не только между собой, но и с властью о том, чтобы сближались законы и реальные правила, по которым живет страна.

Есть, однако, одна специфическая проблема, которая, вроде бы, относится только к крупному бизнесу, но это зуб, который болит на всю страну. Я имею в виду олигархическую собственность. Это проблема номер два (после проблемы недоверия), которую стали называть легитимацией собственности (видимо, правильнее «легитимизация», но короткое слово всегда побеждает длинное), – вопрос об общественном признании прав собственности.

Первое, что хотелось бы сказать, – это не новая проблема. И она связана не только и не столько с тем, как была проведена приватизация в начале 90-х гг. в России. За 15 лет до того, как Гайдар и Чубайс стали проводить приватизацию, Джеймс Бьюкенен и Гордон Таллок в рамках теории социального контракта сформулировали проблему компенсации. Они утверждали, что любые преобразования отношений собственности через некоторое время вызывают про-

блему их непризнания и требуют компенсационных обменов для того, чтобы эта проблема была решена. Почему?

Предположим, что план был очень хорош, что он был намного лучше того, который существовал в России в начале 90-х гг. Но, понимаете, план-то можно начать с нуля, но жизнь с нуля не начинается. Как Жванецкий говорил: «Если бы все подорвались на mine... Но об этом можно только мечтать». Люди к моменту реализации этого плана обладают разными предпосылками в смысле имущества, доступа к информации, влияния на его реализацию. Поэтому неизбежно возникнет искажение первоначального замысла. И группы, которые ждали обещанного результата: две «Волги» за ваучер (что, между прочим, реально, если знать, где «Волги» за оптовые цены можно купить) – выясняют, что нет двух «Волг», но зато есть миллиардеры из числа каких-то людей, которые не проявляли себя как главные национальные символы. Поэтому возникновение такой проблемы вполне закономерно.

Как ее решать? Вообще, зачем ее надо решать? Дело в том, что это и проблема крупной промышленности, потому что она находится в олигархической собственности, и проблема издержек на охрану собственности, и проблема политических спекуляций, которые возникают на этом больном месте – где им еще возникать... Но главное, это проблема взаимных прав. Потому что, если в стране существует не легитимизированная собственность (я говорю не про частную собственность, не обязательно про частную и не обязательно про собственность олигархов), если в стране нет общественного признания собственности, существующей в стране, то и остальные права не получают признания. Поэтому как-то решить эту проблему нужно.

На первый взгляд, существуют три варианта решения. Первый – вернуть все назад. Второй – сделать все правильно, переделать, провести реприватизацию. Третий – доплатить, дать компенсацию. Все эти варианты, так или иначе, в реальности присутствуют, давайте немного о них поговорим.

Первый вариант. В России в 2005 г. началась ренационализация: отторжение «Юганскнефтегаза» за налоговую недоимку, покупка «Сибнефти» и т. д. Вот что это за процесс, плохо это или хорошо? Я не принадлежу к числу моих коллег-экономистов, которые считают, что частная собственность – это всегда

хорошо. Вообще, институциональные экономисты считают, что собственность представляется как набор дискретных альтернатив, из которого вы можете выбирать. У вас есть гардероб, в котором висят шуба, деловой костюм, джинсовый костюм и купальник. Вот государственная, частная, коммунальная собственности и так называемый «режим свободного доступа». Можно ли утверждать, что шуба во всех отношениях лучше, потому что она самая красивая и дорогая? Нет. Это зависит от условий пользования. Если вам в этой шубе надо нырять, то я не рекомендую. Поэтому применение того или иного режима собственности – вопрос условий, в которых эта собственность используется.

Вот тут-то и возникает завычка, причем не только с государственной, но и с частной собственностью. Сошлюсь на образ, который замечательно сформулировал заместитель главного редактора «Коммерсанта» Кирилл Рогов (я получил разрешение сослаться на этот образ, высказанный в частной беседе). 90-е гг. – приватизация. Что это означает? Людям говорят: «Несем мешки из амбара». «Ладно» – говорят люди, несут мешки из амбара, по дороге отсыпают. Наступил новый период, национализация, всем говорят: «Несем мешки в амбар!». «Хоп» – говорят люди, несут мешки в амбар, по дороге отсыпают. Главное – не куда несут и откуда, а главное – что отсыпают по дороге. Потому что может ли быть эффективной частная собственность (несем мешки из амбара), когда в стране не работает судебная система? Нет, не может. Она, если и эффективна, то чуть-чуть. Может ли быть эффективной государственная собственность, когда в стране нет прозрачного бюджета, гражданского контроля над бюджетом, а есть высокий уровень коррупции? Не может. Не потому, что государственная собственность вообще никогда не может быть эффективной, а потому, что при этих условиях не может. Поэтому и в амбар мешки нести, в общем-то, бесполезно. В этом смысле мы наблюдаем все тот же процесс.

Почему ренационализация не решает проблему, а, наоборот, создает ее в скрытом виде? Ренационализация – это расширение государственных монополий путем, как отметил президент, покупки по рыночной цене. Подчеркиваю, покупатель может быть только один. И он может дать за эту собственность 8 млрд., а может и 13, и при этом выставить дополнительные условия, куда нужно дать два миллиарда. Он же один! Где применить эти два миллиарда,

тоже понятно. Вот смотрите, растут государственные монополии, а дальше происходят странные вещи: в каком-то монопольном звене вдруг появляется «группа физических лиц», никому не известных, но зато известных, например, главе государства или кому-то из руководства. Это «Байкалфинансгруп», которая промелькнула в процессе национализации и куда-то делась. А там же с миллиардами что-то происходило. Это «Росукрозэнерго»... Я никак не могу понять, почему одна государственная монополия – «Газпром» – не может напрямую другой государственной монополии продать газ. Нет, там «группа физических лиц».

Поэтому я утверждаю, что проблема не решается. Во-первых, все неравенства сохраняются, потому что Абрамовичу формально деньги заплатили. Во-вторых, там еще что-то отсыпается, и возникает, ой, не маленькая собственность. Значит, это не решение проблемы, не возвращение к статус кво. Это, я бы сказал, режим «полусвободного доступа» групп физических лиц, лично знакомых руководству страны, к имуществу страны. Режим не частной и не государственной собственности, это промежуточный режим.

Какие есть другие варианты? Мы видели Украину, которая пошла на реприватизацию «Криворожстали». Ну, вроде бы, да, 4,8 млрд. вместо того, что заплатил президентский зять. Дальше у меня возникает вопрос: через пять лет украинские граждане будут считать, достаточная ли это сумма для них за то, что ведущее национальное предприятие контролируется теперь неким индийским капиталистом? Я не утверждаю, что нет. Может быть, да. Хотя не очень понимаю, какое отношение украинские граждане имеют к деньгам, которые получил бюджет правительства.

Третий вариант. Он в реальности был осуществлен Блэром в Англии, когда возник вопрос, что при консерваторах как-то не так приватизировали инфраструктурные предприятия. Решили не отбирать собственность, просто подсчитали, сколько надо доплатить, определили собственникам реальные доплаты, реструктуризировали, ввели налог, который собственники должны заплатить. Такой вариант для России предлагает один заключенный из Краснокаменской колонии. При этом он предлагает считать (на мой взгляд, правильно,

так можно посчитать) по стоимости годового оборота в год приватизации с некоторыми поправками.

Опять тот же вопрос: кому платить? Михаил Ходорковский пишет, что по этой схеме крупный бизнес должен получить от власти гарантию вечной неприкосновенности собственности... Так ведь власть-то не вечная, она меняется. И когда она неизбежно сменится, новые власти скажут: «Вы кому заплатили? Вы этим заплатили. Можем адресок дать – на Канарах, в Швейцарии... А нам вы ничего...». Причем так скажет не только власть, так скажут многочисленные группы в обществе.

Поэтому весь вопрос в том, что здесь бизнесу так или иначе, через государство или не через государство, надо договариваться с обществом, договариваться об удовлетворении потребностей тех групп, которые недовольны сложившимся режимом собственности. И это не означает поделить деньги, не все так просто. Это даже не означает просто поддержать какие-то значимые проекты. Когда Ходорковский пишет про образование, про пенсионную систему, вроде бы, звучит правильно, но я утверждаю, что почти религиозное отношение наших сограждан к необходимости образования для своих отпрысков, которое не может меня как профессора не радовать, имеет в виду совершенно другое. Не доступ к образованию и даже не его качество, а лифт, который работает в стране. Потому что наша страна сейчас – это 10-этажный дом, где один лифт – высшее образование довозит до четвертого этажа, а второй лифт, силовое предпринимательство – до третьего. А на 10 этаж лифт вообще не ходит. Т. е. попасть в элиту невозможно.

Я думаю, что именно такого рода вопросы есть вопросы, которые должны быть решены в обмен на то или иное признание собственности. Будут ли они решаться через государство или помимо государства – трудно сказать. Особо трудно, когда понимаем, что наше современное государство – это не средство коммуникации, это сплошной тромбофлебит.

Я перехожу к обсуждению проблемы номер три, проблемы, я бы сказал, расстыковки. Потому что для власти, вроде бы, единственного реального, пусть и не долгосрочного субъекта, вся эта система не стыкуется с жизнью после 2008 г. Почему?

Начнем с того, на чем закончили предыдущий вопрос. Один бизнесмен, отвечая на мои размышления насчет социального контракта, сказал: «Для того, чтобы бизнес вошел хоть в какой-то контракт с властью, власть и бизнес должны хотеть разного». Бизнес приходит к власти и говорит: «Я, бизнес, я хочу денег. А ты, власть, чего хочешь?» А власть говорит: «Мы не договоримся». Потому что она тоже хочет денег. У бизнеса нулевые шансы договориться с властью. Договориться про что? Здесь нет размена интересов. Но это создает для самой власти многочисленные проблемы с тем, а что будет в новом цикле? А как там выстроится отношения? Пришлось отказаться от стыдливого монархического варианта третьего президентского срока, потому что такой вариант неэффективен для самой власти, если учесть ее не властные, а денежные интересы. Ведь для нее тоже существуют капитализация, дисконты, она живет в мировом хозяйстве. И серьезные изменения во внутренних правилах, которые не будут восприняты внешней средой, – это прямые потери в собственных деньгах, не в деньгах государственных монополий, а в деньгах тех групп физических лиц, которые соседствуют с государственными монополиями.

В результате власти придется решать проблему перехода к новому политическому циклу. Но для властных групп эта проблема оказывается задачей, не имеющей решения: как поделить власть, которая стала неделимой, – стала «простым числом», которое делится только на себя либо на единицу?

Нерешаемость этой задачи – источник структурной неопределенности ближайшего будущего России. Ситуация может порождать кризисы, которые будут возлагать ответственность и предъявлять спрос на участие общества в решении ключевых проблем. Сможет ли ослабленное дефицитом социального капитала российское общество справиться с такой ответственностью? Трудно сказать...

Imperial Russia?

Arkady Moshes

Post-Imperial Russia: Emergence and Prospects of Regaining Influence in the Post-Soviet Space

Introduction

The first years of Vladimir Putin's presidency looked fairly promising as concerned the possibility to build new, more constructive and partner-like relations between Russia and other former post-Soviet republics and to free these relations, at least partly, from the sensitivities that are unavoidable between the imperial center and emerging nation states at the moment when an empire disintegrates. Putin, with his then apparent pragmatic views, freedom from internal responsibility for the collapse of the USSR as well as strong phraseology of modernization and integration with Europe, seemed capable of overcoming old political stereotypes in relations with closest neighbors. As a symbolical gesture, in August 2001 Putin visited Kiev to take part in celebrating the 10th anniversary of Ukraine's independence from Russia – something his predecessor Boris Yeltsin had never been able to do, or maybe even to consider possible.

* Arkady Moshes is Senior Researcher at the Finnish Institute of International Affairs. He also worked in the Institute of Europe in Russian Academy of Science. His area of research includes: Russian-European relations, Russia's policy towards the Western CIS and Baltic States and internal and foreign policy of Ukraine and Belarus. He is a member of the Programme on New Approaches to Russian Security (PONARS) at CSIS (Washington) and author of numerous academic publications written extensively on the EU-Russian relations.

However, on the eve of Putin's second term in power, the content of the Russian foreign policy in the CIS in general and towards the area that had by then become known as the "common neighborhood" of EU and Russia changed considerably. Russia felt simultaneously challenged by the growing regional involvement of the European Union – which, Moscow was afraid, could lead to the critical decrease of its influence – but also powerful enough to rise to the challenge. As Russia's economy demonstrated growth propelled by high world energy prices and the "power vertical" seemed re-established, Moscow chose a course aimed at the revision of the *status quo* and regaining the positions in the region that it had been losing since the 1991.

In the fall of 2003, the so-called Tuzla crisis took place: Russia started constructing a dam in the Strait of Kerch. This step was widely interpreted, within Ukraine first of all, as an attempt to change by force the line of the non-delimited maritime border between the two states. In winter 2004, gas supplies to Belarus were cut, apparently in order to "facilitate" the negotiations with Minsk on the transfer of gas transportation assets to the Russian monopoly Gazprom. In the autumn of 2004, Russia interfered into the presidential election campaign in Ukraine to support Viktor Yanukovich, chosen to be a successor of the previous president Leonid Kuchma. In spring 2005, although incomparably less actively, Russia tried to influence the outcome of elections in Moldova and prevent the continued stay in power of the president Vladimir Voronin. In winter 2006, a Ukrainian gas crisis broke out with Russia again intending to persuade Kiev to make concessions on the issue of ownership of the transit infrastructure by means of price dictate and supply cuts. In spring 2006, in turn, the ban on the import of Moldovan and Georgian wines and some other products into Russia was introduced, followed by the transportation blockade of Georgia and deportations of its citizens from Russia in the autumn.

No doubt, Russian behavior in the region has become more assertive; however, the interpretations of this assertiveness differ. This author belongs to the school which believes that today's Russia is post-imperialist rather than

neo-imperialist¹. The intention to have external influence is not a self-sufficient characteristic in this regard: it is akin to empires as well as to nation states. But a wider conceptual environment, in which this goal is pursued, may be more telling. Empires do not only act through coercion; they also profess the readiness to take responsibility for dependent peripheries, and try to be attractive in various ways. This description would fit Russia of the 1990s, which provided other post-Soviet states with preferential economic treatment and offered their ruling elites other kinds of incentives. Viewing the whole post-Soviet space as a part of “Self”, able to reintegrate around it one day, Russia often refrained from actions that could seriously destabilize the situation in neighboring states. Today’s Russia is different. No longer expecting reintegration, it is getting rid of a large portion of responsibilities. It intends to maximize its own gains at the expense of former potential allies or satellites and cares little as to whether it will be able to keep sympathies of the former Soviet co-citizens.

Russian policy is increasingly driven by the national egoism, and as predatory and conflict-prone as it can be, particularly when exploited by ruling elites, and not necessarily yet by the national interest. Realizing this complicated phenomenon requires a mature nation state and more active national participation in decision-making than one can witness in Russia today. It is hard to predict whether and when this important political transition can take place. But the process of de-imperialization of Russia is on the way. If it continues and the trend of proceeding from “brotherly” towards inter-state relations goes on, and if at the same time internal transformations of post-Soviet states make them genuinely sovereign, the more equal and cooperative relations between them and Russia will become possible at some point.

¹ For more see: D. Trenin. *Russia, the EU and the Common Neighbourhood*. Centre for European Reform. London, September 2005.

How to recognize a post-imperial Russia?

Being an empire, even re-nascent, is different from being just an influential state. Empires act as centers of gravity, able to generate centripetal processes, which is not equal to the ability of just exercising power. Within this interpretation, Russia's integral potential to remain an empire is decreasing over time, even if more often by default than by design. Several features of today's Russia are essential to follow in this respect.

First, Russia has a very weak, if any, ideational appeal that would stretch beyond its borders. The tsarist Russia had such an appeal, which was based partly on pan-Slavism, partly on the role of the protector of the Orthodox faith, and partly on the ability to combine security guarantees with respect to cultural differences. The USSR was a main carrier of a global ideology of Communism. Deprived of these ideational "projects", Russia has been insofar failing to offer "non-material" arguments that could convince the neighbours about benefits of the joint future and help Russia stand the competition of the Western model ("prosperity through democracy").

A quasi-project of reintegration had a certain inertial power of persuasion, as long as many former Soviet citizens, not necessarily ethnically Russian, would find it natural to hold together. But eventually the prospects of reintegration weakened, and so did its appeal. While Russia's top political leadership recognized the impossibility of carrying out reintegration policy in the whole of the CIS², self-evident examples of an effective "variable geometry" and sensible re-formatting of the would-be reintegration space did not emerge. The Eurasian Economic Community remained a paper tiger. The bilateral Russian-Belarusian project stagnated. And the Single Economic Space, designed already under Putin and thought to overcome some of the deficiencies of the preceding initiatives, failed to leave a bureaucratic stage within the first four years after its conception and had a chance to repeat

² Vladimir Putin said in Yerevan in March 2005 that the CIS had been created as an instrument for divorce, which should have finally drawn the line under a discussion on its future role. *Vremya Novostei*, 28 March 2005.

their fate. On a separate note, millions of people in the CIS, still feeling to be part of Russia, re-settled and obtained the Russian citizenship, and thus objectively weakened a potential of reintegration ideas outside the country.

Second, Russian image in the post-Soviet world is not improving. To the democratically-minded people it matters that Russia is no longer the champion of democratic development which it was in 1990s. Down-to-earth pragmatists point to the fact that Russia is not the leader in speed, let alone quality, of economic growth. Russian social ills, including the threat of terror, are very well-known. Millions of migrant workers broadcast at home all the negative experience they receive in contacts with utterly corrupt Russian system of governance and law enforcement. Recently, a widely-publicized attempt to stop the bank transfer of remittances to Georgia showed the migrant worker community that the system was, actually, even less reliable than thought earlier, and that their Russia-related choices and expectations could be used against them. For the moment, Russia cannot have a winning strategy in the campaign for the sympathies of the neighbors. Closing the labor market would have a repulsive effect by definition, whereas keeping it open would simply mobilize the host nation against the migrants and, again, foster mutual hostility. In these circumstances people can still make a pragmatic choice to benefit from opportunities they may find in Russia, but if they fail to see Russia as a success story, the choice will hardly be sustainable when other options appear.

Third, the growth of Russian nationalism in general and the refusal of the Russian society to see the post-Soviet nations as Russia's allies create a strong centrifugal drive inside Russia itself. With the exception of Belarus and Kazakhstan, ratings of post-Soviet countries on Russia's "friend-or-enemy" scale are rather low. According to a poll, conducted by respectful Levada Centre in May 2006, only 14 percent of respondents considered Armenia a friendly country, 10 percent thought so of Ukraine, 7 of Azerbaijan, 6 of Uzbekistan, 4 of Moldova and 3 of Georgia and Tajikistan as compared with 24 percent positive responses given to China and 22 to Germany. At the same time

44 percent saw Georgia and 27 percent Ukraine as enemies of Russia³. If based on these public approaches, a logical policy should be that of distancing rather than rapprochement, conflict rather than cooperation.

Last but most important, Russia is now rejecting a major feature of imperial behavior, which is critical when ideational factors are insufficient, namely that clients have to receive substantial economic benefits for their loyalty. Russia, on the contrary, in recent years has started to dismantle the system of economic preferences to other post-Soviet states which it had maintained in the 1990s. The price of natural gas for Ukraine grew from 50 dollars for one thousand cubic meters (tcm) in 2005 to 130 in 2007. Moldova paid 80 dollars in 2005 and 160 in the second half of 2006. Republics of the Caucasus, including an allied Armenia, were charged up to 70 dollars in 2005, and up to 110 in 2006. As regards Georgia, the intention was made public to raise the price to 230 dollars in 2007. And even the closest ally, Belarus, had very little chance to retain the gas price at the level of 46 dollars at the moment of writing as Russian suppliers repeatedly promised the increase up to 200 dollars in 2007. And the rise is likely to continue.

Most probably, Russian economic policy in the region has reached a moment of truth, after which de-imperialization will accelerate. On the one hand, decisions to raise energy prices reveal that Moscow sees little reason to keep subsidizing economies of neighboring states, when these low prices cannot prevent their growing interaction with other centers of power, and finds much more sense in maximizing own economic gains. On the other hand, it has to realize that once the prices reach the world level, and even while on the way, the centrifugal drift of post-Soviet states away from Russia will only go faster, as local elites will have to look for the ways to strengthen the own energy security elsewhere. Deliberately or not, Russia pushes its neighbors towards seeking economic sovereignty, which starts with the ability to pay a real price for what a country imports and consumes, and thus makes for them the choice that many were reluctant

³ A. Golov. *Friendly Countries and Enemy Countries for Russia: Changes within a Year* (in Russian). <http://www.levada.ru/press/2006060502.html>.

to make themselves during all that period that passed since the collapse of the Soviet Union.

Advance or retreat?

Russia's transition into post-imperial stage, however – and for some time at least – is likely to increase rather than decrease the number of controversies it will be involved into. As long as the maximization of Russia's gains can only be reached through losses of the neighbors and their concessions – with few exceptions concerning energy-rich states and stemming from the ability to jointly exploit vulnerabilities of third parties – the pressing on them may grow. And an important constraint that used to limit the degree of the pressure exerted by an imperial Russia, namely, the risk to go too far in shaking their internal situation, will now play a lesser role. Russia today seems less willing to pay primary attention to possible negative socio-economic effects of its actions, exactly because it is gradually, physically as well as psychologically, getting rid of the inertial imperial responsibilities of contributing to the overall stability in the region of claimed predominant influence. From the point of view of national egoism, to care about viability of the states which would not be willing to stay fully within Russia's orbit, would look like a self-destructive altruism.

But to regain the ability, once lost, to effectively project influence on the neighbors, let alone to control their foreign policy choices, will be very difficult. It does not seem accidental at all that in 2004–2006 one would not easily find examples that could support the assumption that Russia's rediscovered assertiveness started to bear fruit. In 2004 Russian favorite Viktor Yanukovych did not become a president of Ukraine, whereas Moldova's Vladimir Voronin, on the contrary, was re-elected in 2005. Both Ukraine and Belarus firmly control their gas transportation infrastructure. Belarusian leader Alexander Lukashenko has skillfully used sovereignty rhetoric and the argument on Russia's internal problems when campaigning for prolonging his stay in power through the Constitutional referendum in 2004. In 2005,

after years of delay, Moscow finally started the withdrawal of military bases from Georgia. Russia, indeed, strengthened its positions in Central Asia. It grasped the opportunity that had emerged after the relations between Uzbekistan and the West worsened in spring 2005. But it remains to be seen whether this turn will be sustainable, if the West at some point finds it again possible to pay less attention to Tashkent's human rights record, which is not inconceivable due to geopolitical and energy importance of the country.

Regaining the strategic influence will be hard for the following reasons. To start with, Russia may not be in possession of adequate instruments. Briefly put, Russian carrots are not always appreciated – and, as said, not always offered anymore – whereas its sticks seem not to be feared.

Speaking of incentives, less rather than more is available or sought. The economic aspect has been already touched upon. To repeat, when energy prices triple or quadruple within a couple of years, local elites are stimulated to think about how to overcome the weaknesses and dependences of their states, and not just how to negotiate a deal for the next winter, which can only bring temporary relief. In turn, when Russia faces risks of social and ethnic unrest, it has to be much more restrictive as regards its labor market and put an end to the uncontrolled migration, thus diminishing another source of indirect subsidies.

In internal politics, many have learned that Moscow's help could not be a panacea vis-à-vis possible problems. Russia's support was not enough for Yanukovich to clinch the victory in the presidential elections in a pluralist and stable Ukraine, whereas in Kyrgyzstan Moscow was wise enough not even to attempt to protract the stay in power of president Askar Akaev in the face of people's uprising. The means with which local figures respond to the challenges vary – dictators tend to employ repression mechanisms, while others go for more sophisticated solutions, as it happened with Yanukovich who during the parliamentary elections of 2006 invited a team of American consultants to run his eventually victorious campaign – but they are universally less tempted to rely on Russia exclusively. On the issue of

the frozen conflicts, the Russian position of prolonging the status quo can no longer fully satisfy the parties involved. “Central” governments do not expect Russian mediation to lead to the restoration of the territorial integrity, whereas the breakaway entities, although not having another choice but to seek support in Russia, are not happy with its refusal to recognize their independence.

Speaking of possible sanctions, the situation is also controversial, although Russia actions may undoubtedly hit the neighbors very painfully. Cutting energy supplies to Ukraine and Belarus in the short-term perspective is practically impossible. As long as alternative routes are absent, Russia cannot put in jeopardy its exports to the European Union. This allows the transit states to feel safe, as they can siphon off the gas if the situation unravels. Also, if supplies are stopped, within days Russia will have to burn the extracted gas, as storage facilities on its territory are insufficient. No wonder, in Ukraine’s case in January 2006 the delivery cuts lasted for three days only, and in the case of Belarus in 2004 – less than 24 hours. Even if one assumed hypothetically that Russian law-enforcement system would be able to fulfill this task, a complete closure of the labor market would not be feasible as this would negatively affect the economic growth in Russia, taking into account worrying demographic trends in the country. Banning imports is a powerful leverage vis-à-vis smaller countries, but the economic damage does not guarantee political effects, as blockade often consolidates a nation around its leaders and the idea of sovereignty rather than undermines their positions. As long as Russia has objects of military infrastructure in other countries, it is not invulnerable to the counter-pressure; both Kiev and especially Minsk constantly imply that if energy prices continue to rise, they may try to revise the payment agreements that concern Russian military bases. Finally, a threat of sanctions sometimes weighs more than its execution. After Ukraine in 2006 digested the doubling of gas price from 50 to 95 dollars for tcm surprisingly easily – economy grew faster than in the previous year – further rise is seen less dramatically.

Another reason is that the international environment impedes the implementation of any policies aimed at the restoration of Russian domination. The post-Soviet space is not viewed as a zone of exclusive Russian influence by any important international players. Russia is not interested in a confrontation with these players, and, therefore, will be involved in a complicated relationship of competition and cooperation at the same time, which will give the states a noticeable freedom of maneuver in-between.

Russia is most challenged in the European part of the former post-Soviet space, where the population demonstrates growing aspirations to see their countries as future members of the European Union. Ukraine is the state that has progressed most in its re-orientation towards integration into the Euro-Atlantic community and made "European Choice" the priority in its policy, but pro-European trends in the public opinion are witnessed also elsewhere. In turn, the European Union realizes the need to be more actively involved in its new eastern periphery and seems ready to give the neighbors the prospect of *de facto* integration through specific projects (some, like free trade, being of strategic importance) if they are able to comply with the requirements. An alternative to remaining forever just post-Soviet states is now created, although the EU, admittedly and regrettably, deprives itself of a mega-instrument of promoting the transformation in the region: the enlargement.

In Central Asia the situation is different. There it makes sense to speak about diversification of ties, rather than about geopolitical reorientation in any direction. As opposed to EU for Western NIS, China can hardly look as an alternative for Central Asian states. They are more interested to involve Russia and China into the relationship of mutual balancing – preferably cooperative balancing, as the help of both may be required to neutralize the challenge of Islamist radicalism – and at the same time engage with the West, provided that the West does not conduct the policy of democracy promotion and does not aim at a regime change. Economic ties of the region with China develop successfully, American military are stationed in Kyrgyzstan along the Russian, and the search for routes to diversify energy

exports is on the way, especially in the case of Kazakhstan. An analogy with Azerbaijan deserves a special mention in this context.

Even Lukashenko's Belarus with its conflicting relations with the West refuses to put all the eggs into one basket. Minsk intensifies its interaction with Latin American and some Arab countries, Iran and the same China, as it wants to obtain external guarantees, so far of economic nature primarily, against the growing assertiveness of Russia.

Finally, 15 years of political independence have laid down traditions of political continuity. Even when personalities in power replace one another, the agenda in bilateral relations between these states and Russia often remains the same. The most indicative example in this regard is Ukraine, the consecutive governments of which dealt with such issues as gas transportation infrastructure, delimitation of borders, status of the Russian language in the country, particular aspects of the stationing of Russian troops in Crimea and others, demonstrating essentially same approach. Workable compromises were achieved in many spheres, to the credit of negotiators on both sides, but strategic unilateral concessions were not made. Local elites in all states formulated their interests and realized that instruments of sovereignty could be very useful in protecting them. The more vibrant the civil society, the stronger the habit on independence, the more difficult it would be for any leader to give it up even in exchange for personal benefits that could be offered.

Conclusions

Presumably, in the short-to-medium run Russia's transition into a post-imperial stage will not make the daily life of its neighbors easier. Russia's demands may grow, and the search for the new balance in respective bilateral relationships will be painful. Strategically, however, the restoration of Russian dominant positions in the CIS does not seem attainable, and its long-term will to seek such a status is also in doubt.

For the European Union, the changes in Russian foreign policy philosophy may have the following implications. First, the EU should be prepared to take more responsibility for the region than it has so far to compensate for the weakening Russian commitment and to help its new neighbors to address particular problems that may emerge, energy security first of all. Otherwise, soft security challenges on its eastern periphery may increase. Second, since assuming this role for a long period of time is not in EU's interest – it has enough protectorates in the Balkans – it has to multiply its effort on promoting the reform in the region. EU has all the means to conduct conditionality policy as it can negotiate large economic packages and build the policy upon the European aspirations of the people. The door to membership should not be closed as regards those countries that will prove able to do the homework and comply with the criteria. Third, democracy promotion is essential for the success of reforms. Consistence on this matter is threatening to worsen EU-Russian relations, as Moscow today voices clearly negative reactions as to the prospect of regional democratization. Whether it will be possible to combine democracy promotion and partnership with Russia remains to be seen, and at some point the EU may be forced to prioritize between two of these goals.

For Russia, the key towards remaining an influential player and respected partner for the region as well as its evolving international environment is banal. Russia has to re-start its own democratic transformation and economic modernization, fight corruption, and work out an effective immigration policy while curbing the wave of aggressive xenophobia. Russian image has to become attractive again, which is only possible through reforms.

Юрий Федоров

Российская сверхдержава: мифы и реальности

В последние два–три года появилось все больше свидетельств того, что в подавляющем своем большинстве российский истеблишмент не смог и, более того, не захотел политически, интеллектуально и эмоционально адаптироваться к фундаментальным изменениям, происшедшим после 1991 года в стране и в мире. Улучшение экономического положения России в нынешнем десятилетии, происшедшее главным образом в результате сверхвысоких цен на энергоносители, привело российскую элиту к иллюзорному выводу о том, что период «разброда и шатания», характерный для 1990-х годов, завершен, и страна вновь обрела – или, по крайней мере, обретает – свое прежнее положение глобальной сверхдержавы. В итоге, на повестку дня была в практическом плане поставлена задача создания новой империи, воспроизводящей, правда, не столько советскую модель, сколько некоторые системные черты империи Романовых. Как и в предыдущие столетия, величие державы ассоциируется у российской элиты со способностью к имперской экспансии и военной силой.

* Юрий Федоров – кандидат исторических наук, научный сотрудник Королевского института международных отношений (Chatham House) в Лондоне. Профессор Московского государственного института международных отношений (МГИМО). Эксперт по политике безопасности и российской внешней политике. Заместитель директора ПИР-Центр (2001–2002), Центра прикладных международных исследований (2002–2003). Автор различных публикаций, среди которых: *Корейский ядерный кризис: перспективы урегулирования* (вместе с Роуз Геттемюллер, 2005).

Мечта об «историческом реванше»

Строго говоря, сами великодержавные установки не являются чем-то принципиально новым для российского политического класса. Уже к середине 1990-х годов в качестве исторической миссии России было провозглашено достижение лидирующей роли в зоне бывшего СССР и была поставлена цель реинтеграции постсоветского пространства под эгидой России. Оставаясь формально независимыми, государства, возникшие на месте бывших советских республик, должны, по мнению сторонников этой концепции, быть привязаны к России сетью двусторонних и многосторонних экономических, политических и военных институтов, обязательств и соглашений. Реализация такой схемы рассматривалась как важное условие восстановления глобального влияния и величия России.

Этот подход был официально закреплён в «Стратегическом курсе Российской Федерации с государствами-участниками Содружества независимых государств», одобренном президентом Ельциным в сентябре 1995 года¹. В полной мере он утвердился в качестве основы российской политики в отношении новых независимых государств в 1996 году, когда главой российского МИД стал Евгений Примаков. В 1997 году тезис о том, что ущемление Западом позиций России в Закавказье и Центральной Азии создает угрозу ее национальной безопасности, появился в официальной Концепции национальной безопасности России. Там, например, говорилось: «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере проявляются через попытки других государств противодействовать укреплению России как одного из влиятельных центров формирующегося многополярного мира. ... В целом это может привести к ограничению влияния России, ущемлению ее важнейших национальных интересов и ослаблению ее позиций в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье и Центральной Азии»².

¹ The presidential decree "On the Strategic Course of Russia with the CIS Member States", approved in September 1995, characterized the CIS as a zone of Russian interests, and described Russia as a "leading force in the formation of a new system of inter-state political and economic relations on the territory of the post-Soviet space". – *"Diplomaticheskii vestnik"*. – N 10. – October 1995. – P. 3

² «Konzeptziya natsionalnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatzii» (Conception of National Security of the Russian Federation). – In: "Vneshnyaya politika i bezopasnost sovremennoi Rossii. Chresto-

К середине нынешнего десятилетия под ностальгические настроения российского истеблишмента была подведена своего рода теоретическая база. В качестве ключевой национальной цели провозглашен «исторический реванш» и восстановление «великой страны», иными словами – крупной евразийской империи. В частности, летом 2006 года руководитель комиссии по подготовке программных документов прокремлевской партии «Единая Россия» Олег Морозов заявил: «Мы – партия исторического реванша. ... Реванш в том смысле, что власть должна вернуть гражданам... великую страну, которая развалилась»³.

Идея «исторического реванша» опирается на представление о восстановленной геополитической мощи России, которая базируется сегодня не только – и может быть не столько на ядерном оружии, сколько на наличии у России крупных запасов нефти и газа. Последние, как предполагается, должны обеспечить ей мощное стратегическое влияние, прежде всего на европейские государства, все более зависящие от поставок российских углеводородов.

Обосновывая нынешнюю политику, в Москве все чаще обращаются к евразийской теории и историческому опыту, в частности, видят в России наследницу и продолжательницу традиций византийской империи. В частности, Николай Спасский, будучи заместителем секретаря Совета безопасности РФ, писал весной 2006 года: «... Нет ничего зазорного в том, чтобы признать наше родство с Византией. Здесь – корни многих удивительных особенностей нашей исторической судьбы... . Главное в византийском наследии, что мы пронесли через все перипетии нашей исторической судьбы вплоть до сегодняшнего дня – это евразийство. И это та основа, на которой только и возможно возрождение России»⁴.

Такие параллели говорят о многом. Византия была не просто многонациональным и мультикультурным образованием, контролировавшим обширное

matiya. Tom 2. Dokumenti” (*Foreign Policy and Security of Contemporary Russia. Reading-book. Volume 2. The Documents*). – Moscow. – 1999. – P. 78.

³ Fedor Lukianov “Vechno vcherashnie” (*Those who are always of yesterday*). – “Kommersant”. – August 1, 2006. – <http://www.kommersant.ru/doc.html?docId=649258>.

⁴ Nikolai Spasskii “Rossiya v istorii i sovremennom mire” (*Russia in History and in the Modern World*). – “VPK-voenno-promishlennii kurier”. – April 05–11, 2006. – http://www.vpk-news.ru/article.asp?pr_sign=archive.2006.129.articles.conception_01.

евразийское пространство. Это была империя, основанная на единстве церкви и государства, эффективно и жестко применявшая политику «кнута и пряника» в отношении окружавших ее племен и государств, осуществлявшая на протяжении сотен лет военную, экономическую и политическую экспансию. Московские идеологи помнят также, что перед тем, как Византия рухнула под напором турок-османов (что сегодня может ассоциироваться с исламской угрозой), ей был нанесен тяжелый удар с Запада отрядами крестоносцев.

Широкое распространение подобных взглядов в российском истеблишменте ставит вопрос об их истоках. Многие видят эти истоки в сложностях трансформации политического сознания, сформированного в позднесоветский период. Это – действительно важное обстоятельство. Нынешняя российская элита во многом представляет собой выходцев из третьего и даже четвертого эшелона советской номенклатуры, в массе своей плохо образованных, не имевших адекватного представления о внешнем мире и тенденциях его развития.

Советское политическое мышление игнорировало невоенные элементы мощи государства. Нарастание военного и военно-экономического потенциала, установление контроля над районами, важными для ведения будущих войн, поиск союзников в этих войнах и разложение враждебных коалиций, использование слабых мест «главного противника» составляли альфу и омегу советской стратегии на мировой арене. Это привело к глубоким абберациям мышления, которые не могли быть преодолены за несколько лет, прошедших после краха СССР и саморазрушения коммунистической идеологии. В итоге сложились благоприятные условия для распространения в России геополитических воззрений, типичных для XIX века, имеющих, впрочем, немало общего с советскими доктринальными установками.

В итоге в современной России важную роль играют интересы нескольких влиятельных групп и лобби, прежде всего военно-промышленного комплекса и части военного командования, для которых политика восстановления евразийской империи является важным фактором восстановления и сохранения важной роли в бюрократической и политической системах российского государства. Идея «энергетической сверхдержавы» отражает интересы значительной части нефтяного и газового бизнеса. Для них она оборачивается

и политическим влиянием, благосклонным вниманием государственного руководства. Наконец, российский бизнес и политический класс в целом оказался не заинтересованным в принятии и утверждении современных европейских ценностей, норм и правил как политической, так и экономической жизни страны. Последнее требует радикальной смены механизмов и принципов практической регуляции политической и экономической деятельности, к чему российская элита не готова и в чем она не заинтересована.

Вместе с тем, распространение имперской идеи в современной России связано с тем, что Запад не нашел ответа на вопрос: как и какими средствами можно нейтрализовать угрозы, исходящие из третьего мира? В России нередко утверждают, что демонтаж колониальных империй был крупнейшей ошибкой, а политика, основанная на "soft power", импотентна. В качестве доказательств приводятся многочисленные примеры этнических и национальных конфликтов, насилия и геноцида в Африке и Азии. Утверждается, например, со ссылками на исследования ООН, что после деколонизации Африки, там было убито в межплеменных войнах больше людей, чем было вывезено в Америку за три столетия работорговли. Наличие многих «рухнувших государств», к которым часто относят некоторые страны постсоветского Юга, подчас приводит российских исследователей к выводу о том, что XXI век будет веком «нового империализма», в том числе российского. Лишь возрождение мировых империй, считают они, позволит восстановить безопасность и порядок в обширных районах к югу от Европы.

Так, комментируя нашумевшую статью Анатолия Чубайса, в которой говорилось о необходимости создания в зоне бывшего СССР «либеральной империи», российский аналитик Аркадий Попов пишет: «Только в империях взрываются ключевые условия для становления свободного общества - многообразие социальных групп и многоязыкость больших городов, высвобождающие личность из мифологизированных общинных пут и переподчиняющие ее более рациональным и прозрачным институтам социального контроля. ... В современном мире (как и в несовременном) по-настоящему жизнеспособны лишь империи. Думать, что империализм обязан своим возникновением злой воле чингисханов и цезарей, – такая же глупость, как считать капитализм по-

рождением ротшильдов и чубайсов.... Неортодоксальный либерал Чубайс дает свой ответ – не вполне вписывающийся в привычные клише, но зато здравый и ответственный. Россия, как и все крупные страны мира, является империей, и задача не в том, чтобы от этой имперскости отречься в пользу каких-нибудь нахрапистых конкурентов, а в том, чтобы данную историей империю сделать более либеральной и за счет этого – более конкурентоспособной»⁵.

Russian Wishful Thinking

Важным исходным элементом нынешнего российского политического мышления является представление о том, что Россия вновь стала мощной державой, способной, в отличие от предыдущего десятилетия, проводить независимую внешнюю политику. Эта мысль красной нитью проходит через выступления российских государственных деятелей, стала постоянным рефреном публичных размышлений министра иностранных дел Сергея Лаврова. В частности, осенью 2006 года он утверждал: «Россия вновь обрела способность и политическую волю проводить подлинно национальную политику, основанную на российских интересах. ... Обретенная Россией внешнеполитическая независимость – главное достижение последних лет и безусловный императив, отвечающий политической и дипломатической традиции России»⁶.

Это сразу ставит два принципиальных вопроса. Первый – что такое «подлинно национальная политика», термин, который характерен не столько для демократических, сколько для авторитарных политических концепций, пропитанных националистическим духом. Второй – что означает «внешнеполитическая независимость» во взаимозависимом, глобализирующемся мире?

Но дело даже не в этих вопросах, хотя они очень важны. Принципиальная проблема состоит в том, действительно ли Россия преодолела свою слабость

⁵ Arkadii Popov "Eto strashnoe slovo imperiya" (*This Terrible Word – Empire*). – "Nezavisimaya gazeta". – January 13, 2004.

⁶ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в МГИМО(У) МИД России по случаю начала нового учебного года, Москва, 1 сентября 2006 года. – http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/a25*36*2bd8f443cc32571dc0045e2b5?OpenDocument.

и ее внешняя политика опирается на надежный экономический и социальный фундамент? Ответ на этот вопрос – отрицательный.

Разумеется, высокие цены на нефть позволили России сгладить наиболее острые проблемы, угрожавшие в конце прошлого – начале нынешнего десятилетий экономическим коллапсом. В частности, устранена угроза долгового кризиса и нового дефолта, которая казалась вполне реальной еще пять лет тому назад. Повысился жизненный уровень значительной части населения. Кремль обрел способность «покупать» лояльность региональных элит. Это в сочетании со свертыванием демократических процедур и выхолащиванием деятельности демократических институтов обеспечило исполнительной власти более или менее эффективный контроль над ситуацией в стране.

Вместе с тем, ни одна из ключевых проблем развития и модернизации страны, от которых зависит ее будущее, не решена. Не найдены надежные источники экономического роста, отличные от экспорта нефти и газа. Россия, по сути дела, превратилась в *petro-state*, экономика которого в растущей степени зависит от конъюнктуры мирового рынка углеводородов, импорта современных технологий, в том числе в сфере добычи и переработки энергетического сырья. При этом многие аналитики предсказывают в будущем десятилетии серьезный кризис производства нефти и газа. Причины его в том, что действующие месторождения быстро истощаются, а освоение новых – на полуострове Ямал, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также на континентальном шлейфе требует колоссальных инвестиций, новых технологий и значительного времени.

В свете этого не выдерживает критики широко распространенное в современной России представление о ней как об «энергетической сверхдержаве», способной эффективно использовать свои, действительно очень крупные ресурсы нефти и газа в качестве инструмента достижения политических целей. Прежде всего, Россия зависит от экспорта нефти и газа не в меньшей, а, может быть, в большей мере, чем импортеры российских энергоресурсов зависят от бесперебойных поставок их из России. При этом все существующие газопроводы идут в западном направлении, а строительство газопроводов, идущих на восток, требует исключительно крупных инвестиций и решения ряда весьма сложных

экономических и политических проблем. В итоге у российского Газпрома нет иного сколько-нибудь крупного экспортного рынка, кроме Европы. В свою очередь, как показывает опыт газовой и нефтяной войн с Украиной и Белоруссией, энергетические конфликты, приводящие к перебоям поставок в Европу, весьма болезненно сказываются на престиже и политических позициях России в мире, стимулируют антироссийские настроения в окружающих ее странах.

Но самое главное в том, что неизвестно, сколько еще продлится «эра нефти и газа». Сверхвысокие цены на эти энергоносители, зависимость экономики развитой части мира от нескольких политически нестабильных районов их добычи, российские манипуляции с поставками энергоресурсов стимулируют новый этап научно-технической революции, который, как считают многие, завершится неким «энергетическим переходом», в результате которого роль нефти и газа в мировой энергетике будет намного меньше, чем сегодня. К этому выводу подталкивают фундаментальные особенности современного этапа экономического и технологического развития. Но если такой «энергетический переход» произойдет или даже только начнется, роль России в международной политике и экономике резко сократится. Страна окажется на обочине мировой системы.

Во многом это связано с тем, что в России деградирует большая часть высокотехнологического сектора, не развиваются современные ключевые технологии, прежде всего информационные. Одним из итогов этого является нарастающий распад военно-промышленного комплекса, который, по мнению многих специалистов, в обозримом будущем (а некоторые считают, что уже сейчас) окажется не способен обеспечить вооруженные силы техникой и оружием, соответствующим требованиям XXI века. Это еще более тормозит реализацию военной реформы, без проведения которой Россия будет не способна обеспечить свою безопасность.

Демографический кризис, в том числе сокращение населения, не преодолен. В ближайшие годы начнется существенное сокращение населения, находящегося в работоспособном возрасте, что создаст дополнительные препятствия для экономического возрождения. При этом в наибольшей степени сокращение населения происходит на Дальнем Востоке и в Сибири. Это вызывает опасения демографической экспансии Китая и, в конечном итоге, потери Россией контроля над восточной частью страны.

Это – лишь некоторые из тех проблем, которые стоят сегодня перед Россией и которые не нашли своего решения. В этих условиях представление о вновь обретенной мощи России, позволяющей ей претендовать на глобальную роль и игнорировать мнения и интересы других участников международных отношений, является не более чем своего рода wishful thinking.

Россия и подъем Азии

Большое внимание российские аналитики и политики уделяют бурному экономическому росту ведущих азиатских держав, прежде всего Индии и, главное, Китая. Считается, что уже через десять – пятнадцать лет именно эти страны будут играть ведущую роль в мировой экономике и, следовательно, политике, а в военном плане Китай выйдет на один уровень с США. Подъем Азии, полагают многие в России, с одной стороны, существенно ослабляет роль и влияние западных государств, особенно Европы, в мировой политике, а с другой, – открывает для России определенные перспективы для усиления собственного значения в глобальной системе, особенно, если Россия в той или иной форме ассоциирует себя с Китаем и Индией. Это позволит, как иногда считают в Москве, изолировать США, которые рассматриваются сегодня как главный геостратегический противник России, стремящийся не допустить ее возрождения в качестве глобальной сверхдержавы.

Так, один из ведущих деятелей прокремлевской партии «Единая Россия», известный российский специалист по военно-политическим проблемам Андрей Кокошин, писал недавно: «... В укреплении реального суверенитета Россия столкнулась во внешнем мире с активным противодействием сил, не заинтересованных в том, чтобы она выступала на мировой арене как самостоятельный «центр силы». И далее Кокошин цитирует некоего А.Д. Богатурова: «Как дельно отмечает А. Д. Богатуров «сколько бы ни подчеркивались общие и параллельные интересы Москвы и Вашингтона, США принципиально заинтересованы в «геополитическом разукрупнении» России»⁷.

⁷ «Суверенитет». Сборник. – Составитель Никита Гараджа. – Москва. – «Европа». – 2006. – Стр. 90–91.

Итак, логика предельно проста, даже примитивна: Европа исчерпала свой потенциал. На горизонте возникают мощные Китай и Индия, которые неизбежно войдут в противоречие с США. Россия, присоединяясь к ним, войдет в число государств, которые совместно будут определять будущее мира.

Но такого рода рассуждения опять таки скорее wishful thinking, чем реальные геополитические расчеты. Китай и Индия действительно демонстрируют исключительно высокие темпы роста. Но этот рост основан во многом на заимствованных у Запада технологиях и научных знаниях. Ни Индия, ни тем более Китай, не способны, как показывает практика, самостоятельно развивать весь комплекс необходимых исследований и разработок. Они остаются и, скорее всего, останутся в обозримом будущем «knowledge importing countries», тогда как Запад, в том числе и европейские страны, остаются и останутся источником этих знаний и основанных на них технологий, а также главным источником социальных и экономических инноваций. Одним из следствий этого будет сохранение военного превосходства западных государств, прежде всего США, по крайней мере, в том, что касается ведения «крупных регулярных войн», в которых сталкиваются регулярные армии.

Непонятно и другое. Российские аналитики предполагают, что Россия будет представлять для Индии и Китая серьезный стратегический интерес не только как источник энергоресурсов, но и как поставщик современной военной техники и вооружений, да и всего комплекса научно-технических знаний. Но и в Китае, и в Индии прекрасно видят, что Россия не может – и, возможно, не хочет – переломить сползание в категорию petro-states, быстро теряет накопленный научно-технический потенциал и уже через несколько лет перестанет играть сколько-нибудь серьезную роль в сложнейшей геополитической игре Запада и Азии. Возникает вопрос – зачем такая Россия нужна Индии и Китаю?

Любят или не любят сильную Россию?

Наконец, одним из ключевых элементов современного российского стратегического мышления является тезис о том, что «сильную Россию никто не любит, именно потому, что она стала сильной». Как и многие другие элементы

мировосприятия современной российской элиты, этот тезис предназначен скорее для внутреннего, чем внешнего использования.

Действительно, российское руководство не может не понимать, что снижение международного авторитета и престижа России в последние годы обусловлено не ростом ее силы и могущества, даже если предположить, что такой рост имеет место. Причина тому – попытки, причем, как правило, неудачные, использовать силу для реализации неоимперских установок, навязывания своей воли окружающим государствам, заигрыванием с экстремистскими и опасными режимами, вроде иранского, и мало приличными фигурантами мировой политики, вроде венесуэльского вождя Уго Чавеса.

Но внутри страны рассматриваемый тезис позволяет решить две важные задачи. Во-первых, вполне возможные экономические провалы и уже имеющие место провалы внешнеполитические интригами внешних сил, прежде всего Соединенных Штатов, которые стремятся не допустить возрождения России. Во-вторых, упомянутая пропагандистская конструкция позволяет объявить критиков нынешней внешней политики пособниками врагов России, заинтересованных в ее ослаблении.

Заключение

В целом современная российская внешнеполитическая философия основана на искаженном, заведомо преувеличенном представлении о возможностях и роли России в мировой политике. Это чревато серьезными негативными последствиями для самой России и для прилегающих к ней государств. Если внешняя политика страны исходит из завышенных представлений о собственных возможностях, рано или поздно она попадает в серьезный кризис, ибо поставленные цели оказываются заведомо недостижимыми. В итоге возникает искушение объяснить внешнеполитическое поражение действиями вражеских сил. Это, в свою очередь, ведет к обострению отношений с теми странами, в действиях которых видят причину неудач, вызванных на самом деле собственной слабостью. Итогом может стать изоляция страны на международной арене и нарастание авторитарных тенденций внутри ее.

Marie Mendras

Back to the Besieged Fortress?

Russia under Putin is a country that does not dream. Society has no great ambitions and keeps its expectations low. Elites cling to short-term, mercantilist and self-seeking ruling methods. Political and economic leaders have their eyes fixed on the March 2008 presidential succession and the consolidation of their vested interests beyond that crucial date.

In such a context, Russia's relations to the outside world cannot be open, trustful or productive. With no vision for the development of the country, how could there be a vision for Russia in the world? The slogans of "sovereign democracy" and "Russia for the Russians" do not bode well for the cultural influence and power projection of Russia abroad. This chapter aims at demonstrating the limits of Russia's new assertiveness in foreign affairs, with a special focus on relations with its Western "periphery" and Europe, but also underlines the potential dangers of Moscow's corrosive methods for our own capacity, in Europe, to deal with the complex post-Soviet legacy. The Russian leadership is not accountable to anyone or any institution. It is more prone to dictate the rules of the game, thereby undermining our institutional mechanisms and usages of consensus-seeking and multilateralism.

From better to worse: Russia and the West since 1999

Russia has long been in a Hegelian relationship with Europe and with the West. Modernisation in tsarist Russia was devised with a constant eye on European models and a desire to open windows to the more developed countries of Europe. The Soviet doctrine was one of hate and denial of the Enemy, non-dissociable from fascination and attraction to Western accomplishments and power. Gorbachev's reforms stemmed from a strong will to come closer to European standards and build a "common European Home". The West, or rather Western Europe, is the preferred Other; however, as opinion polls showed already in the 1990s, although Europe is perceived with more sympathy than animosity, Russians do not see themselves as belonging to it.

The paradigm that helps best understand Moscow's attitude today is the proclaimed "specificity" and defence against foreign influence. The two are closely linked. Surkov's "sovereign democracy" has been selling since 2005 as the recipe for reasserting Russia that would be free of any form of conditionality or dependence on Western partners¹. His concept was defined *a posteriori*, after Vladimir Putin had tilted toward a harsher foreign policy, which had undoubtedly been made possible by the rising oil prices and the recovery of Russia's financial situation in 2002–2003. At the Valdai conference² in September 2005, asked why he chose this combination of words and whether this was a concept for domestic politics or for foreign policy, Putin gave a complicated response that boiled down to the following: the concept applies to both spheres, meaning democracy

¹ Vladislav Surkov is Vladimir Putin's Deputy Chief of Staff at the presidential administration and his "ideology" man. See for instance his "secret speech" of May 2006, presented by Mikhail Sokolov on Radio Liberty on 11 July, 2006, and his 2007 booklet *Osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya sovremennoi Rossii* (Main Trends and prospects for development in contemporary Russia), www.polit.ru/2007/01/23/surkov_print.html.

² The Valdai Discussion group meets once a year in Russia. The first conference gathered in September 2004 in Novgorod and Moscow. The group is composed of about 35 Western specialists of Russia, and, on the Russian side, members of the government, advisers to the President, deputies, experts, and journalists. An encounter with the President of Russia is the closing event.

at home, but *à la russe*, and equalling to asserted sovereignty in relations with foreign countries. One cannot go without the other. Russian specific “democracy” cannot consolidate if it is polluted from the outside, Russian power cannot rise if it lets influence inside, without any protection. At the next Valdai conference in September 2006, Vladimir Putin was asked the same question. Taking into consideration the fact that his guests were Western specialists of Russia, he answered with caution. He insisted that each term be taken separately, democracy pertaining to internal choices, and sovereignty concerning Russia’s national interest and independent position in world affairs³.

Specificity means “no interference”. The more one speaks of the Russian “path” and sovereign democracy, the more one wishes to confront Eastern and Western partners and distance oneself from their “values”. Hostility, distrust and, at times, aggressive positioning against neighbors and against the USA are closely correlated to a protectionist trend: protection against influence, against migrants, against values and against foreign investment in strategic sectors like energy. This combination of brutal assertiveness and self-protection is not paradoxical, but a clear sign of what Putin’s foreign policy is not. It is not an ambitious policy of re-conquest, nor a strategy of economic “imperialism” by energy domination. As Arkadi Moshes also emphasises in his contribution, the Kremlin is not “neo-imperialist”, since it does not want to continue to subsidise the former Soviet republics with cheap oil and gas. If it were seeking to re-conquer those countries, it would increase their economic dependence.

The rejection of influence is the red thread that runs along the chronology of Russian relations with Western countries since 1990s⁴. In the second half of 1980s and early 1990s, the momentum was strong, led by change at home and intensified cooperation with the West, on the basis of condition-

³ Notes of the author, meeting with Vladimir Putin, Novo Ogarevo, 9 September 2006.

⁴ Marie Mendras, “Russia and the West: to Belong or not to Belong?”, in Jan Zielonka and Alex Pravda, eds., *Democratic Consolidation in Eastern Europe*, Vol. 2, Oxford University Press, Oxford, 2001, pp. 485–510.

ality: democratization and rapprochement, with Western support. Russia joined many European and international organisations, except NATO and the European Union, with which it signed partnership agreements, and with the exception of the World Trade Organisation, which it will join before the end of this decade. Many Russian politicians, experts and intellectuals criticised the “unilateral concessions” that their weakened country had to make to the more powerful Western partners. But their complaints were not taken very seriously, either by the Yeltsin leadership or by the foreign “protectors”⁵.

Three major turning points in Russia's policies occurred in 1999–2000, 2003–2004 and 2006–2007 (at the time of writing). In the aftermath of the dramatic financial crash of August 1998 and in the midst of Yeltsin's gloomy *fin de règne*, succession was the key issue amongst ruling elites. And succession did not mean only the replacement of ailing Boris Yeltsin, but also the protection of newly conquered assets and fortunes, and the consolidation of powerful networks. The pattern was set for future electoral cycles. Four years later, and eight years later, the stakes behind the presidential choice became formidable.

1999 was not only the year of Yeltsin's succession: it also was the year of NATO strikes against Serbia in the Kosovo war, and of the decision to wage a second war in Chechnya. The three events were closely interconnected. The NATO strikes in the spring were used by the military and the intelligence services as a good argument to go ahead with a second massive and devastating campaign in Chechnya in the autumn. Anti-Americanism reached a peak in official rhetoric and in public opinion. It receded slowly afterwards, but remained relatively high even after the September 2001 World Trade Center tragedy and the Russian support for “war against terrorism”⁶. Russia

⁵ See the different views and analyses in Vladimir Baranovsky, ed., *Russia and Europe. The Emerging Security Agenda*, SIPRI, Oxford University Press, Oxford, 1997, p. 582.

⁶ Youri Levada, Marie Mendras, “L'alliance opportuniste de Vladimir Poutine et George W. Bush”, *Esprit*, August–September 2002, pp. 32–48.

and the Western partners closed ranks again in 2001 with the war against the Taliban, but relations could never regain their earlier quality⁷.

In 2003, on the eve of the legislative and presidential elections, Russia became engaged in the last struggle of pluralism and opposition against the one-dimensional reality of Putin's rule. Mikhail Khodorkovsky, Yukos owner and manager, was arrested in October 2003, jailed and later sentenced to eight years of imprisonment; he will be sentenced to several more years after a second unfair trial to be held in 2007. At the same time, Russia faced the enlargement of the European Union by ten new Member States, of which three were former Soviet republics – the Baltic states – and four were former satellites of the USSR. Terrorist attacks made Russians feel more and more insecure. After the Beslan hostage-taking in a North-Ossetian school in September 2004, Putin's position hardened on the domestic and the foreign fronts.

The present time, 2006–2007, is another crucial period. We are observing a new decisive step towards what Lilia Shevtsova names "Imitation Russia"⁸, Michael Specter qualifies as "Kremlin, Inc."⁹, Arkadi Moshes gently defines as „post-imperialism"¹⁰, U.S. Defence Secretary Robert Gates as "a new cold war", and what I refer to as Russia's self-inflicted isolation.

Once again, the rise of tensions in Russia's foreign policy occurs during a pre-electoral year in the context of growing tensions and uncertainty about who will be the next President, i.e. the new power-broker in a system of consolidated political, financial and industrial networks headed by powerful government officials, FSB officers and cronies, and oligarchs.

By the end of his eight-year presidency, Vladimir Putin will have succeeded in spoiling Russia's relations with every single one of its long-time

⁷ Vladimir Frolov, "A Complex Relationship, *Russia Profile*, vol. 4, N. 1, January 2007, p. 47.

⁸ Lilia Shevtsova, "Imitation Russia", Carnegie Centre, Moscow, 2006.

⁹ Michael Specter, "Kremlin, Inc.", *The New Yorker*, 29 January 2007, available on www.newyorker.com/printables/fact/070129.

¹⁰ See his contribution to this volume, and his article "Prospects for EU-Russia Foreign and Security Policy Cooperation", *The EU-Russia Review*, N. 2, EU-Russia Centre, Brussels, November 2006, pp. 22–26.

partners: the United States, the European Union countries, both the “old” and the “new” (the former satellites of Central and Eastern Europe), and most former Soviet republics. As will be argued below, even relations with its “younger brother”, Belarus, have seriously deteriorated in recent years, with a peak at Christmas 2006 over natural gas.

Europe remains the preferred other, but relations and mutual perceptions have deteriorated

The Russian Federation and the European Union are two asymmetrical partners. Russia is a vast country, ruled by an undemocratic leadership, with a population that only 16 years ago was a Soviet population, i.e. had been raised in a particular relationship to Europe and the West. The national economy is growing, but not harmoniously¹¹. Relations with the former republics are complex, and not productive.

The European Union is a multilateral community of 27 states, with a complex institutional framework, an integrated economy, and a common European law. Each state nevertheless maintains its own attitudes and policies on many issues, one of them being Russia. Nine of EU Member States had lived under Soviet domination for more than four decades and have their legitimate concerns about Russia's uncertain future. Hence, the relationship between Russia and the UE may not likely resemble a traditional state-to-state relation. On the one hand, Moscow feels stronger because Europe is heavily dependent on Russian hydrocarbons, and because Kremlin does not have to care about consensus at home whereas the EU is constantly struggling to reach compromises in Brussels. On the other hand, Europe is Russia's major economic partner and the most stable and reliable neighbor. Europe remains the only main door to the West, i.e., to the industrialised nations. It would seem very unreasonable for Moscow to bring this relationship to a deadlock. But emotions and big phrases have been taking their toll.

¹¹ See “Russian Federation. 2006”, *OECD Economic Surveys*, OECD Publishing, Volume 2006/17, November 2006, p. 216.

Clearly, official declarations and media coverage about a less friendly Europe have had their impact on Russian perceptions. In a survey done in December 2006 by the Levada Centre for the EU-Russia Centre in Brussels, Russians were asked whether the European Union constitutes a potential threat to their country. 45% of respondents agreed, 37% disagreed, and 17% gave no answer. As sociologists comment on the results of their survey, “Russian attitudes towards Europe have changed markedly since the end of 1990s. In reviewing past research in 2000 by the Levada Centre, 35% of Russians believed that Western democracy and culture were destructive for Russia. This had shifted to 42% by the end of 2006”. Table 1 shows more details the Russian public’s attitudes.

Table 1. How is Russia seen by European countries? How are European countries perceived in Russia? (Respondents could select more than one response)

Russia is most likely to be seen by European countries as...	(%)	European countries are most likely to be seen by Russians as...	(%)
A source of raw materials	40	Neighbors and partners with whom to strengthen and develop relations	32
A source of technical expertise for Western companies and scientific institutions	25	Having a high standard of living	29
A place for profitable investments	24	Main trading partners	24
A country where there is no law for those who have money	20	Attractive countries for Russians to work in or emigrate to	23
An undeveloped, unpredictable and aggressive country	17	Centers of cultural and historical values	10

A neighbor and partner with whom to strengthen and develop relations	15	Potential aggressors united by the NATO military bloc	8
The home country of people who "throw money about"	14	Implementers of US policy on the Eurasian continent	7
A potential military adversary	12	No answer	16
A country from which unwanted migrants come to Europe	9		
A great power, with a rich cultural heritage	8		
A country controlled by the KGB	4		
No answer	12		

Russians see European perceptions of themselves quite negatively. Their perception of Europe is more positive, but the overall picture indicates the existence of a wide gap between the two worlds. The growing animosity towards Georgians, Ukrainians and other former Soviet nationalities must be understood in consideration of this dim view of relations with Europe.

The tactics of "weak sovereignty"

The image of the Enemy is unveiled in the next tables, which demonstrate the great distrust against former compatriots. This phenomenon is the natural continuation of the relentless demonising of the Chechens since 1999, with fierce one-sided television coverage. Terrorism was the first fuel used to brew xenophobic attitudes; "colored revolutions" in Georgia and Ukraine were the second.

Table 2. Name five countries which in your opinion are close friends and allies of Russia

	2005 May	2006 May
Belarus	46	47
Germany	23	22
Kazakhstan	20	33
Ukraine	17	10
India	16	15

Table 3. Name five countries which on your opinion have unfriendly and hostile attitude towards Russia

	2005 May	2006 May
Latvia	49	46
Lithuania	42	42
Georgia	38	44
Estonia	32	28
USA	23	37

Putin has managed to make most of the former Soviet republics “enemies” in the Russian mind. The Levada Centre opinion polls give a strikingly distrustful perception of neighboring countries. The three Baltic states and Georgia are amongst the first five countries that are unfriendly or hostile to Russia, together with the USA. Amongst the five friendliest to Russia, Belarus comes first with 47%, followed by Kazakhstan (33%), Germany (22%), and India (15%). Ukraine comes 5th with only 10% of respondents who believe that Ukraine is a close friend and ally of Russia. With the exception of Belarus, Russians do not see any of the former republics as a close friend. And Belarus is an exception in yet another manner. Asked in a later poll whether Belarus is foreign or not (*Schitaete li vy Belarus zagranitsej?*), 61% of respondents reply that Belarus is not a foreign country¹².

¹² Levada Centre opinion poll, 30 January 2007, <http://levada.ru/press/2007013004>.

Interestingly, a majority of Russians believe that relations with Belarus have deteriorated in recent years and only a minority sees the relationship as “friendly” (8%), or “good-neighborly” (16%), or “warm enough” (10%).

The Russian-named “near abroad” is where domestic affairs and foreign policy become blurred. If the non-loyal Ukraine or Georgia behaves badly, then it should be punished. Russia will raise the price of gas, embargo imports and interfere in Ukrainian and Georgian affairs. And it will do its utmost to impede any resolution of the “frozen conflicts” in Georgia and Moldova (South Ossetia, Abkhazia and Transnistria). The goal is to keep each of these countries’ sovereignty weak, so that none of them can act independently in regional and international politics and economics.

The Russian public is being talked into putting all the blame on the neighbors and evading responsibility. What regular opinion polls have been showing since 2004 is that hostility towards Ukraine and Georgia has changed into animosity against the people themselves. Worked up by their media, Russians developed after the Orange Revolution an anti-Ukrainian, and not only an anti-Yushchenko, attitude. To most sociologists’ dismay, they also supported the anti-Georgian campaign of the autumn of 2006. Perceptions of the Balts do not fare any better. In Russia today, “national identity” is being artificially and negatively constructed on the basis of distorted images of the enemy.

As Salomé Zourabichvili recalls, Russia’s policy has not always been negative, which proves that there is no fatalism and that alternative policies exist. For instance, Foreign Minister Lavrov signed an agreement with her in August 2004, when she was his Georgian counterpart, about the withdrawal of Russian troops. The same can be said of Moscow’s counterproductive policy toward Lukashenko’s Belarus. Relations have been difficult all along, but they became much tenser in 2002–2003 and are at a deadlock in 2007. And when Vladimir Putin brags about his alliance with Central Asian states, he conceals the numerous tensions that poison Russia’s relations with Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan, to name the biggest states.

In fact, Kremlin feels threatened by any form of democratisation in countries of the former USSR – countries that might still be stopped on their way to Westernisation, i.e. NATO and EU membership. Domestic change is seen by Moscow as the main danger jeopardising the status quo. It is therefore vital to convince ordinary Russians that responsibility for the worsening of relations lay with the Ukrainians, and the Georgians, and all the others. If the “others” are bad, then Russians are right... The lack of accountability in Russian governance means the lack of responsibility for rulers and ruled alike. This is the most serious bias. The problem with the Russian ruling elites is that they are not accountable to anyone, either in domestic government, or in foreign affairs.

The image of the Enemy cannot agree with democratic trends. Polls show a strict correlation between attitudes to Europe and the West and attitudes to democracy. The EU-Russia Centre survey, monitored by the Levada Centre, offers an interesting, and very ambivalent, picture of how Russians view democracy. “Russian understanding of democracy, liberalism, freedom and human right is confused and often contradictory, and Russians appear to see little application of these values to their own lives. Some 65% of the sample were unable to describe what liberal democracy means to them”. Almost half the respondents, however, say that “Western democracy and Western culture can be benefited from a lot”. But the 2000-2006 comparison shows that the Western model is losing ground in the mind of ordinary Russians.

Table 4. Do you believe that Western democracy and Western culture...

	2000 April	2006 December
Are necessary, will have a recovery effect for Russia	2	3
Can be benefited from a lot	55	45
Are not suitable for us	25	30
Are destructive, pernicious for Russia	10	12
No opinion	8	10

Those findings echo survey data on Russians' "mirovoztrenie", or "world-view", and distrust of most foreign countries. Such distrust is daily conveyed by government-controlled media and officials' speeches. Vladimir Putin's address to an international security conference in Munich on 10 February 2007 exemplifies the hostile and sharply worded discourse that the President himself now chooses to adopt when facing foreign heads of state and government. His Munich attack was mostly anti-American, but also strongly critical of NATO and the OSCE. Putin assailed Washington's "unilateral" and "militaristic" approach that made the world a more dangerous place than at any time during the Cold War. "The United States has outstepped its national borders in every way. Nobody feels secure anymore, because nobody can take safety behind the stone wall of international law"¹³.

He appealed to the European countries to counter this "unilateralism", but warned that new emerging powers – Brazil, India, Russia, and China – would take the lead. The tone was markedly cooler than in his diplomatic article of November 2006, published in several main European newspapers, where he tried to calm down European concerns. "Those who warn of the danger of Europe becoming more dependent on Russia see Russia-EU relations in black and white and try to fit them into the obsolete mould of 'friend or foe'. (...) The past must not be used to divide us, because we cannot rewrite history". His appeal appeared on the eve of the Russia-EU summit that failed to renew the Partnership¹⁴.

The dichotomic view of the outside world means that Russia has no friends. How can it hope to regain influence? Russia has no cultural, ideological or political appeal beyond its borders. What country in the world today would take Russia for model? Can energy be a sufficiently effective tool for imposing one's views and one's decision over organized states and a community of states?

¹³ Full transcript on www.kremlin.ru/text/appears/2007/02/11/118109.

¹⁴ Vladimir Putin, "Europe has nothing to fear from Russia's aspirations", Financial Times, 22 November, 2006, p. 13.

Here lies the true and deep contradiction of the Kremlin's strategy: distance and isolation, together with energy deterrence and confrontational policies, are unlikely to bring power, influence and radiance to Russia abroad. The weakest point here is the lack of vision for the future, a vision that would combine a project for Russia itself as a nation and as a state, and a project for Russia on the continent and in the world.

A partner that resists partnership

Russia has no allies. Russia wants no allies. We did not isolate Russia against its own will. Putin's leadership, supported by the diplomatic, military and intelligence elites, made the conscious choice of preferring an outsider's position to an insider's hand in a multilateral game. Russia wants to impose its own rules, hence defy our European usages, in the realms where it feels stronger: energy, security, control of the media and public opinion. It is not prone to placing trust at the heart of foreign relations. *Rapport de forces* and carrot-and-stick continue to be the natural method for many Russian government officials. It also tends to use one partner against another. It has recently put much emphasis on its warmer relations with India and China, presenting Asia as an alternative to Europe, in case Europe becomes too demanding. Asian powers will play a very significant role in Moscow's policies in the future, but they cannot in any way constitute a replacement to the partnership with the EU and with NATO. Furthermore, perceptions of China in the Russian public as much as among the elites remain very suspicious¹⁵.

Vladimir Frolov, director of the National Laboratory for Foreign Policy in Moscow insists that one of Russia's main impediments to more productive relations with the West and Europe is that it has never been a true supporter of multilateralism. The big exception was 1990–1995 (Kuwait, Yugoslavia), he argues. Frolov is sceptical about EU–Russia relations: For now, Russia's

¹⁵ Vladimir Shlapentokh, "China in the Russian Mind Today: Ambivalence and Defeatism", *Europe-Asia Studies*, Vol. 59, N. 1, January 2007, pp. 1–21.

relations with Europe in general continue to be best characterized as maintenance of the status quo, although they are occasionally irritated by small but important issues, such as energy security and unpredictable US foreign policy initiatives¹⁶. Fyodor Lukyanov, Editor of *Russia in Global Affairs*, believes the true problem in Russia's attitudes is psychological¹⁷.

Russia's behaviour is not framed in a well-defined blueprint with long-term goals. It is a day-to-day adjustment to new constraints and new opportunities, with the natural propensity to secure immediate gains and give little attention to the delayed consequences of today's decisions. It is often said that Russians are good chess players. Western governments tend to believe in this axiom, thereby expecting Moscow to always have ulterior motives and prepare their next ten moves. I do not see any sign of long-sightedness of the Putin leadership in its management of foreign relations. We tend to read Russia's intentions through our own rational lens. But a non-democratic government that is not accountable does not have the rationality of a democratic government. It does not need to abide by its words. Above all, it does not need to care about securing the population's well-being in 20 or 30 years. The new catchword of "Russia for the Russians" clearly closes the horizon beyond the very immediate present. What other big country would seriously herald such a protectionist and self-serving policy? Is not the Kremlin trapped in its own game of antagonizing partners? For Russia is an open country and will never again be a closed fortress. Soviet days and Cold War politics are over.

The challenge that Western countries are facing is how to deal with an ideocratic, closed-up, unaccountable and rent-seeking leadership. May we be forced to play by Moscow's rules as Moscow will not change its position in the near future, and we cannot disengage from Russia? Can we remain impervious to Russian methods? The key lies in a clear and cold-headed understanding of how and why Russia acts the way it does, and what we can expect from it. Moscow's emotional and artificially worked up attitudes

¹⁶ Vladimir Frolov, „A Complex Relationship“, *Russia Profile*, vol. 4, N. 1, January 2007, p. 47.

¹⁷ *Izvestiia*, 28 April 2006.

need not be met by equally emotional attitudes, either excusing Russia (“this old empire has been traumatized and should not be hurt in its feelings”), or refusing to go ahead with a difficult dialogue (“better disengage than lose one’s values”). More importantly, one should consider that Russia’s current politics are not fixed forever, and that alternative policies to today’s authoritarianism and self-inflicted isolation potentially exist. It is also up to the Europeans to keep options open, and work in their favour.

Дмитрий Орешкин

Имперский проект в России. Печальные перспективы

Согласно опросам, такое понятие как «Власть» позитивно воспринимают лишь около 40% российских респондентов, а «Государство» – 80%. Абстракция Государства, Державы в глазах соотечественников в два раза ценнее, чем конкретика Власти. Вероятно, в глазах россиян власть – что-то вроде земного бюрократического механизма и системы насилия, а Государство – возвышенная идеологическая ценность, миссия, духовная общность. Слово из разряда таких важнейших и в то же время размытых понятий как «Народ» или «Россия». Им трудно дать ясное определение. Они живут и действуют в общественном мнении как не нуждающиеся в доказательствах аксиомы или метафоры: «мы».

Понятие «Империя» в последние годы тоже стремится стать метафоричным.

Первый русский геополитик и замечательный поэт Федор Иванович Тютчев в работе «Россия и Запад» раскрывает свое видение будущего российского государства. Оно, по Тютчеву, сводится к двум «великим провиденциальным фактам», которым надлежит открыть в Европе новую эру. Один факт – образование великой православной Империи, законной Империи Востока, одним словом, России будущего, осуществленное поглощением Австрии и возвращением

* Дмитрий Орешкин – политолог, политгеограф, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, руководитель аналитической группы «Меркатор». Окончил географический факультет МГУ им. Ломоносова, аспирантуру Института географии АН СССР, кандидат географических наук. Эксперт по российской внутренней политике, политике РФ по отношению к СНГ, политической географии.

Константинополя. И второй – соединение двух церквей, восточной и западной. Впрочем, эти два факта, в понимании поэта, сливаются воедино: православный император в Константинополе – повелитель и покровитель Италии и Рима, и православный папа в Риме – подданный императора...

Тексты Тютчева были опубликованы в Европе (прозу он писал по-французски, устные политические дискуссии предпочитал вести по-немецки, а стихи, естественно, были русские) и наделали там много шума. К несчастью, скоро случилась Крымская война, которая самым безапелляционным образом показала реальную цену тютчевских мечтаний. «Исполинские бредни» – поставил диагноз едкий западный рецензент.

Казус Тютчева интересен тем, что показывает ту же раздвоенность русского государственнического сознания, которую зафиксировали современные социологи. Выдающийся дипломат и гениальный поэт прекрасно видит ограниченность, чтобы не сказать убожество реальной российской власти. Но это ничуть не мешает ему хранить в сердце образ другой, величественной и несокрушимой России, к подножию которой припадают растерянные европейские народы в поисках справедливости, защиты и утешения. «Не богу ты служил и не России,/ Служил лишь суеде своей,/ И все дела твои, и добрые, и злые, –/ Все было ложь в тебе, все призраки пустые:/ Ты был не царь, а лицедей» – с болью бросает Тютчев вслед умершему Николаю Первому. Такова его оценка итогов тридцатилетнего царствования конкретной «Власти». Но рядом – столь же искренняя (хотя, возможно, несколько выпреженная) ментальная модель российской «Державы» как неколебимого утеса, вокруг которого бушует море европейских революций, порожденных безмерным индивидуализмом и преклонением человека перед своей личностью. Только мы, Россия, хранители истинной христианской веры, можем пролить «примиряющий елей» на европейское море, успокоить его и вернуть в берега имперской законности, которую мы же и олицетворяем на правах Третьего Рима. И не мы ли спасли вас, разрозненных и испуганных, когда ваши города и государства склонились перед узурпатором Бонапартом?! Устами Тютчева русский имперский глобализм впервые бесстрашно ставит самодовольную Европу на место. Впрочем, с Европы – как с гуся вода.

Иосиф Бродский, которому Тютчев был поэтически чужд, через полтора века высказался нелицеприятно: «Тютчев не просто целует сапог империи, он прямо-таки его лобзает».

Дело, впрочем, не во вкусовых оценках, а в органичном единстве раздвоенного имперского мышления. Тот же Бродский, в конце концов, лучшие свои тексты написал на языке, который был рожден в Империи. Вольнолюбивого Пушкина, оформившего этот замечательный язык, при желании тоже нетрудно записать в империалисты – вспомним хотя бы «О чем шумите вы, народные витии?» Сегодня нам важно понять, почему со временем способность русских «властителей дум» сочетать остро критическое отношение к конкретной Власти с глубоко трепетным отношением к абстрактной Державе иссякает.

Раздвоенность сознания воспроизводилась столетиями и только в двадцатом веке растеряла прежнюю силу. Бродский, произнося свой приговор Тютчеву, имел перед собой образ совершенно иной Империи – обрызгшей, тупо жестокой, руководимой бездарными старцами из Политбюро, воспеваемой ходульными пропагандистами, бессильной предложить окружающему миру хоть что-нибудь вдохновляющее. Какие уж тут глобальные перспективы, если поэта (Бродского) отправляют в ссылку по обвинению в тунеядстве, потому что у него нет членского билета Союза писателей? Для независимо мыслящих людей конца XX века идея «Великого Советского Государства» столь же пуста и пошла, как практика «Советской Власти». Идейный разрыв между Государством как миссией и властью как реальностью сокращается до минимума. Жалкая повседневность разъела и растворила роскошную державную мечту.

Об экономических, управленческих и прочих «объективных» причинах краха СССР сказано достаточно много. Попытаемся сосредоточиться на феноменах социокультурного и идеологического плана. Которые, вообще говоря, ничуть не менее объективны, чем экономика.

В чисто литературном отношении нисходящая тенденция проявилась в деградации имперской словесности от Пушкина и Тютчева до утомительно-однообразного А. Проханова или С. Михалкова, которому ничего не стоит сочинить три гимна трем разным властям на одну музыку. А ведь это, пожалуй, лучшие из трубадуров советской Империи.

Что случилось и обратим ли процесс? Разрыв в современном массовом мышлении между понятиями Государства и Власти создает иллюзию обратимости. Но для начала хотя бы пунктиром наметим эволюцию российской имперской идеи.

Весь девятнадцатый и начало двадцатого века она рвется вовне, по вектору, заданному Тютчевым. «Вовне» в то время понимается как в Европу. Между тем на практике Россия быстро продвигается по противоположному азимуту. Завоеван Туркестан, победоносно завершена война на Кавказе, отеснены Персия и Турция, присоединены Бухарское и Хивинское ханства. Разрыв мечты и реальности проявляется грубо-географически: теоретическое русское мессианство, русское имперское величие грезит Западом, дискутирует с Западом, противопоставляет себя Западу и сулит Западу либо распад, либо духовное обновление на основе Православия. Практические же действия власти очевидно направлены на Восток. На Западе слишком велико сопротивление материальной и культурной среды.

Но мечта пределов не знает. Глобальный замах Тютчева легко узнается в тезисах Милюкова-дарданнелльского, который с трибуны Государственной Думы требовал вернуть России Босфор и Дарданеллы. Или пример из совершенно иной среды: выдающийся отечественный натуралист В. И. Вернадский наполняет новым смыслом западную идею ноосферы – сферы, управляемой мировым разумом. Тоже глобалист чистой воды и тоже, говоря о науке как ведущей силе будущего, имеет в виду никак не Туркестан или Синьцзян. Или Лев Толстой – нравственный глобалист, своего рода император морали. Вполне европейское культурное явление, хотя декларирует отрицание европейских индивидуалистических ценностей. Часть романа написана по-французски, и заметная доля прижизненной аудитории Толстого тоже находится к западу от России. Не в Монголии же! Ленин, Троцкий, яростно отрицающая Российскую империю, тем не менее, тоже меряет свои задачи глобальным (т.е. по сути имперским) аршином: им подавай не меньше, чем мировую революцию, причем начаться она должна именно в России...

К концу девятнадцатого века российская имперская культура ощущала себя как минимум равной культуре Запада. Характерное для общеевропейской

культуры (в том числе и русской тоже) ощущение «заката Европы» направляет мечтательный взор нашей интеллигенции на вымышленный образ Востока. Там ей мерещится свежая кровь и варварская энергетика, способная обновить дряхлую Европу. «Да, скифы мы!» – с запальчивостью мазохиста восклицает утонченный европеец Блок. Скифы или не скифы – вопрос спорный, но сам по себе масштаб остается имперски-глобальным. Мол, скоро хрустнет ваш скелет в огромных, в нежных наших лапах... Хрустнул, как известно, скелет самого поэта, а заодно и других певцов «восточного обновления» (равно как и их идейных противников), но это отдельная история.

Столь же глобален взгляд противоположного интеллектуального направления. В. В. Розанов пишет «Апокалипсис нашего времени», остро предчувствуя «конец времен» и пришествие Антихриста. Близкий к Розанову супрематизм и знаменитый «Черный квадрат» – тоже знак конца эпохи. Сколь угодно разнородные и противоречивые в содержательном отношении, все эти идеи объединяются масштабностью. Уже в этом они – имперские. Антихрист, Грядущий Хам, Скифы, Мировой Пролетариат – при очевидной разновекторности этих образов все они исходят из интуитивного понимания России как фокуса завтрашних глобальных процессов. Отсюда придет либо Смерть, либо Обновление для всего человечества.

Ну, не из Америки же, в самом деле, которая в русском массовом мышлении оставалась еще страной Фенимора Купера и краснокожих! Не из Японии же...

В самоочевидном восприятии России как центра мира (неважно, со знаком плюс или со знаком минус) незримо присутствует Империя в тютчевском понимании слова: как мировой лидер, эксклюзивный источник мировой культуры, духовности, государственности. Говоря современным языком, Тютчев был убежденным сторонником однополярного мира. Другого он просто не может себе представить. Древний Рим – это да, Империя. Ему Россия – прямой и единственный законный наследник через тетушку Византию. А Британия, если верить Тютчеву – так себе, просто большое торговое государство... Какую сокровенную тайну, какое просветляющее начало может предложить торгашеская Британия человечеству?! Плюнуть на нее, да и растереть... Равным образом в сознании Тютчева не умещается возможность одновременного существо-

вания на планете двух или более Империй: в этом случае это уже нечто качественно иное. Империя может быть только одна, как Бог один, Вера одна, и один возможен на Земле истинно божий Помазанник.

Современное научное понимание империи как большого и этнически разнородного государства (некоторые говорят – даже сообщества государств типа Евросоюза), управляемого из метрополии, для Тютчева было бы оскорбительно узким. В этом смысле современное массовое мышление, тоскующее по Великой Державе, гораздо ближе к расплывчато-метафорическому мышлению поэта, чем к точной политической науке. Величия нам остро не хватает! Ощущения глобального лидерства. Поэтому с общественным мнением России так болезненно встречаются действия Америки: соотечественники подсознательно воспринимают США как узурпатора нашего имперского права именно в том, тютчевском смысле. И очень обижаются.

Однако в сравнении с идеологией Тютчева современная сказка имперского величия вывернута наизнанку и имеет негативистскую окраску: почему «им» можно, а «нам» нельзя? У Тютчева ситуация противоположна: «они» запутались и тонут, а «мы» со своего берега протягиваем им руку помощи и христианской поддержки.

Собственно, предметом данной статьи является анализ сегодняшних попыток ответить на стихийный запрос масс и возродить имперское мышление. К сожалению, среди возрождающих нет ни Тютчева, ни Пушкина, ни Вернадского, ни Толстого. Случайно ли?

Спроси любого – что доброго и славного мы можем предложить миру, в каком из многочисленных направлений человеческой практики Россия является образцом для подражания – и возникнет пауза. Настоящего, автохтонного, роскошного в своей международной значимости проекта у нас нет. В идейном отношении мы, если говорить честно, довольно глухая провинция. Имперский дискурс современной России крайне скуден: мы не хотим, чтобы Америка и вообще Запад были такими сильными. Мы находим это несправедливым. Мы против однополярного мира. Мы требуем, чтобы нам тоже дали чуть-чуть порулить...

Довольно жалкая позиция. Нет позитивного вектора, в который верили хотя бы сами оракулы имперского возрождения. В каком направлении они собираются крутить рулем? Какие народы и государства смотрят на них с надеждой: Северная Корея? Южная Осетия? Восточный Тимор? Западная Бенгалия? Перед лицом Тютчева назвать это имперским возрождением стыдно.

Вопрос: как же мы дошли до жизни такой?! Ответ: постепенно.

После революции имперский дискурс, преломившийся в глобальные революционные амбиции, быстро показал свою несостоятельность. Мировая пролетарская революция что-то задерживалась, и Советский Союз как центр Нового Глобального Проекта был вынужден потихоньку переходить к строительству светлого будущего в одной отдельно взятой стране. Появляется И. В. Сталин. И начинает целеустремленно восстанавливать схлопнувшийся на закате династии Романовых идейный разрыв между неприглядной властной практикой и возвышенной государственной мечтой. Теоретически мы в сталинском СССР по-прежнему претендуем на глобализм, несем счастье всем трудящимся народам, боремся за построение справедливого общества, свободного от аппарата насилия, который именуется государством. А на практике укрепляем административный и репрессивный аппарат (число государственных чиновников к моменту выхода из НЭПа выросло вдвое по сравнению с 1913 г., а к Великой Отечественной войне еще раз удвоилось), изолируемся от внешнего мира, переводим экономику на рельсы милитаризма, сводим к нулю свободу творческого высказывания, свободу информационного обмена внутри и вне страны.

Из множества вариантов реализации духовных ресурсов, накопленных русской имперской культурой, Сталин выбирает один. Он намертво сплавляет потенциал глобальной русской мечты с идеологией коммунизма. Все прочие варианты истреблены. Энергия веры в миссию Государства брошена в бетонный желоб марксистской идеологии и вращает турбины сталинской модернизации.

Подчеркнем две особенности этого процесса.

С одной стороны, действительность разводится с идеологией куда резче, чем прежде. В действительности страна проходит через три волны голода,

смертей, людоедства (1918–1922, 1929–1933, 1945–1947), но в идейном пространстве Империи этих событий нет. Так, отдельные трудности на пути в светлое завтра. Кажется, ничего нового – просто с удесятеренной силой повторяется тютчевское раздвоение. Но на самом деле это уже не раздвоение, а хирургическое отсечение, изоляция той части социального мышления, которая способна адекватно воспринимать действительность. Социалистическая практика подается обществу как череда бесконечных побед. В идейном отношении СССР – ослепительная вершина мира, нам все вокруг остро завидуют и потому стремятся уничтожить. Поддерживать это чудовищное раздвоение можно только в условиях жесточайшей информационной блокады, не позволяющей обществу и элитам осознать плачевную реальность. Никита Хрущев в своих воспоминаниях простодушно пишет, что ни он, ни его коллеги из ближайшего окружения Сталина не имели представления о том, что в стране происходит на самом деле.

С другой стороны, уникальность социалистической идеологии в том, что одновременно с изъятием из мозга нации неприятных сторон реальности сам источник духовной силы народа переносится на землю и материализуется. Отныне (и навечно, как полагал Сталин) сила российского мессианства сплетена с такими конкретно-бренными сущностями как политэкономия социализма, телесная оболочка Вождя, советская власть, компартия.

«Марксизм – сформулировал Сталин в беседе со своим биографом В. Моцаловым – это религия класса... Мы – ленинцы. То, что мы пишем для себя – это обязательно для народа. Это для него есть символ веры!»¹.

Иными словами, советский император предлагает народу религиозный догмат, завернутый в наукообразную оболочку. С партийными вождями в качестве пророков. Это грубая ошибка, обусловленная вульгарностью большевизма. Получается парадокс: критика сакральной советской власти, ее первых лиц, политэкономической теории и идеологии жестко запрещена и преследуется органами инквизиции («инквизиция» по-латыни означает «расследование»). В то же время все названные объекты веры теперь посюсторонни, спущены

¹ И. Сталин. Сочинения, Т. 17 «Северная Корона», Тверь, 2004, стр. 636.

с небес на землю, а следовательно, подвержены разрушающим воздействиям повседневности.

Концептуальная трагедия.

Критикой советской идеологии и власти отныне занимается уже не идейная оппозиция, а грубая материальная практика. С оппозиционными идеологами все просто: нет человека – нет проблемы. Но в обмен на эту простоту советская власть вынуждена решать куда более сложную задачу: уничтожить или изолировать самое действительность, грубые факты жизни.

Понятно, вместо тютчевых в таких условиях на идейную сцену выходят одописцы рангом пониже. Которые готовы творить над текстами и над собой насилие, чтобы не видеть этих грубых фактов. Первыми от таких культурных новаций ломаются самые яркие: Блок, Есенин, Маяковский...

Но жизнь-то продолжается. Грубые факты накапливаются. Прятаться от них все труднее.

Уничтожение грани между миром материи и миром веры, сакрализация своей власти и себя (предложение поклоняться мумии вождя – очевидный откат в язычество) раньше или позже приводит материалистическую религию к смерти. А вместе с ней и вдохновляемую ей глобальную концепцию. Варварство советской власти шаг за шагом уничтожает ментальную дистанцию между верой в абстракцию коммунизма и жутковатой действительностью. Когда дистанция уменьшается до критического размера, рушится здание всего мировоззренческого комплекса, включая имперское право СССР на лидерство и глобализм притязаний. Дух Империи умирает, остается только дожидаться распада тела.

Сталинизм как объект веры («верую, ибо абсурдно») сегодня остался объектом поклонения для ограниченного круга сектантов, которые, судя по голосованию за КПРФ, составляют в нашей стране около 15 процентов при среднем возрасте около 65 лет.

Характерно, что эти люди копируют советскую стратегию идеологической обороны: они не верят фактам жизни - их выдумали вражеские агенты! – но зато слепо верят в свой идейный конструкт. И требуют того же от других. Например, КПРФ, отмечая 100 лет со дня рождения Л. И. Брежнева, поясняет, что целью

мероприятия является развенчание злонамеренного мифа о так называемом «брежневском застое».

Ну конечно, застоя не было. Его выдумали за океаном. Было уверенное движение вперед... Например, в Афганистан. Спорить с такими людьми нет смысла. Но есть смысл зафиксировать эмпирический факт: они обороняются. Мужественно держат круговую оборону. Главным образом, от действительно-сти. При этом мирок, который они так отчаянно защищают, на самом деле не интересен никому, кроме них. Никто на него не покушается. Для кого, кроме самих сектантов, фигура Брежнева достаточна символична, чтобы вокруг нее породить идеологический огород?

Советская игра проиграна: коммунистическая идеология обещала народам мира лучшую жизнь. В будущем. Но народы мира видят грубый факт: лучшая жизнь уже имеет место в настоящем – и как раз в странах, которые выступают последовательными противниками коммунизма. В этих условиях имперская идеология России переживает интересную инверсию.

Как всегда после ментального кризиса, когда образ реальной Власти слился с мифологемой Государства и они рухнули, обнявшись, необходимо опять развести эти два понятия. Как всегда, разведение начинается с подбора ментального наполнителя для опустевшей за время кризиса формы под названием «Державная Миссия».

Сталин посадил Российскую имперскую идею на строгую коммунистическую диету. Сегодня нам предлагают несколько державных блюд на выбор. Хотя у них много общего, все равно не удастся избавиться от конкуренции, что само по себе недопустимо с точки зрения классического русского монизма. И в этом тоже кризис жанра.

Во-первых, Государственная Миссия сегодня однозначно отказывается от коммунизма как идейного балласта. Во-вторых, она хочет возродить свой отчасти небесный статус (как нетленную ценность), признавая мирской характер «Власти». Таким образом создается необходимый зазор для риторической компенсации практических неудач. В-третьих, очевидно стремление подзарядиться метафорической энергией досоветского прошлого. Отсюда смена исторического иконостаса и новое позиционирование Сталина, который пере-

стает быть коммунистом, но зато становится русским националистом, стихийным евразийцем, выдающимся державником и даже православным святым – в зависимости от предпочтений и темперамента очередного патриотического сочинителя. Ленин же уходит на задний план как разрушитель державных ценностей, ставленник сомнительных интернациональных сил и даже агент германского генштаба. В-четвертых новая модель «Державы» имеет отчетливую изоляционистскую направленность. В-пятых, (и это главное) поставленная задача возрождения Державного Величия метафорически размыта. И уже поэтому недостижима. Этот голод невозможно утолить, потому что он имеет мифологическую природу.

Что сегодняшняя Власть должна сделать, чтобы Россия опять ощутила себя Великой? Ясного ответа нет. И не может быть. Втягиваясь в гонку за миражом, носители новой державной идеологии обрекают себя на поражение в долгосрочной и среднесрочной перспективе. Что бы они ни сделали, по сравнению со Сталинским Мифом они всегда будут выглядеть слабаками.

Постсоветский имперско-державный дух остро сознает свою неконкурентоспособность. Поэтому он нетерпим как к внешнему «враждебному окружению», так и к внутренним идейным оппонентам. Не говоря уж про либеральную альтернативу («либерастов», как любят выражаться наши державники), они очень агрессивно настроены и по отношению друг к другу. Евразийский Союз А. Дугина непримирим к националистическому Движению против Нелегальной Иммиграции (ДПНИ) А.Белова, а ДПНИ в свою очередь ведет непримиримую риторику с прочими столь же маргинальными державными течениями.

Идейная установка на единство, сплоченность и эксклюзивность (монизм Тютчева, монизм монархии, монизм Ленина, монизм Сталина) вступает в очевидный конфликт с необходимостью примирить конкурирующие ветви державничества. Тем более, что с 2007 года на эту поляну вторгается и принадлежащая к истеблишменту партия «Единая Россия», контролирующая Государственную Думу РФ.

Парадоксальным образом рациональная попытка объединить разношерстную державную публику под общим флагом приводит наиболее дальновидных державных идеологов к выводу о взаимной терпимости, плюрализме и (страшно

сказать!!) идейной конкуренции. Но чем тогда они отличаются от презренных либералов? Только тем, что жестко ограничивают возможное поле дискуссий. Если копнуть глубже, то их идейная общность задана сугубо негативистскими установками: неприятие Запада, неприятие свободы в либеральном смысле слова (т.е. более широкого поля идейной конкуренции, неприятие опыта демократических реформ 90-х годов. Пожалуй, все. Стоит перейти к позитивным ценностям, начинаются непримиримые расхождения.

В ментальной географии постсоветская Империя ориентирована на Восток. А. Г. Дугин, главный идеолог новоимперских мечтаний, требует тесного союза с Ираном и исламским миром, чтобы противостоять ценностной экспансии США. Кажется, органично: раз Запад нам враг, значит, ищем друзей на Востоке. Но и здесь налицо конфликт: ДПНИ ни в какую не желает иметь дело с «черными», «хачами» и прочими порождениями восточной культурной среды.

На самом деле, как и во времена СССР, идеологи постсоветской Империи ищут виртуального утешения в позиции «первого парня на деревне». Существенная разница в том, что СССР действительно был лидером – хотя и очевидно второразрядных стран вроде Анголы, Кубы, Эфиопии, Никарагуа и др., а современная Россия в предлагаемой Дугиным конфигурации заведомо уступает лидерство Китаю и теряется на фоне все более агрессивной риторики мусульманских стран и Ирана.

Маловато для имперского величия. Мираж, он и есть мираж. Если классические русские евразийцы двадцатых годов прошлого века (Святополк-Мирский, Трубецкой и др.) видели Восток как пустое в идейном смысле языческое пространство, откуда Россия может черпать непросвещенную, но могучую и нуждающуюся в государственном окормлении энергию масс («пассионарность» в терминологии Л. Н. Гумилева), то сегодняшний Восток представляет собой куда более агрессивную и угрожающую в идейном плане среду – исламскую или националистически-великоханьскую с внешним коммунистическим флером. На фоне этого, совершенно нового Востока имперская риторика современных евразийцев приобретает пародийный характер: как бы эту замечательную Империю Дугина не проглотили азиатские друзья.

Иными словами, нам нет пути на Запад, но и на Восток мы тоже боимся. Остается строить Империю за забором, исключительно для домашнего пользования. Бедный Тютчев! Бедный Сталин! Бедные сегодняшние кремлевские державники, обреченные вместо парчовой роскоши былых мифологических пиршеств расстилать перед российским народом скромную простынку из торгового центра IKEA!

А ведь обещания были ого-го! Аппетит у избирателей разыгрался не на шутку. А здесь, как на грех, очередные обломы с Грузией и Белоруссией.

«Мы считаем Россию историческим и культурным центром мира» - заявляет молодежное патриотическое движение «Наши» в своем манифесте.

Ничего оригинального: еще великий советский поэт С. Михалков сказал: «Начинается земля, как известно, у Кремля». Кто ее знает, где она на самом деле начинается и где у мира исторический и культурный центр. Например, для Тютчева это все-таки были Рим и Константинополь. Советская державная сказка, доведенная до крайнего предела, неизбежно превращается в пародию. На беду, у новых державников нет тютчевского вкуса и оттенка горькой насмешки они в своих словах не слышат.

Что делать: культурная деградация, три поколения насаждавшаяся в СССР, не может пройти бесследно.

Вместо марксизма как идейного наполнителя сталинской имперской формы реставраторы Империи пытаются использовать классическую геополитику. Очевидная промашка, ибо классическая геополитика есть учение о территориальном разрастании и конфликтах государственных образований вне зависимости от их идейного содержания. Франция геополитически конфликтует с Германией, Германия с Англией, Россия с Японией и пр. Так, во всяком случае, учит теория столетней давности. Геополитика сама по себе не может быть духовным обоснованием Империи. Она не объясняет, почему «Мы» лучше чем «Они», почему «Мы» можем и даже должны сделать «Их» счастливыми. Для этого нужна иная, более вдохновляющая идея. Зато геополитика очень хороша как орудие идеологической обороны. Здесь как раз все понятно: «Нас» хотят геополитически подчинить, а «Мы» вынуждены обороняться... Что от тех, что от этих.

Однако это не имперская логика. Это логика маргинальной Северной Кореи, представитель которой при ООН Пак Киль Ен заявил в ответ на осуждающую испытания ракет резолюцию, что только страх перед ракетно-ядерной мощью КНДР удерживает США от нанесения удара по свободолюбивой республике... То есть трусливые США спят и видят, как бы поработить гордую родину учения Чучхе, заставить ее народ есть нормальную еду вместо травы и строить что-нибудь вроде Самсунга, Хьюндаи или Дэу вместо ракет и атомной бомбы... На фоне сообщений ООН о голодной гибели 2 миллионов северокорейцев довод смотрится как откровенная пародия. Но им, кажется, невдомек. В их замкнутой системе ценностей довод еще как работает!

Но что произойдет, когда система национальной лоботомии по сталинскому образцу даст слабину – что неизбежно в условиях нарастающей информационной прозрачности? Произойдет катастрофа покруче, чем у нас в СССР. Не останется ничего святого, потому что все святое было замкнуто на образ Ким Ин Сера/Ким Чен Ира.

Что касается России, то здесь, несмотря на последовательное ограничение свободы СМИ, удержат под спудом очевидные факты снижения имперской влияния России уже невозможно. Катастрофа мечты о Союзе России и Белоруссии стала фактом массового сознания. И это сознание, наивно ожидавшее прорыва в белорусском направлении, переживает мучительный шок: кто оказался врагом? То ли брат-славянин Лукашенко, то ли воплощение державной мечты Путин? В любом случае реальность ничуть не укрепляет величественные бредни постимперского сознания.

А кто будет отвечать? Либо те, кто ставил этот вопрос в политическую повестку дня и понемногу разогревал настроения имперского реванша, либо те, на кого удастся перевалить ментальную ответственность за то, что мираж оказался недостижимым. Запад? Польша? Внутренние враги? В рамках сформулированной парадигмы российская власть технически вынуждена либо найти и покарать виноватых либо немедленно совершить какой-нибудь победный маневр типа маленькой победоносной войны. Иначе державная идея постепенно сдуется, а вместе с ней сдуется и подушка социальной поддержки путинского режима.

Плохо работает в качестве идейного обоснования имперского проекта и Православие. В современной России де-факто сосуществуют как минимум четыре религии, и ни одна из них в одиночку не обладает имперским мобилизационным потенциалом. Ослабленное большевиками Православие сегодня больше озабочено восстановлением влияния и защитой «канонической территории» от посягательств католиков и протестантов. Во времена роскошного тютчевского экспансионизма оборонительное понятие «канонической территории» было уместнее скорее для Европы, которой наш поэт от широкой души обещал Православного папу в Риме...

То же самое можно сказать и о русском национальном проекте: русская Империя невозможна в принципе, ибо Россия по определению многонациональна. Даже в чисто теоретическом отношении это уже не имперский, а националистический проект, отталкивающий прочие народы, давно и по праву привыкшие считать себя достойной частью России. Если же говорить о попытке практической реализации подобных идей, то ничего кроме крови и скорого территориального распада она не принесет.

Забавно выглядит концепт А. Проханова о «Пятой Империи». Здесь суть дела вообще поставлена с ног на голову: вместо того, чтобы объяснить, чем новая российская Империя будет лучше, интереснее, эффективнее своих глобальных конкурентов, Проханов предлагает использовать само строительство «Пятой Империи» как консолидирующий проект. То есть у него не какая-то высшая идея одухотворяет и консолидирует Империю, а, наоборот, острое желание жить в Империи должно вдохновлять и подталкивать народы к совместной радостной работе!

Такого, кажется, в истории еще не бывало.

Концепция евразийства, которую Дугин предлагает в качестве еще одного наполнителя имперского проекта, отличается от прочих только внешней новизной. Впрочем, экспертам еще с 20-х годов знакомы благие пожелания «демотического» или «идеократического» Союза (симфонии) народов. Идеократия означает правление особого класса стратегов-идеологов, которым ведомо некоторое высшее благо, ради достижения коего им вручается безусловное право принимать Стратегические Решения – пусть даже вопреки интересам

конкретной личности, конкретной территории или конкретного этноса. Дугина не очень занимает вопрос о содержательной стороне Идеи. Пусть, например, это будет Величие Евразии или Геополитическое Противостояние силам Запада... Главное, чтобы Идея занимала доминирующее положение и гарантировала Стратегическому Совету Евразии право действовать без оглядки на демократию, на права личности и прочие выдуманные Западом пустяки. Не волнует его и вопрос о системе формирования этой жреческой коллегии. Очевидно, носители сакрального знания воспитываются внутри этой замкнутой касты сразу людьми без страха и упрека, готовыми к реализации высокого стратегического предназначения...

Чем эта модель управления отличается от жреческой касты древнего Египта, от масонской ложи, от закрытой кадровой структуры КГБ или ЦК КПСС, автор не объясняет.

Да ничем она и не отличается. Всего лишь подретушированная версия сталинского СССР. Та же идеократия, та же безусловная монополия на стратегические решения, та же декларация возвышенных целей и милитаристский дух противостояния враждебному окружению. Впрочем, у нее не меньше общего и с Третьим Рейхом. Следует, однако, обратить внимание, что и гитлеровский Рейх, и сталинский СССР исходили из неких возвышенных теоретических целей – будь то построение коммунизма или обеспечение мирового господства арийской расы, а имперские механизмы были для них (по крайней мере на теоретическом уровне) скорее средством достижения данных высоких целей. У Дугина же, как и у Проханова, такой возвышенной цели нет. Для обоих цель – самое Империя, ее державное величие. Безотносительно содержания.

Империя, идейно пустая изнутри – такого, кажется, еще не бывало.

Реальная политическая практика евразийства выглядит экзотично. Вместо декларируемого объединения («симфонии народов») евразийцы призывают к расчленению Украины (еще два года назад «братской») с тем, чтобы откусить от нее хотя бы русскоязычные территории Юга и Востока. Не говоря о том, что эта авантюра нереализуема в принципе, даже в чисто идейном плане она служит знаком деградации самой по себе евразийской концепции: ее авторы заведомо не рассчитывают увлечь в свою Евразию «славянских братьев»

с Запада республики. Не говоря уж про Польшу, Хорватию, Чехию, Словению, Болгарию и прочих «славянских братьев».

Впрочем, они заблуждаются и насчет стремления к ним под крыло и «братьев» из Донбасса и Харькова. Не говоря уже о русских в странах Балтии, которые, вопреки теории, остаются там, хотя правительства балтийских республик настойчиво предлагают экономическую поддержку всем вознамерившимся вернуться в Россию.

Людам в их практической жизни не нужна дугинская Империя. В теории – да, нужна. И даже очень! Но только до того момента, когда поднимется вопрос, кому платить за разбитые горшки. Мы очень даже не прочь быть великими, только чтобы по счетам платил кто-нибудь другой... Пусть воюет чей-нибудь чужой сын. Пусть кто-то другой бесплатно ковыряет киркой залежи урана за колючей проволокой...

На практике те же самые элитные патриоты уверенно выбирают высокие жизненные стандарты, которые предлагает гнилой Запад. На Запад они отправляют учиться своих детей (почему не в дружественную Сирию, в Иран или в Китай?), в западных банках и ценных бумагах они держат свои скромные трудовые сбережения (почему не в лукашенковских «зайчиках» или в северокарейских вонгах?), на больших красивых иномарках они ездят по своим важным государственным делам (почему не на «ЗИМе?»).

Где-то там, среди стран «золотого миллиарда» де-факто и располагается сегодня Империя в тютчевском смысле слова. Как источник и система современных ценностей, как зона зарождения новых технологий, в том числе и социальных. Там, увы, расположена глобальная метрополия, которая притягивает к себе наиболее одаренных и конкурентоспособных людей со всего света, формируя кадровые и интеллектуальные ресурсы для реализации мирового лидерства...

Обидно, но это грубый факт жизни. Можете его игнорировать: от факта не убудет.

В принципе здесь можно было бы ставить точку. Постсоветская имперская идея, не родившись, поглотила самое себя. Она путает цели и средства, мифы и реальность. Она явно измельчала по масштабу. Она не чувствует, что выглядит

смешно. Ей изменяет вкус. Вместо систематической разработки понятийного и терминологического аппарата она генерирует метафорическую окрошку из обрывков Православия, геополитики, язычества, марксизма, евразийства, одобренных причудливыми рассуждениями о пассионарности, этногенезе и эзотерических культах.

Продукт рассчитан на крайне невзыскательного потребителя. В социальной практике он способен решать лишь одну, весьма несложную задачу: наскоро утолить острый голод общества на возвышающую мифологию и создать иллюзорную основу для правящего режима. В итоге концепция Империи становится откровенно виртуальной – не имея серьезных ресурсов для постановки высоких и непротиворечивых целей, она играет словами и изображает фальсифицированные победы. Сегодняшняя «энергетическая сверхдержава» – это не что иное, как вчерашний «сырьевой придаток». Но как звучит! Вот вам первая виртуальная победа. Но надолго ли?

Само изобилие скороспелых имперских проектов показывает, что освоение темы идет на метафорическом, декларативном уровне. Когда новый державник М. Леонтьев в эфире обещает через два года вернуть Прибалтику – это не более, чем шоу. В Эстонии, бедной природными ресурсами, душевой ВВП к 2006 г. уже достиг 10 000 евро в год. Тогда как в великой и могучей России с нашими нефтью, газом, алмазами и золотом только преодолел 9000. Жизненные стандарты, включая безопасность и социальную помощь, в странах Балтии выше. В январе 2007 г. Латвия заявила о готовности платить 230–250 долларов за тысячу кубометров газа – то есть нормальную среднеевропейскую цену. С какой стати им стремиться в объятия «старшего брата»?

Они, напротив, стремятся в объятия НАТО, чтобы защитить свои скромные завоевания от намекающего на силовой вариант воссоединения М. Леонтьева. Реальная «конфедеративная имперская модель» Запада с метрополией в зоне «шенген+евро» оказывается притягательнее виртуальной имперской модели Востока. На этом фоне ТВ-певец империи предстает клоуном, вразнос торгующим имперским фастфудом. Фастфуд вещь неплохая и популярная, но раньше или позже приедается. А что дальше? Дальше выясняется, что наша великая Держава, оказывается, ведет тяжелые бои за достижение душевого дохода,

сопоставимого с Португалией. Хотя для начала было бы неплохо сравняться хотя бы с Эстонией.

Португалия, кстати, относительно недавно тоже была империей. Тоже переболела силовиками у власти, которые успешно эксплуатировали тоску народа по величию. И после них приходила в себя несколько десятилетий.

Ничего конкретного, кроме необходимости ответить на цивилизационный вызов Запада и защитить свою самобытность, имперские идеологи нам сегодня предложить не в силах. Это означает, что вне и помимо противостояния с Западом строительство российской Империи самостоятельного смысла не имеет. Меж тем у Запада как раз есть такой простой и понятный смысл: он верит, что несет отсталым народам знамя свободы, справедливости, лучшей жизни.

В этом, тютчевском смысле слова Запад как глобальный лидер гораздо больше соответствует понятию Империи, чем Россия. Хотя сам он избегает имперской риторики, но, глядя со стороны, Америку шутки ради можно было бы назвать «Четвертым Римом». В самом деле, здесь и Римское право, и Капитолий, Сенат, и прочие вполне имперские символы – вспомните хотя бы название самого известного американского небоскреба...

На самом деле важнее, что на Западе неплохо решена социокультурная проблема разделения «Власти» как бюрократии и «Державы» как миссии. Если бюрократ Буш наломал дров в Ираке, это еще не значит, что провалилась глобальная имперская миссия США, которые несут человечеству идеи свободы, процветания и т.д. Эту идейную миссию будут (более или менее успешно) нести последующие президенты, как несли ее предыдущие.

Нравится это России или не нравится – для них дело десятое. В конце концов, это частность. Важнее иное.

Какую глобальную миссию, какую имперскую эстафету ценностей передают наши элитные группы при смене караула – вот в чем вопрос. Похоже, они и сами это не очень понимают. Может поэтому так боятся этой смены? Власть, Держава, Величие, Надежда – все опять персонифицировано в одном человеке.

А ведь человек-то грешен. И смертен. Или уже нет?

Проблема серьезней, чем кажется. Пока нет ясного понимания стратегии и целеполагания, имперская мифология может стать орудием решения частных

лоббистских задач. Любых. Неоформленное стремление почувствовать себя Державой вкупе с вполне материальными стремлениями увеличить бюджетное финансирование вполне могут подтолкнуть российское силовое лобби к развязыванию локального конфликта в «зоне имперского влияния».

Ради чего? Что будет означать победу в этом случае?

Реальная, по-настоящему мощная Империя тем и хороша, что ставит перед подданными ясные и простые задачи. Знай, плати дань деньгами и рекрутами (потому и называются: под-данные), соблюдай закон, а там живи себе, как можешь. За пятнадцать лет существования СНГ претендующая на статус Империи страна так и не сумела конкретно сформулировать, чего она хочет от стран Содружества. А раз не сумела, как можно оценивать эффективность, лояльность, перспективность взаимодействия? Как можно претендовать на функции лидера тот, кто не сформулировал правил взаимодействия в команде?

Расплывчатость целей и ценностей при острой жажде показать свою крутость может привести (опять!) не только к бесцельной растрате демографических и материальных ресурсов, но и к очередному циклу деградации государственной идеологии. А вслед за ней – и государственного пространства.

Единственным непротиворечивым имперским проектом будущего можно было бы признать гипотезу А. Чубайса о «либеральной империи». Лидерскими позициями, опирающимися не на экстенсивную эксплуатацию демографических или природных ресурсов (подобно Китаю или Исламскому миру), а на интенсивные и эффективные организационные, технологические и информационные решения, сегодня обладают только страны с либерально-рыночной организацией экономики и государственной идеологии. По крайней мере стран с иной организацией среди глобальных лидеров сегодня нет.

При таком подходе можно было бы назвать «либеральными империями» (извините за неполиткорректный термин) США и Европейский Союз, которые играют роль двух наиболее влиятельных и притягательных центров глобального развития.

Если поставить задачу сделать Россию передовой, эффективной, приятной для жизни и привлекательной для соседей страной с высоким жизненными стандартами, то потребуются либеральные преобразования, ориентированные

на укрепление конкуренции и эффективности. Разделение властей, создание независимых социальных и экономических институтов и пр. Однако понятие либерализма в России сегодня так же дискредитировано, как завтра будет дискредитировано понятие Империи. Идея сильного и эффективного либерального государства прошла мимо нас как одна из потенциальных возможностей – и скрылась за горизонтом.

Сегодня в моде империя нелиберальная, силовая. Именно сила (если не термоядерная, то хотя бы углеводородная) кажется ее адептам необходимым и достаточным условием для повышения статуса России. Нет оснований сомневаться, что близкой точки зрения придерживается и значительная часть населения нашей страны.

В худшем случае это чревато военными конфликтами разного масштаба, в лучшем – постепенной идейной и экономической деградацией страны и государства по аналогии с Аргентиной, которая сто лет назад была в десятке мировых лидеров по экономическому росту, но за долгие годы популизма элит (в том числе силовых) сползла во второй эшелон.

То же самое показывают примеры «повторных империй», пытавшихся следовать мифологическим образцам из собственной истории: Португалии (Салазар), Испании (Франко), Италии (Муссолини) и двух других, более широко известных и более трагичных держав, тоже спекулировавших на великом прошлом.

